

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 3 ЯНВАРЬ 1982

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (2844)

16 ЯНВАРЯ 1982

На высоте.

НЕПРОСТА

Монтажник-верхолаз И. Кулматов.

Я ЛИНИЯ

Адрес указан XXVI съездом КПСС

Ю. ЛУШИН

Фото автора

«Ввести в действие первую очередь линии электропередачи постоянного тока напряжением 1500 киловольт Экибастуз — Центр и линии электропередачи переменного тока напряжением 1150 киловольт Экибастуз — Урал».

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

Дорога была неблизкой — 1200 с лишним километров. Их электрическая дорога. Они смотрели на карту и видели, что на пути к Уралу им придется идти через выжженные солнцем степи, форсировать реки, пробиваться через болота и прорубаться сквозь леса. Именно идти, потому что строители ЛЭП свои электрические дороги мерят собственными ногами — такова специфика работы. Они знали, что подобных линий еще никто в мире не строил. Шутка ли — по проводам пойдет переменный ток Экибастузских ГРЭС под высочайшим напряжением — 1150 киловольт! А рядом начнется вторая невиданная по мощи линия, но уже постоянного тока: Экибастуз — Центр с еще большим напряжением — 1500 киловольт...

Монтажники смотрели на карту и ждали, что скажет Александр Васильевич Павлов, их бригадир. Он же, глядя на нарисованные красивые значки опор на бумаге, пытался представить себе их реальный вес, реальные условия, ветер, мороз или, наоборот, жару и другие невзгоды, сопутствующие монтажу. Для него — и это кому-то могло показаться странным — всегда было интереснее, если таких сопутствующих моментов оказывалось достаточно много. Так было, например, в Киргизии, на монтаже ЛЭП-500 Токтогул — Андижан, где горы не давали монтажникам ни минуты спокойной жизни, все время держали в напряжении. Там монтаж каждой опоры расценивался как победа, потому что всякий раз требовалось предельное напряжение творческих и физических сил, полнейшая самоотдача. Тросы толщиной в руку для подъема 46-тонных опор натягивались тягачами, стоявшими, бывало, за горой, где-то далеко внизу, километра в полутора. Ближе не поставишь — крутые склоны. Бригадир находился у самой опоры, контролируя подъем, и должен был командовать тягачами, не видя их. Успех зависел от точных и синхронных действий каждого, но прежде всего от него, бригадира.

— Веселая была работа,— вспоминал Павлов,— настоящая работа. На вершину горы приходилось ставить сигнальщиков с флажками. Они-то и передавали тягачам мои команды. Пока смонтируешь опору, взмокнешь — парной не нужно. И все это на высоте свыше трех тысяч метров...

Итак, монтажники смотрели на карту и ждали, что скажет бригадир. Тот помолчал немного, накрыл огромной своей ладонью изрядный кусок трассы, словно печать приложил, и сказал:

— Работа настоящая. Едем...

Экибастуз встретил их апрельской метелью, но через день ослепительное казахстанское солнце постаралось стереть даже воспоминание о ней. Потом на новичков вдруг обрушился невесть откуда взявшийся ураганный ветер, и они поняли, что здешняя природа сразу же решила предупредить их о своем неуживчивом характере. «Ну что же,— подумали они,— это честная игра, мы ее принимаем». Вечером, сидя в вагончике и бережно обнимая толстыми пальцами карандаш, Павлов записывал в потрепанную записную книжку-дневничок впечатления: «25 апреля. Сегодня смонтировали первую опору. Стоит она пока одна-одинешенька в чистой степи, но скоро у нее появятся подруги, много подруг...»

Недавно я ехал по степи. Ослепительно сверкали снега, бесшабашно проскакивали через дорогу шары перекати-поля, уносясь куда-то по воле ветра. Не на чем было остановиться взору, и казалось, можно ехать по этой снежной пустыне бесконечно, не встретив человеческого следа. Но я знал, что это впечатление обман-

чиво, что степь жива и живет трудом тысяч людей самых разных специальностей. Как бы в подтверждение этого вдали возникла... труба парохода, а затем и неясные очертания палубных надстроек. Я долго смотрел на это степное чудо. Не мираж ли? Потом, когда подъехали ближе и показалась вторая труба, я понял, что этот странный корабль и есть Экибастузская ГРЭС-1, от которой и начались мощные электрические реки. Загадка разрешилась, но ощущение чуда не исчезло. Подумать только, как все устроено в природе. Черный холодный камень — уголь выкапывают из земли и стирают в порошок, чтобы сжечь, а он, умирая, превращается в тепло и свет. Зерна пшеницы бросают в землю, и они ценой собственной жизни открывают дорогу к солнцу новым росткам и новым зернам. Человек отдает все свои силы разным полезным делам, и это не проходит даром, оставляя след на земле и в сердцах грядущих поколений...

Трубы ГРЭС скрылись за горизонтом, а впереди показалось новое чудо. Будто вереница журавлей на узком взмахе крыл вылетала нам навстречу. Они приближались к нам долго, все увеличиваясь в размерах, и в какой-то неуловимый момент вдруг превратились в ровную цепочку уходящих за горизонт опор ЛЭП. Таких мне видеть еще не приходилось. Издали казалось, что они крепятся только одной точкой к земле, и неясно было, как они вообще стоят и не падают. Подъехав ближе, я увидел, что опоры держались на растяжках из мощных тросов. И не только держались, но и несли на своих плечах гирлянды тяжелых изоляторов, к нижним концам которых подвешивались толстые многожильные провода — так сказать, русло суперэлектрической реки. По руслу-проводам на 40-метровой высоте непринужденно ходили монтажники. Это был не цирк, это была обычная работа на ветру и морозе, которая в переводе на деловой, технический язык именовалась довольно обыденно: перекладка проводов в поддерживающие зажимы. После этой перекладки по линии можно пускать ток...

Долго смотрел я на работу монтажников-верхолазов и думал о том, что время летит вперед, запускаются в космос ракеты, придумываются хитроумные станки, работающие без участия человека, осуществляются самые невероятные проекты, а работа монтажника, суровая мужская работа, остается по-прежнему неизменно трудной. И, наверное, долго еще останется такой. Потому что вдохнуть жизнь в этот холодный металл, в тысячи километров проводов способно только тепло человеческих рук, и ничто не может их заменить...

Двое спустились с высоты только часа через три, и бригада немедленно отправилась к следующей опоре. Ветер усиливался, началась пурга, третью от нас опору уже нельзя было разглядеть, поэтому монтажники спешили. Спросил одного из них, Виктора Ефремова:

— Ну, как там, наверху?

— Не жарко,— ответил он,— но весело, акын концерт давал, песни пел...

— Работал с песней,— уточнил Иманбек Кулматов, «акын».

— О чем же пел?

— Обо всем. Что степь просторна, а небо высоко, что линия наша непростая, что сверху мне видно до Уральских гор, что птицы летают подо мной...

— Но птиц тут вообще не видно!

— Если были бы, то летали ниже,— ответил Иманбек убежденно, посмотрев вверх... Он был монтажником по призванию и поэтом в душе.

Вечером под завывание метели бригадир Павлов записывал: «Вчера навесили проводов на полторы опоры, сегодня только на одну — пурга помешала. Летом делали больше. Прошли сотый пикет...»

На одну опору... Это значит, что за день бригада продвинулась всего на 400 метров. Сотый пикет — сотая опора, сороковой километр. Сколько же опор уместится от Экибастуза до Урала? Детская задачка, рождавшая тем не менее массу серьезных вопросов. Решали мы ее вместе с начальником Экибастузского электрического преобразовательного комплекса производственного объединения дальних передач Василием Корнеевичем Тимом. Вернее, Тим просто давал ответы, для него все давно было решено.

— Трассы обеих сверхмощных ЛЭП выбраны с помощью аэрофотосъемки и просчитаны на ЭВМ,— рассказывал Тим.— Ученые составили также карты частоты и интенсивности гроз во всех зонах, где проходят линии, что позволит обеспечить их безаварийную эксплуатацию. Кстати, первый участок ЛЭП-1150 от Экибастуза до Кокчетава будет готов уже в 1982 году. На нем будет 1400 опор, причем половина из них уже смонтирована, а фундаменты под опоры готовы на всей трассе. Десятки бригад работают одновременно на разных участках, параллельно возводятся подстанции. В будущем эта ЛЭП пойдет по новому направлению, через Барнаул и Кузбасс к КАТЭКу — Канско-Ачинскому топливно-энергетическому комплексу в Сибири...

— Я все время слышу — сверхмощная ЛЭП. Для чего это?

— Причины чисто экономические. Чтобы передать всю энергию Экибастуза, потребовалось бы пять-шесть ЛЭП-500, а мы обойдемся двумя. При этом будет достигнута значительная экономия металла и проводов, а главное — сократятся потери самой электроэнергии при ее передаче на столь далекие расстояния. Кстати, линию будут обслуживать всего человек шестьдесят, не больше.

Мы покидали трассу на следующий день. Медленно удалялись к горизонту опоры ЛЭП, словно нехотя уменьшались в размерах, пока в какой-то неуловимый момент не стали вдруг похожи на вереницу журавлей. Теперь-то я знал, что они «улетают» к Уралу...

ИВАН ЛЕОНТЬЕВИЧ ГАРАНТИРУЕТ...

Садясь в такси, мы редко обращаем внимание на номер машины и почти никогда — на скромную надпись, указывающую номер таксопарка. И все же многие киевляне успели заметить, что если водитель из второго таксопарка,— он профессионально вежлив, не закурит в машине, подскажет наиболее удобный маршрут, поможет поднести вещи...

Такси мы чаще поругиваем. Что говорить, есть еще недостатки, и о них пишут... Но будем справедливы: наездить четыре сотни километров по городу в течение смены — в невообразимой толчее, в мороз и слякоть — нелегкий труд. Среди водителей такси немало мастеров, влюбленных в свое дело. А тут целое предприятие, где тысяча машин, две тысячи водителей, завоевало доверие и симпатии горожан. Факт, скажем прямо, заслуживает внимания. И мы решили посмотреть, как же это удалось руководству таксопарка создать столь дружный и дисциплинированный коллектив.

Если не кривить душой, то основой успешной работы стала отличная материальная база. (Материя первична — никуда не денешься!) Весь таксопарк — это одно многоэтажное здание. Вместе с директором Ю. И. Михневичем мы проехали на машине снизу вверх, полого поднимаясь с этажа на этаж. На каждом справа сто машин и слева — сто. Чисто, тепло, сухо. Воздух чище, чем на улице,— работает вентиляция.

Мы подошли к одной из машин. Стекло водителя опущено, ключи зажигания на месте, ни одна дверца не заперта. Подошли к другой — то же самое. Завтра придет водитель на смену, повернет ключ — и готов к выезду.

В свое время коллектив получил от строителей отличное здание. Но только. Все обустройство велось своими силами. Ведь, кроме собственно гаража, здесь, под одной крышей прекрасный, мест на семьсот, зал, есть конференц-зал, библиотека, удобные бытовки, отделение медконтроля...

Кстати, в штате таксопарка врач и двенадцать фельдшеров. В их распоряжении новейшая аппаратура. Накануне нашего посещения тут побывала профсоюзная делегация одной из капиталистических стран. Гости решили пройти медконтроль, как его проходит каждый водитель перед выездом на линию. В течение нескольких минут приборы показали, что двоим из гостей за руль садиться нельзя. Их товарищи с смехом пояснили, что эти двое накануне, образно говоря, «принимали».

Но наиболее впечатляют, конечно, ремонтно-профилактические службы. Какое сердце автомобилиста не дрогнет при виде линии диагностики, где за пять минут можно узнать об автомашине все: как работает двигатель и каждая свеча в отдельности, изношены ли тормоза, правильно ли установлены фары и т. д. и т. п. Скажем, балансировку колес проверяют, не снимая их: это значит, что в считанные секунды учитывают вибрации всей подвески, включая и тормозной барабан, чего не сделаешь на балансировочном станке.

А чтобы проверить давление в шинах, не надо свинчивать колпачки, подносить манометр. Электроника мгновенно покажет давление. А ведь все это и многое другое — экономия времени водителя, возможность каждый день держать на строгом контроле техническое состояние всего машинного парка.

Здесь свои небольшие, но прекрасно оборудованные механический, кузнечный, моторный цеха. И на каждом шагу приспособления и приборы, сделанные руками рационализаторов и изобретателей. Об уровне ремонтной службы говорит такой факт. Двигатель после заводского ремонта проходит 15—20, а если хорошо, то 40 тысяч километров. Здесь же практикуют так называемую контрольную переборку. Получают с завода отремонтированный двигатель, разбирают его до винтика и собирают заново со всей тщательностью. Этим заняты такие асы, как слесарь-моторист Павел Кириллович Бондаренко и его ученики. Пройдя через их руки, тот же двигатель ходит до ремонта сто — сто пятьдесят тысяч километров.

Заменить мотор в машине тут не проблема. Утром подписал заявку — к вечеру машина будет стоять с новым двигателем.

Все эти и десятки других, скажем так, приятных мелочей создают наилучшие условия для работы водителей. И нет тут текучести кадров. Лишь чрезвычайные обстоятельства да пенсионный возраст заставляют их подавать заявления об уходе. А стабильность коллектива позволяет наладить планомерную, рассчитанную не на один день воспитательную работу. Здесь крепкая боевая партийная организация, многоплановую работу проводит профсоюз.

И не случайно именно в этом таксопарке, официально именуемом АТП 09102, впервые в республике на машине Ивана Леонтьевича Мураховского появилась надпись: «Гарантирую отличное обслуживание». Его начинание нашло поддержку во всей республике, но в первую очередь его поддержали в родном таксопарке.

Водители с большим уважением относятся к своему старейшине — Иван Леонтьевич за рулем с 1936 года. Коммунист, отличный товарищ, человек с большим житейским опытом, отмеченный многими боевыми и трудовыми наградами. В годы войны он был танкистом.

В бригаде Ивана Леонтьевича тридцать шесть водителей. Я спросил, как он влияет на своих подопечных.

— Мир тесен,— сказал он.— Я многих в течение дня встречаю в городе. А перед сменой с каждым успеваю увидеться. У нас вся работа построена так, что руководство постоянно информирует об оперативной обстановке на дорогах, о всех происшествиях вчерашнего дня или прошедшей недели. И потом...— он пожал плечами,— разве я один забочусь о том, чтобы и план был и пассажиры довольны? Мы всей бригадой. Проскочил товарищ на недозволенной скорости или его кто-то заметил с сигаретой за рулем — сообща делаем внушение. А если что посерьезней — выдаем обходной лист.

Нет, не на увольнение. Есть в гараже обходные листки для нарушителей дисциплины. Первым его подписывает бригадир, он же предлагает и меру наказания. Потом надо подойти к начальнику колонны, получить его подпись и внушение и так далее — до директора. И каждый побеседует... Директор спросит у нарушителя: «Уважим просьбу бригадира? Запишем выговор?» А может и добавить...

— Коллектив у нас дружный,— говорит И. Л. Мураховский,— я имею в виду не только свою бригаду — весь парк. Люди болеют за общее дело, а потому у нас на линии, считай, всегда тысяча глаз. Конечно, случаются нарушения. Редко, правда, но мы их не прячем. Наоборот, обсуждаем, разбираем на общих собраниях... Так что, останавливая такси, присмотритесь: если это машина из нашего парка, отличное обслуживание гарантируем.

Станислав КАЛИНИЧЕВ

И. Л. Мураховский за рулем сорок пять лет.

Асы киевских улиц.

Зона механического обслуживания.

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО

В диспетчерской таксопарка.

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

ГОД — НОВЫЙ, ПРОБЛЕМА — СТАРАЯ

Фото ТАСС, журналов «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» и «Ньюсуик»

Прошедший год был отмечен усилившимися классовыми боями трудящихся крупнейших капиталистических стран за свои жизненные интересы. Монополии решали и продолжают решать свои экономические трудности за счет рабочих и служащих: сокращают производство и закрывают заводы, выбрасывая за ворота сотни и сотни тысяч трудящихся. Безработица стала настоящим бедствием для таких, в частности, промышленно развитых стран, какими являются США и ФРГ.

Президент Рейган обязался не допустить, чтобы уровень безработицы превышал 8 процентов, однако в октябре прошлого года она достигла этого показателя и, по мнению некоторых экономистов, может намного превысить эту цифру и побить в 1982 году девятипроцентный «рекорд», достигнутый в период спада 1975 года.

Для ФРГ проблема заключается не только в числе безработных, но и в стремительном его росте — 54 процента за последние 12 месяцев. В связи с этим считается возможным, что цифра в 2 миллиона будет достигнута в ближайшее время.

На снимках:
ФРГ. Рабочие концерна «Керамаг» в городе Ратинген протестуют против закрытия предприятий фирмы и массовых увольнений.

США. Рабочие автомобилестроительной промышленности на демонстрации протеста против антинародной экономической политики (город Ленсинг, штат Мичиган).

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

ПО ПУТИ АННЕКСИИ

Министра обороны Израиля генерала Шарона пытаются изобразить как большого либерала. В чем дело? Суть — в осуществляемой им широко разрекламированной кампании по проведению «новой политики» в отношении коренного арабского населения Западного берега реки Иордан, оккупированного Израилем. Политика эта определяется как «автономия». На деле — замаскированная форма аннексии.

Совсем недавно, например, была предпринята такая на первый взгляд безобидная мера: в оккупационной администрации несколько военных были заменены гражданскими лицами. Это было сделано для того, чтобы под предлогом «нормализации» положения на оккупированных территориях стереть различия между администрацией Западного берега и администрацией Израиля. Но у арабского населения Западного берега не было никаких оснований заблуждаться на сей счет. Ответом арабов стали мощные демонстрации, возросло число забастовок протеста. Реакция оккупантов была стан-

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА

НОСТАЛЬГИЯ ПО ПРОШЛОМУ?

Этот снимок был сделан в 1962 году во время военно-морской блокады Соединенными Штатами побережья Кубы. А в последних числах декабря 1981 года он был вновь опубликован в журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» как иллюстрация к пространному рассуждению о том, какие меры мог бы принять Вашингтон для того, чтобы «наказать» Кубу за якобы имеющее место ее вмешательство в дела стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Именно таков близорукий взгляд правительства Рейгана, в соответствии с которым оно истолковывает национально-освободительную борьбу, охватившую пламенем как континент, так и многие острова Карибского моря.

И хотя американская администрация не смогла привести ни одного доказательства «вмешательства» Кубы в дела соседних стран, кампания клеветы и угроз в адрес Кубы не прекращается и по сей день. Добиваясь в качестве главной цели изоляции Кубы, Вашингтон спровоцировал в последние месяцы разрыв или временное прекращение дипломатических отношений между Кубой и рядом таких стран, как Венесуэла, Колумбия, Ямайка и Коста-Рика. Одновременно он начал, по выражению печати Запада, «двойное наступление военно-экономического типа». В качестве примера можно привести эмбарго, наложенное Соединенными Штатами на лекарственные препараты и инсектициды, продаваемые в Мексике компаниями, которые контролирует американский капитал. Эти средства нужны были Кубе для того, чтобы справиться с последствиями двух тяжелых эпидемий, вспыхнувших в 1981 году. Аналогичный нажим в отношении Кубы США оказывают на все международные компании, в которых присутствует американский капитал.

Вторым примером вмешательства Вашингтона во внутренние дела острова Свободы является попытка в июле 1981 года забросить на Кубу вооруженные группы «Альфа-66» — организации кубинских контрреволюционеров, которая существует на деньги ЦРУ и находится под защитой ФБР. Расположившись во Флориде, она готовится к террористическим операциям против Кубы.

Вот в такой душной атмосфере антикубинского психоза и изучаются в Вашингтоне «планы» военно-морской и еще более жесткой экономической блокады Кубы. Не учитывается в них лишь то обстоятельство, что со времени 1962 года многое изменилось в мире, неизмеримо возрос авторитет Кубы и солидарность с кубинским народом всех тех, кому дороги подлинный мир и независимость. А фотография в журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» пусть лишь напомнит о тех временах, возврата к которым нет и быть не должно.

ИСПАНИЯ

ПРОТИВ ВСТУПЛЕНИЯ В НАТО

Ширится движение протеста против политики правительства, стремящегося вопреки воле испанского народа втянуть страну в НАТО. Свыше 250 тысяч испанских граждан, представителей общественных организаций страны, а также национального антинатовского комитета поставили свои подписи под обращением с требованием проведения общенационального референдума по вопросу «Испания — НАТО».

В обращении подчеркивается, что «безудержная гонка вооружений, накопление огромных ядерных арсеналов грозят поставить мир на грань катастрофы, привести к новой мировой войне». В этих условиях, говорится в документе, намерение испанских правящих кругов втянуть страну в НАТО вызывает чувство тревоги и беспокойства, так как, с одной стороны, участие Испании в этой организации будет содействовать созданию еще большей напряженности в мире, а с другой — поставит ее в зависимость во внешнеполитическом плане. Поэтому вопрос такой национальной важности должен решаться не в парламенте, а на общенациональном референдуме.

Сбор подписей под обращением о проведении общенационального референдума.

дартной: репрессии. Как говорится в одной палестинской газете, можно было присутствовать «при самых худших за долгое время сценах военного насилия».

Сопротивляться на Западном берегу значит сопротивляться постоянно, ибо необходимо давать отпор постепенному изматыванию, попыткам взять измором. Уже сам факт невыезда с родной земли является актом политического протеста и проявлением гражданского мужества: на оккупированных территориях крайне сложно найти работу, тысячи дипломированных специалистов не находят применения своим силам.

...И все те же военные посты, все так же продолжаются нападения на профсоюзы, народные организации, муниципалитеты. А главное — продолжается колонизация. Гражданские права на Западном берегу реки Иордан — фикция. Это подтверждают и слова мэра Наблуса Бассама Шакаа, лишившегося в результате террористического нападения обеих ног и теперь, после длительного лечения, вернувшегося в свой родной город: «Расследование? Его не было. Они даже не выслушали показания моей жены и соседей... Одно только изменилось: под предлогом обеспечения моей безопасности за мной постоянно следят»...

...И шагают по оккупированным землям израильские солдаты — современные колонизаторы.

ТОВАР И ПРИ

ЦК КПСС принял постановление «Об инициативе передовых предприятий и объединений г. Москвы и Свердловской области по увеличению производства товаров народного потребления». В беседе, которую с председателем Свердловского облисполкома Анатолием Александровичем МЕХРЕНЦЕВЫМ вел специальный корреспондент «Огонька» К. БАРЫКИН, рассказывается о том, как реализуется в области программа увеличения производства таких товаров.

А. А. МЕХРЕНЦЕВ, председатель Свердловского облисполкома, депутат Верховного Совета СССР

— Когда говорят о промышленности Свердловской области, то прежде всего представляешь мощные экскаваторы и горнодобывающие машины, станки, вагоны... Словом, тяжелая индустрия. Но тема нашей беседы — инициатива передовых предприятий и объединений области по увеличению выпуска товаров народного потребления. Видимо, и тут свердловчане начинают не с нуля?

— Конечно. Товаров для народа выпускается немало. Только изделий культурно-бытового назначения нашими предприятиями за год производится на миллионы рублей. Перечень велик — тысячи наименований. За один год, например, свердловчане поставили рынку более 94 тысяч мотоциклов, 307 тысяч подростковых велосипедов, девять тысяч пианино, 316 тысяч радиоприемников, почти 370 тысяч стиральных машин, 143 тысячи электропылесосов...

Товары народного потребления, выпускаемые на таких заводах, как Ирбитский мотоциклетный и Свердловский ювелирный, объединение «Средуралмебель», в местной промышленности или другими специализированными предприятиями, сейчас составляют более половины всех изделий со свердловской маркой. Основой же промышленности области являются предприятия тяжелой индустрии. Таких объединений и заводов у нас значительно больше. Они тоже занимаются изготовлением товаров для народа, и именно здесь есть резервы. И немалые.

Однако не будем упрощать вопрос: привлечь эти предприятия к выпуску товаров вовсе не так легко, как может показаться. Сдерживающих причин много. Недалеко то время, когда тяжелая индустрия товары массового спроса выпускала в очень малых количествах и, как правило, на приспособленных участках или где-нибудь в углу основного цеха. При нынешних объемах производства такая организация дела не даст необходимого результата. Поэтому-то на заводах, независимо от их основного назначения, необходимо для производства товаров создавать хорошо оснащенные цехи, участки, службы. Все это требует и затрат, и больших усилий, да и определенной ломки в психологии хозяйственных руководителей. Главным образом мы идем по пути реконструкции действующих производств, высвобождения для выпуска товаров производственных площадей и оборудования — за счет внедрения прогрессивных технологий и лучшей организации труда. Не исключается, однако, и строительство новых специализированных цехов. Создаются мощные производства, по сути, заводы в заводах. Такое направление избрали, в частности, Уралмашзавод, машиностроительный завод имени М. И. Калинина и другие крупные предприятия. Здесь образованы не только цехи по производству товаров народного потребления, но есть и свои конструкторские отделы или бюро и технологические службы по товарам. А это, в свою очередь, гарантирует достаточно высокий уровень создаваемых моделей и разработок, регулярное их обновление. За десятую пятилетку, например, завод имени М. И. Калинина поставил на производство восемнадцать новых изделий и снял с производства семнадцать устаревших. Всего же за пятьшесть лет в области обновлена номенклатура половины выпускаемых товаров.

Да, возможности тяжелой индустрии немалые. Можно привести не один пример, когда на ее предприятиях объемы производимых товаров для народа уже сегодня превышают годовой фонд заработной платы работающих. Это и Каменск-Уральский металлургический и Свердловский завод пластмасс, Михайловский завод по обработке цветных металлов... В то же время еще на многих предприятиях товаров производится мало.

В области ежегодно осваивается более трехсот новых товаров. Казалось бы, неплохой показатель. Но только 125 изделиям культурно-бытового и хозяйственного назначения присвоен государственный Знак качества. Очевидно, есть тут еще серьезные недоработки. И именно большие заводы с высокой культурой производства могут и должны изменить сложившееся соотношение, могут задавать тон.

— Назовите, пожалуйста, наиболее популярные изделия с маркой предприятий Свердловской области.

— Устойчивым спросом и доброй репутацией пользуются мотоциклы «Урал» Ирбитского мотоциклетного завода, ткани Свердловского камвольного комбината, трикотажные изделия Нижнетагильского объединения, парфюмерия «Уральских самоцветов», стиральная машина «Малютка», кухонный гарнитур «Кристалл» производственного объединения «Уралмаш». Покупатели хорошо отзываются о пылесосах «Урал», которые выпускает «Уралэлектротяжмаш». Не задерживаются в магазинах детские коляски Высокогорского механического завода; электрокамины, электроосветительные приборы машиностроительного завода имени М. И. Калинина. Да и многое другое по своим техническим данным, по эксплуатационным характеристикам и эстетическому оформлению отвечает самым современным требованиям.

Но мне представляется, что разговор следует вести не столько о сделанном, сколько о дне завтрашнем. На это нас нацеливает и речь Леонида Ильича Брежнева на ноябрьском (1981 года) Пленуме ЦК КПСС, в которой глубоко и всесторонне раскрываются основные задачи на ближайшие годы и на перспективу. В речи, в частности, отмечается, что будет выдержана установка съезда партии на опережающий рост группы «Б».

Принятые на пятилетку задания реальны, хотя и напряженны. Да и сложившаяся конъюнктура рынка ставит новые задачи: спрос на добротный товар все более возрастает. И здесь следует привести еще один показатель. Пылесосы, стиральные машины, другие сложные изделия производятся ныне менее чем на одной трети предприятий. На большинстве же заводов делают простейшие, порой не требующие современного оборудования и высокой квалификации работников изделия. Вот, скажем, такое уважаемое объединение, как «Турбомоторный завод». Здесь, как известно, создают мощные паровые и газовые турбины, дизели для большегрузных автомобилей. Но в выпуске товаров широкого потребления много лет, буквально до последнего времени, ограничивались только лыжными креплениями да металлическими карнизами. Уралвагонзавод, дающий стране более трети железнодорожных вагонов, выпускает паяльную лампу, слесарный верстак, баллоны для газа, ряд других несложных изделий. Слов нет, эти товары тоже нужны, но ведь названные предприятия могут наряду с простой освоить и значительно более сложную продукцию.

— Свердловская стиральная машина «Малютка» пользуется практически неограниченным спросом. Почему бы заводу не увеличить производство таких машин?

— С «Малюткой» создалась такая ситуация: во-первых, не хватает полистирола. Во-вторых, видите ли, это, если можно так сказать, в известной степени незаконная машина. Она не вписывается в параметрический ряд, разработанный специалистами Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов, и изготовлять ее в связи с этим вроде бы и не полагается. А потребители пишут на завод, спрашивают: почему делаете мало таких стиральных машин? Если предприятию выделят достаточно сырья и если «Малютка» будет «узаконена», то количество сходящих с конвейера мини-машин можно заметно увеличить. Но о «вето» головного министерства, о решении не включать эту машину в ряд рекомендуемых изделий, надо все же сказать. Нам думается, что определять «надо — не надо» следует, руководствуясь спросом, покупательской потребностью, заказом торговли. Конечно, мнение головного министерства не безразлично, но когда входят в противоречия два понятия: спрос, с одной стороны, и требования министерства — с другой,— чему отдать предпочтение?

Похоже, что мы столкнулись с примером ведомственного подхода к «чужому» изделию. Неохотно признавая «Малютку», нам в то же время настойчиво предлагают наладить производство громоздкой, весьма дорогой автоматической стиральной машины, требующей к тому же особой электропроводки в квартирах. Конечно, машины-автоматы нужны, за ними будущее. Но надо быть реалистами и не отказываться от уже сделанного, учитывать характеристики построенного жилья, спрос и мнение покупателей.

Стиральная машина не единственный «камень преткновения» в отношениях с Минлегпищемашем. Один из свердловских заводов этого министерства делает пользующуюся малым спросом детскую коляску. Сейчас разработана новая модель, но и она заметно уступает лучшим образцам. Неужели «свои», хоть и недостаточно хорошие изделия выпускать можно, а «чужие», даже пользующиеся спросом, следует притормаживать? Уверен, что министерство такую практику не исповедует, приведенные примеры — лишь стечение фактов и обстоятельств, но тем не менее...

И в этой связи возникает вопрос о необходимости какого-то вневедомственного органа, который располагал бы правом по-

ЛАВОК

следнего и решающего слова при рассмотрении подобных проблем.

— Видимо, это не единственная трудность, стоящая на пути того или иного товара к прилавку. Я обратил внимание на то, что много времени проходит от создания конструкции того или иного изделия до его серийного выпуска.

— Да, это так. На каждую вещь и вещицу составляется различная документация, собираются визы во многих инстанциях, нередко расположенных далеко от места, где намечается производство. Не всегда да и не каждому товару удается пройти сквозь строй согласований и утверждений. И это тоже связано с ведомственной подчиненностью согласующих и утверждающих организаций. Можно сказать, что в результате именно такой практики из производственной программы объединения «Средуралмебель» исчез набор мебели для прихожей,— а он пользовался устойчивым покупательским спросом. Завод транспортного машиностроения имени Я. М. Свердлова разработал компактный сборный стол для кухни. Но в процессе согласований было сделано такое количество замечаний, что после их внесения стол потерял свой первоначальный вид, и его выпускать не стали. Кожгалантерейное объединение «Звезда» потратило несколько месяцев на утверждение технической документации на... стельку для обуви. Пока велась эта работа, отходы, из которых предполагали делать стельки, закончились.

Пусть не поймут меня так, что мы против практики тщательного рассмотрения новинки специалистами, против сравнения ее с лучшими образцами. Когда речь идет о технически сложном товаре, такая практика и закономерна и нередко оправдывает себя. Но обычный стол-то не требует такого «внимания». Правда, в последнее время появились документы, вроде бы упрощающие систему согласований, но в жизни вопрос до конца не решен.

Нам думается, что не совсем оправдана и принятая сейчас система планирования производства в розничных, а не оптовых, как было раньше, ценах. Это привело к тому, что при малом перечне товаров объемы в денежном выражении выросли, а количество изделий в ряде случаев даже уменьшилось.

— Коль скоро мы говорили и о новинках, расскажите о тех изделиях, которые сейчас осваиваются или готовятся к производству.

— Разработана гамма новых электромузыкальных инструментов — от электронных приставок к пианино, позволяющих имитировать целый оркестр, до недорогих, детских. Будут выпускаться электронные баяны, игрушки с электронным управлением, магнитофоны и электрофоны высшего класса.

Создан кухонный комбайн с таким набором насадок, которые позволяют вести 16 операций — основных на кухне. Новизной отличаются и мебельные гарнитуры.

Новых разработок не мало, но все же далеко не все возможности использованы. Поэтому ведется планомерная, не всегда броская и заметная, буквально ежедневная работа по созданию новых товаров.

Под руководством заместителя председателя облисполкома регулярно проводятся заседания художественного и экспертного советов — сюда-то и поступают новые образцы товаров. Облпланом совместно с управлением торговли разрабатывается каталог товаров — с учетом потребительских запросов и предпочтений. Из него видно, что надо выпускать в первую очередь, какими тиражами, в каком ассортименте. В каталоге на 1981—1985 годы, например, даны рекомендации по выпуску 1300 новых товаров, спрос на которые ныне удовлетворяется не в полной мере.

Ранее уже говорилось, что на предприятиях проводится замена устаревших изделий. В легкой промышленности, например, ежегодное обновление ассортимента достигает шестидесяти процентов. Но неходовые товары (в основном это швейные и обувные изделия) все же есть, и выпуск их, к сожалению, тоже факт сегодняшней практики.

На пленуме обкома КПСС, утвердившем целевую программу, были со всей тщательностью рассмотрены предложения предприятий по освоению новых изделий, по обновлению ассортимента, по увеличению выпуска различных товаров.

В области проведен детальный анализ производственных возможностей всех промышленных предприятий. Вместе с павильоном лучших образцов Минторга СССР проведена серия тематических выставок. Внимательно рассмотрены и меры по улучшению качества выпускаемой продукции.

Так что вопросы удовлетворения спроса на товары постоянно находятся в центре внимания и обкома партии и облисполкома. Вся работа идет под непосредственным руководством партийных органов. При областном комитете партии создан руководимый вторым секретарем обкома координационный совет по выпуску товаров народного потребления, подобные советы образованы и на местах. На расширенных заседаниях исполкомов, сессий областного, городских и районных Советов, на партийных пленумах и активах утверждены четкие, конкретные задания по годам пятилетки.

Недавно состоялась сессия областного Совета, на которой были рассмотрены вопросы производства товаров народного потребления на предприятиях Нижнего Тагила. Не стану пересказывать решения сессии, отмечу лишь, что она тщательно проанализировала многие проблемы и общего, принципиального характера и совершенно конкретные, частные. До сессии депутаты побывали на предприятиях города, изучали, как налажено производство товаров, готовили свои предложения и рекомендации. Выявлены и не замеченные ранее, значит, и не использовавшиеся резервы и возможности. Соответственно изменены и планы производства.

Наши перспективы на одиннадцатую пятилетку? В области, как я уже сказал, принята целевая программа расширения производства товаров. В ее разработке участвовали свыше пятидесяти научно-исследовательских институтов и шестисот предприятий. Предусмотрено увеличить объем производства товаров народного потребления к 1985 году на миллионы рублей.

Задача очень сложная. Только по культурно-бытовым товарам необходимо обеспечить увеличение объема в полтора раза, их абсолютный прирост превысит темпы девятой и десятой пятилеток, вместе взятых. В три раза увеличится количество товаров с государственным Знаком качества.

Осуществление программы обеспечивается в основном за счет роста производства на тех заводах, где уже делают различные товары. Помимо того, 170 предприятий, ранее не участвовавших в производстве товаров, начнут их выпуск. Таким образом, реализуется одно из главных положений целевой программы: все предприятия, независимо от их профиля и ведомственной подчиненности, должны изготовлять товары для народа.

Мы стремимся и к тому, чтобы избавиться от дискредитирующего товары народного потребления деления продукции на основную и второстепенную. Та же «Малютка» или пылесос «Урал» в известной мере даже подняли авторитет «Уралмаша» и «Уралэлектротяжмаша». И не только потому, что названные изделия популярны. Покупатель видит, что эти коллективы проявляют заботу о житейских нуждах.

Остаются сложными вопросы сырья и трудовых ресурсов. Поэтому выявляются, берутся под контроль все резервы, заметно увеличивается использование вторичного сырья и местных материалов, усиливается работа по привлечению трудоспособных инвалидов и пенсионеров.

Постановление ЦК КПСС «Об инициативе передовых коллективов предприятий и объединений г. Москвы и Свердловской области по увеличению производства товаров народного потребления» воспринято трудящимися нашей области как новое проявление заботы о подъеме материального уровня трудящихся. Оно обсуждено во всех коллективах и нашло горячий отклик. Большинство заводов и объединений металлургии и машиностроения пересмотрели ранее принятые обязательства в сторону их увеличения.

Мы отчетливо представляем оказанную нам меру доверия и меру нашей ответственности, знаем проблемы и трудности, понимаем значение этого, по словам Л. И. Брежнева, "первейшего партийного дела" для социально-экономического развития области.

Чтобы выполнить задуманное, нужны умение, желание и настойчивость. Разработанная система организации выпуска товаров и контроля за ним должна, по нашему мнению, дать желаемые результаты.

ГЛАЗУРИ КОНАКОВСКИЕ

Каких только тарелок да супниц, соусниц да компотниц, кувшинчиков и кувшинов не увидишь на этих стендах! Сооружение двухметровой высоты, расписанное по глазури птицами и крестами, ликами и гербами, — тут поработала фантазия! Сейчас это чудо отодвинуто в угол: видно, не очень им гордятся мастера, но — история есть история...

А история у мастеров этого завода богатая. Без малого сто семьдесят пять лет тому назад, а точнее, в 1809 году, возникла на берегу Волги небольшая кустарная фабричка. Помещики Ауэрбахи наладили производство посуды. Ручная роспись и печатный рисунок — все находило сбыт. Перейдя в руки «короля русского фарфора» М. С. Кузнецова, дело получило широкий размах. По всей России и за границу пошла посуда с тверской земли. Да и не только посуда. Вот и сейчас стоят на стендах статуэтки «Солдат с балалайкой», «Дед с внуком», «Прачка», «Бондарь». Миниатюры создавались по сюжетам известных картин, да и специально для завода художники выполняли оригинальные работы. И пошли они не только по частным коллекциям, но и в музеях оседать стали — Историческом в Москве, Русском в Ленинграде. Уже в советское время с заводом сотрудничали такие мастера, как В. Фаворский, С. Лебедева, И. Ефимов, П. Кожин, С. Орлов...

Геннадий Владимирович Лубов, мой провожатый по музею и заводу, кажется, знает не только все имена, связанные с историей Конаковского ордена Трудового Красного Знамени фаянсового завода имени М. И. Калинина, но и биографию каждого изделия. И немудрено: вся жизнь инженера прошла на этом заводе.

Заводские стены расширялись, и неоднократно, за минувшие годы. Расширялся и ассортимент, да и само количество выпускаемой посуды увеличивалось. Ныне почти половина фаянса и майолики в нашей стране — а это свыше ста миллионов различных изделий в год — конаковского производства.

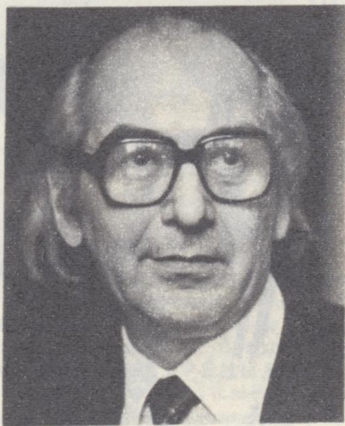
Любопытно наблюдать, как рождается хотя бы самая обыкновенная тарелка. Вот она уже отформована из белой массы, просушена. Теперь в цех росписи. Вам рисунок подолговечнее? Пожалуйста, тогда рисунок ляжет под глазурь. Поярче? Тогда поверх. Рисунок можно нанести кистью, а можно отпечатать или даже наклеить, как детскую переводную картинку. Каждому фасону — свой резон. Есть на заводе лаборатория. Художники там творят новые вещи. Но там же они выдумывают и новую технологию росписей. В свое время здесь была хорошо освоена техника «потечных» глазурей. Краска в печи оплывает, создавая неповторимый рисунок. Сервиз подбирают из наиболее схожих рисунков, но двух одинаковых изделий все равно нет. И каждое как бы дышит, живет...

Работают в своих «кельях» художники Н. А. Коковихин, В. П. Шинкаренко, А. И. Хихеева, И. В. Васильев — всех и не перечислишь. Исполняют отдельные заказы, разрабатывают новые серии, если сказать буднично. А можно и так: красоту пестуют, чтоб вырвалась со временем она на простор и пошла к людям...

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Григорий **АНИСИМОВ**

Сурен Сафарян

В 1959 году художник Сурен Сафарян увлеченно работал над портретом выдающегося армянского поэта Егише Чаренца. Он писал опаленное солнцем лицо, набегающий на глаза смоляной чуб, сосредоточенный и как бы обращенный в себя пристальный взгляд... На холсте оживал мир поэта — привкус солнца Армении, лед ее вершин, синие озера, небеса, аромат кроваво-красных роз, летний зной, «зимних бурь глухой многоголосый хор и камни древних городов в дремоте вековой», а как бы фоном возникали наирийские девушки, которые танцевали под звуки зурны, а за ними с необоримой силой вздымались горы.

Художник всегда охотно обращался к жанру портрета, стремясь при внешней сдержанности передать обаяние личности человека — будь то рыбак Аршак из Севана, выдающийся деятель культуры древней Армении Месроп Маштоц или знаменитый лирик XVIII века Саят-Нова, мексиканский художник Давид Сикейрос или молодая красивая женщина Шушаник. В образах современников и в исторических картинах Сафаряна монументальность возникает в результате богатства чувств и дум художника.

Свыше тридцати лет работает в искусстве Сафарян. Его лирические пейзажи, портреты, тематические полотна экспонировались на многих советских и зарубежных выставках. Он принадлежит к тому поколению армянских мастеров, в жизни и творчестве которого война оставила неизгладимый след. Вероятно, именно поэтому художник так часто обращается к фронтовой теме.

Вспоминая самые главные события своей жизни, народный художник Армении Сурен Сафарян с особым волнением рассказывал мне о годах Великой Отечественной войны. Увиденное и пережитое на фронте — это не только одна из магистральных тем в его творчестве. Изолетопись войны, которую когда-то начал необстрелянный паренек в солдатской шинели, продолжается и ныне. И в этой приверженности, в этой верности высокому духовному долгу памяти заключена, пожалуй, основная мера всего созданного в искусстве живописцем.

...Тогда стоял голубой, безоблачный, удивительно тихий день. Мощный солнечный свет заливал ереванские улочки и глинобитные домишки. В виноградниках пели птицы и радостно слышались веселые колокольчики их голосов. Юноше исполнилось восемнадцать лет, он только что окончил художественное училище. Впереди была целая жизнь, которая рисовалась больше сказкой, нежели реальностью. И вдруг все опрокинулось, голубизна небес померкла. Мир мечты куда-то далеко отодвинулся, и на смену ему пришло Сухумское пехотное училище. Потом рейд на эсминце «Красный Крым» в Туапсе. И тяжкий путь от Клухорского перевала до Берлина и Праги.

В 60-е годы мастер написал три картины — «Освободители», «Весной 1945 года», «Родные мелодии» и был удостоен за них золотой медали имени М. Грекова. В этом триптихе есть живая достоверность и вдохновенная правда образа. Вспоминал художник своих боевых друзей, снова шел по военным дорогам, окунался в клубы дыма, вжимался в землю от близких разрывов, тащил провод с передовой до штаба полка.

«Родные мелодии»... Это картина любви к родине, к ее музыке, речи, к ее материнскому заботливому теплу. Где-то в землянке, затерянной в холодных российских снегах, нежданно возникли родные мелодии — и вот уже отодвинулась война. Жизненная правда, конкретность изображения, верность деталей помогают художнику создать поэтическую атмосферу напевной армянской музыки.

На берегу Днепра Сурен был ранен. Но он знал, что должен остаться на войне живым, чтобы стать художником. С собой у него всегда был альбом, он делал наброски и зарисовки в редкие свободные минуты. Сотни портретов — быстрых и точных — создал его карандаш. И портреты эти в солдатских письмах спешили к родным в разные уголки страны.

Сурен Сафарян стремится выразить символико-героический характер событий, в которых ему довелось принимать участие. Конечно, на языке живописи сказать о войне свое, выстраданное может только уверенная кисть, чуждая корысти и потребительского отношения к творчеству.

— Для меня каждая картина, посвященная войне,— живое воплощение борьбы, страданий, добытой нелегкой ценой Победы, а не простое свидетельство пережитого,— рассказывает мастер.— Ведь в каждой картине — «Мать», «Затишье», «Журавли» — мне хотелось сказать что-то сокровенное о жизни, о высоте нравственного мира советского человека. Многие восприняли картину «Журавли» почти как иллюстрацию к известным стихам Расула Гамзатова. А я начал работать над этой картиной задолго до того, как появилась песня. Мне хотелось передать свое ощущение боли от потери близких друзей и сверстников, которые полегли под Москвой и Курском, Сталинградом и Варшавой. Лежат убитые бойцы, вокруг зеленеет трава, подымают стебли полевые цветы, и прочерчивают небо стремительные крылья белых журавлей. Забыть войну, погибших друзей я не в силах. Эту трагедию можно изображать бесконечно — слишком дорогой ценой был завоеван мир...

Одержимость и преданность Сурена Сафаряна искусству часто приносили художнику успех, помогая создавать яркие, глубокие и содержательные образы.

«Танец гор»... Танцуют зангезурские женщины. По композиции, по замыслу, по цветовому решению это символическая картина, для которой художник нашел лаконичную экспрессивную форму. Кажется, что сами горы, а не люди кружатся в танце. Достоинство произведения видится мне в глубокой сопричастности к изображенному. Зангезур — суровый край. И так же суровы люди, они полны чувства гордости. В них величие подлинной человечности. В чем-то сродни этим женщинам и портрет «Бабушка Шуги из Гориса». Спокойная сосредоточенность этих людей, их несуетность воплощены в образы большой, поистине «континентальной» реальности. Люди, как горы,— вот мысль, которая руководила художником. Философия многих произведений мастера объясняется просто: человек — частица природы. Такая позиция вообще характерна для армянской изобразительной культуры. Это можно сказать о картинах Мартироса Сарьяна, Ерванда Кочара, Александра Бажбеук-Меликяна, Минаса Аветисяна и многих других замечательных живописцев, чье творчество навеки вписано в богатейшую историю духовной культуры армянского народа. В этом смысле Сурен Сафарян не является исключением. Он типичный представитель изобразительного искусства Армении. Получив образование в художественном институте Еревана, Сафарян впитал в себя вековые традиции, стремясь по-новому претворить их в собственном творчестве.

Одним из его наиболее излюбленных мотивов стало озеро Севан — жемчужина Гегамских гор, духовная реликвия народа. Картина «Зима горного озера Севан», написанная в 1979 году, может занять место в ряду шедевров советской живописной школы. Это программная для художника работа. Перед нами простирается безмолвный, безлюдный мир — земля, озеро, горы и небо. Динамичные формы ландшафта имеют законченную, строгую и почти аскетичную цветовую характеристику. Земля и горы белые и сине-розовые, озеро холодно-голубое, ультрамариновое. Но какая во всем этом устойчивость, какая гармония! С какой силой любви выверена каждая деталь, каждый мазок! Это мир художника Сурена Сафаряна. И только его одного. Мир добрый, человечный, открытый, бесхитростный, населенный людьми, полный достоинства. Его можно молча созерцать. В нем можно счастливо жить.

Произведения Сафаряна неоднократно экспонировались в Москве и Ленинграде, Тбилиси и Баку, а также в Париже и Берлине, Монреале и Бейруте. А сам живописец колесил по странам и континентам. И повсюду рисовал, рисовал, рисовал. Он хорошо знает цену времени и еще знает, что настоящий художник отдает людям свой талант, труд, сердце и душу.

Человек — сын Земли. Весь этот смысл заложен в прекрасном портрете великого мексиканского живописца Давида Сикейроса... Могучие складки древних хребтов, руины храма Гарни и словно вырубленное из камня лицо художника, мудрое и вечное. Пристально, раздумчиво, горько вглядывается Сикейрос вдаль... Что он разглядел? Может быть, на миг он задумался о том, что не молод и ему уже не суждено отразить всю эту красоту...

Туго сведены крутые надбровья, словно из кованого серебра густые пряди седых волос, глубоки борозды времени на мужественном челе. Удивителен колорит холста. Теплый фон гор с синими тенями, рисующими сложный рельеф, перекликается с тонкой архитектоникой лепки портрета, подчеркивая родство человека и природы.

...Много дел и забот сегодня у Сурена Саркисовича Сафаряна — депутата Верховного Совета республики, члена ЦК КП Армении, председателя правления Союза художников, профессора художественного института. Но за этими делами и заботами он всегда помнит о главном деле жизни — искусстве.

За тридцать лет народный художник Армении создал сотни картин и рисунков. В них всегда привлекательна высота человеческой и художнической позиции. Егише Чаренц написал как-то: «Оставь на сердце мне ожог — тот алый знак я буду петь!»

И у Сурена Сафаряна поют краски, ибо он складывает гимны в честь Человека, во славу родной Армении. Пишет о том, что запомнило его сердце.

С. Сафарян. Род. 1923. ТАНЕЦ ГОР. 1972.

С. Сафарян. Д. СИКЕЙРОС В АРМЕНИИ. 1973.

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

После приема у председателя Андрей вышел на Тверской бульвар. Весна в этом году была ранняя и дружная. В середине апреля почки не смогли сдержать накопившейся силы, лопнули, и деревья покрылись зеленью листвы.

Только что отгремел гром. Гроза ушла, но над городом еще моросил мелкий теплый дождь.

Андрей поднял воротник кожаного пальто и зашагал вниз к памятнику Тимирязеву. Он знал, что дома уже ждут, что стол накрыт, и все же не торопился.

Здесь все было знакомо ему с той далекой поры, когда маленький Андрейка делал свои первые шаги. Сначала он ходил сюда с мамой или бабушкой. Позже, когда подрос, с другом детства Петькой Кондаковым бегал покупать отцу «Вечерку», за которой выстраивались в ту пору длиннющие очереди.

Школьником он гулял здесь сначала с мальчишками, а потом, классе в шестом-седьмом, с ними стали ходить и девочки. Мальчишки шли впереди, а девочки робкой стайкой за ними, и все шептались о каких-то очень важных и нескончаемых делах.

А спустя еще четыре года морозным утром этим же бульваром они с Петькой шли на призывной пункт. Отец был в командировке на Урале. Мать—в эвакуации. Только покойная теперь тетя дошла с ними до серых гранитных ступенек бульвара, поцеловала, расплакалась и побежала на трамвай, чтобы не опоздать на работу.

Как много изменилось в жизни с тех пор! Как изменился и сам бульвар! Ему больше нравился тот, старый Тверской, с лужами во время дождя и прилипавшей к ногам мягкой землей, с кронами огромных старых лип, по широким листьям которых монотонно и по-особому сочно стучали тяжелые капли дождя.

«Старею, становлюсь брюзгой»,— недовольно одернул себя Андрей и подумал о том, что теперь нескоро увидит вновь вечернюю Москву: завтра утром лететь за океан. И сразу затосковал по городу, который еще не успел покинуть. Так бывало всегда: и в долгие годы его журналистской жизни, когда судьба бросала спецкора Кострова из края в край необъятной страны. И в последнее время, когда маршруты стали иными и поезда и самолеты уносили его то в близкую Варшаву или Софию, то в далекие Токио или Америку.

— Наконец-то,— сказала Сашенька, выбежав из кухни в прихожую.

Андрей невольно залюбовался ею. Раскрасневшаяся возле плиты, миниатюрная и, как всегда, подтянутая, она светилась преданностью и любовью. И только в глубине ласковых серых глаз затаилось тревожное ожидание. Андрей чувствовал эту тревогу, знал, что она начнет затухать лишь в тот день, когда, вот так же хлопоча по дому, Сашенька встретит его, вернувшегося целым и невредимым.

— Папа, приветик! — крикнула ему из комнаты Анютка, возившаяся с проигрывателем. Зазвучала тихая и плавная мелодия. На душе стало хорошо и спокойно.

Он вошел в столовую. В комнате были самые близкие и дорогие ему люди. Он оглядел их, обнял отца, мать. Подумал — нервничают. Кивнул Гене — своему ближайшему другу. Они уже виделись сегодня на работе.

Сели за стол, в центре которого стоял только что вынутый из духовки пирог с капустой — фирменное блюдо мамы. Запах его был знаком и мил с детства.

— Ну, сынок, давай за мягкую посадку,— сказал отец, и все стали чокаться с Андреем, желать доброго пути.

А он, несколько смущенный вниманием, поблагодарил и тут же незаметно перевел разговор в другое русло. Это удалось, и он, стараясь говорить поменьше, смотрел и слушал, запечатлевая в памяти дорогие лица и голоса. Андрей хорошо знал по прошлому опыту, что там, вдали от дома, ему ох как будет не хватать этих родных и близких людей...

— Энн,— сказал Майкл, вернувшись после ланча,— попробуй-ка разыскать моего братца.

— Он позвонил мне, когда у вас был этот Браун, и сказал, что выезжает в офис, но до сих пор не явился. Я связывалась с домом — его нет и там... Может быть, с ним что-нибудь стряслось в дороге?

— С его-то ездой! Разве что какой-нибудь дом обвалится на его ржавую черепаху.

Он набрал номер домашнего телефона брата.

— Хэлло...— послышался в трубке вкрадчивый женский голос.

— Это я,— ответил Майкл.— Где твой муж?

— Я не знаю. Он давно уехал к тебе. Прямо с утра.

Джесси — так звали жену брата — побаивалась Майкла.

— Послушай, разыщи своего Эйба и скажи ему, чтобы он немедленно связался со мной. Пока...

...Эйб вошел неслышно, как кот. Он остановился у дверей, перехватил взгляд брата, изобразил постную гримасу и, вздохнув, сказал:

— Я здесь.

Майкл уже успокоился. Во всяком случае, он спросил просто, без издевки:

— Эйб, что мы будем делать с Эндрю?

— Я уже нашел подходящего человека...

— Вот как?! — удивился старший брат.— Кто такой?

— Не такой, а такая...

— Что? Баба в помощь Эндрю? Да ты понимаешь, какой человек нужен Эндрю? Не кошка, а тигрица!

— Она такая и есть.

— Кто она?

— Ты не знаешь,— смутился Эйб.

— Я начинаю о тебе лучше думать! — расхохотался Майкл.— Роман?

Эйб покраснел.

— Ну как ты можешь говорить такое?

— Ладно, ладно. Не хочу лезть в душу, но, слава богу, ты, кажется, становишься мужчиной... Однако я все же должен знать хотя бы ее имя...

— Ее зовут Мэри Фергюссон. Она изучала русский, по-моему, в Гарварде. Деловая женщина с прекрасными отзывами...

— От кого отзывы?

Эйб замялся и снова покраснел.

— Ну, ладно, ладно, не буду. Но успеем ли мы ее проинструктировать? Ведь Эндрю прилетает завтра, когда мне будет совсем не до нее.

— Это я беру на себя...

Мэри Фергюссон была красивой тридцатилетней шатенкой. Вопреки моде длинные волосы крупными локонами спадали на чуть опущенные плечи. Прическа а-ля Дина Дурбин мягко и естественно обрамляла округлое, с чуть вздернутым носом лицо. Густые черные ресницы прикрывали блеск ее темных глаз.

Она вела свой синий, прошлогодней модели «шевроле», безнадежно пытаясь обогнать поток машин, упорно рвавшихся к скоростной трассе, ведущей в аэропорт.

Мэри могла не торопиться: до прибытия самолета оставалось еще больше часа. В сумочке лежал круглый жетон пропуска, дававший право выхода на летное поле, но она никак не могла решить, следует ли им воспользоваться. «Если успею вовремя — пойду. Если задержусь — буду ждать у таможенной стойки»,— подумала она. Наконец идущий впереди «понтиак» часто замигал красным глазом поворотного сигнала и ушел вправо. Мэри тут же заняла его место и начала теснить белого «мустанга», пытаясь перестроиться в левый ряд. Но водитель «мустанга» не пожелал уступать и чуть не зацепил переднее крыло «шевроле». Мэри сердито оглянулась. Молодой мужчина за рулем «мустанга», увидев ее, резко притормозил, пропуская вперед. Она уверенно приняла приглашение. Сзади раздался визг тормозов и металлический лязг ударившихся бамперов. Кто-то стукнул в «мустанга». Мэри поглядела в зеркало заднего обзора. Белая машина продолжала ехать за ней. «Все о'кэй»,— подумала Мэри и улыбнулась.

«Шевроле» свернул на скоростную трассу и помчался в сторону аэропорта. Теперь дорога была значительно свободнее. Мэри надавила на акселератор. Стрелка спидометра поползла вверх и замерла на семидесяти милях.

В аэропорт Мэри доехала за пятнадцать минут. Она поставила свою машину и побежала в здание аэропорта. На справочном электронном табло сведений не было. Поднявшись на эскалаторе на второй этаж, Мэри быстро нашла стойку «Аэрофлота».

— Самолет уже приземлился, мисс,— любезно ответил дежурный.

«Теперь можно не спешить»,— подумала она и медленно направилась к табачному киоску, чтобы оттуда спуститься в таможенный зал.

Мэри шла неторопливо и ловила на себе откровенно восторженные взгляды мужчин. Это вызывало у нее чувство покоя, удовлетворения и уверенности в себе.

Мэри встретила Кострова в таможенном зале. Почему-то она сразу догадалась, что это он, увидев его в очереди, вытянувшейся к таможенной стойке. Она отметила, что Костров хорошо сложен. В левой руке он держал большой дорожный портфель из черной кожи. В правой — жесткий серый чемодан.

Костров — она уже не сомневалась, что это был именно он,— подошел к стойке. Он легко, одной рукой положил на нее большой чемодан и, ловко щелкнув замками, откинул крышку.

Ей не было видно, что в чемодане, но она услышала, как таможенный чиновник спросил:

— Водка есть?

— Да,— ответил Костров. И весело добавил: — И икра тоже...

Таможенник рассмеялся. Он сам закрыл крышку чемодана, хлопнул штампом и, сказав Кострову «ол райт», кивнул в сторону выхода.

Мэри Фергюссон уже давно приготовила визитную карточку младшего босса фирмы «Розз энд Розз». Но Костров, пройдя таможенника, сразу повернул вправо и подошел к мужчине, который, очевидно, тоже встречал его.

— С благополучным прибытием.

— Спасибо,— сказал Костров.

Они говорили по-русски, и она с удовольствием отметила, что все поняла.

Они пожали друг другу руки, трижды поцеловались.

— Как летели? — спросил мужчина.

— Отлично. А ты приехал из Оттавы специально встречать меня?

— Представь себе, да...

Продолжение. См. «Огонек» № 2.

— Я твой должник. Кстати, таможенник подарил мне две бутылки водки.— Они рассмеялись.

Потом встречавший взял чемодан и поставил его на тележку. Лицо подкатившего ее носильщика было обезображено, грубым шрамом. Он неотрывно глядел на Кострова. Однако Костров и его товарищ не обратили внимания ни на носильщика, ни на Мэри Фергюссон. Она выбрала подходящий момент и сделала шаг в их сторону.

— Вы мистер Костров?— спросила она.

Он посмотрел на нее немного удивленно, но это было не такое удивление, к которому она привыкла. Он глядел не как другие мужчины. Открытый, спокойный, даже приветливый взгляд не давал возможности проникнуть в глубину пристальных серых глаз.

Костров взял протянутые ему визитные карточки.

— Это от «фирмачей»,— сказал он спутнику.

Мэри не знала слова «фирмачей», но догадалась, о чем шла речь.

— Братья Розз не смогли встретить вас сегодня. Они сожалеют об этом,— сказала она, как велел Эйб. И объяснила, что у Бобби, первенца Майкла Розза, сегодня конфирмация. Вместе они вышли на улицу.

— Моя машина вон там. Я сейчас подгоню,— опередил ее русский.

— А вы на машине?— спросил ее Костров.

— Да, она на стоянке. Линия 9-СИ,— ответила она, хотя теперь это уже не имело смысла.

— Ну, отлично. Спасибо за заботу.

— Где я вас найду? Ведь фирма поручила мне помогать вам,— запоздало объяснила она.

Он опять внимательно поглядел на нее. «Черт его знает, какой у него взгляд. Внимательный, проникающий, но ни на цент мужского»,— подумала Мэри.

...Она села в машину и, не торопясь, поехала в город.

«Фу, дьявол! Опять слева этот белый «мустанг». Парень, наверно, спятил. Полтора часа караулил, пока я выеду со стоянки.

Но Костров, Костров, черт бы его побрал! Он глядел на меня так же, как на носильщика: приветливо, вежливо... и все. Нужно было надеть синее платье с белой отделкой и легкий светлый плащ. Когда собиралась, чувствовала, что делаю что-то не то. Да и шеф тоже целое утро морочил голову: не то инструкция, не то сальные намеки. Боже, как он мне надоел...

Ну, ничего, мистер Костров, вы еще пожалеете!».

Несмотря на то, что после вчерашнего торжества Майкл лег спать лишь в три часа ночи, ровно в девять он был в офисе. Энн еще открывала дверь, когда он показался в конце коридора.

— Я принесла кусок именинного пирога.

— Спасибо. — Майкл поцеловал ее в щеку.

Он подошел к столу, но не сел в кресло. Через окно он видел часть улицы: ехали машины, шли редкие уже прохожие. Город начал работать. Пора и ему подумать о делах.

Однако совсем другая мысль занимала Майкла. На вчерашнем торжестве был его знакомый, владелец заводов картонной тары, и с ним жена и единственная дочь. «Неплохая девчушка»,— отметил Майкл. Потом не раз за вечер Майкл ловил взгляды, которыми она обменивалась с его Бобби. Интересно, сколько стоит ее отец? Судя по новенькому, последней модели «кадиллаку», дела его идут неплохо.

«Нужно будет навести справки»,— подумал Майкл и повернулся к столу.

— Энн,— сказал он, нажав кнопку микрофона,— сделай чашечку крепкого кофе...

— О'кэй... Возьмите черную трубку, звонит русский...

— Хэлло, Эндрю! С приездом. Рад слышать тебя. Когда ты будешь? Через два часа? Отлично! Кстати, ты уже пил кофе? Ол райт. Больше ни крошки. Береги аппетит. Поедем вместе в «Михель стейк хауз»...

Он положил трубку. Вошла Энн с двумя маленькими подносами. На одном стоял небольшой кофейник, чашечка, кувшинчик для сливок и сахарница. На втором лежала стопка писем, поступивших в субботу и воскресенье.

— Налей, пожалуйста,— попросил Майкл.— Только без сливок.— И нетерпеливо потянулся к письмам.

Первое же из них разозлило его. Владелец большого кинотеатра на Онтарио-стрит в вежливой форме сообщал, что не сможет принять предложение о прокате русских фильмов в конце мая, так как в это время «Колибри» дает ему на месяц новый музыкальный фильм на весьма выгодных условиях. Он готов платить неустойку. «С чего бы это?» — подумал Майкл и вспомнил вдруг о телефонном разговоре с Торонто в прошлую среду. Рыжий ирландец Дик О'Салливен, агент фирмы «Розз энд Розз», был явно взволнован, когда сообщил о том, что хозяин кинотеатра в этом городе до сих пор медлит с окончательным ответом... Тогда Майкл не придал звонку особого значения. Но теперь все это не на шутку встревожило его.

— Что будем делать, Эйб?— спросил Майкл у вошедшего брата.— Это явно смахивает на заговор. «Колибри» подводит под нас мину.

Обращаясь к Эйбу, Майкл не ждал ответа, а как бы вслух говорил сам с собой, но тот неожиданно сказал:

— Вообще ты, по-моему, зря ввязался в эту историю... И так на нас многие косятся из-за того, что мы прокатываем коммунистические фильмы. Но обычно мы хоть знаем, что берем, а сейчас нам всучили кота в мешке.

— А тебе хочется котеночка на розовой подушечке?

— Не шути, ведь они наверняка привезут пропаганду.

— Пусть об этом думает цензура,— зло ответил Майкл.— И потом в данном случае они привезут «Обыкновенный фашизм», «Великую Отечественную» и еще несколько фильмов. Это антивоенные ленты. Я их видел.

— Майкл, пойми, мы живем в свободной стране. Мы против насилия... А они смакуют в фильмах, как убивали немцев.

— Кто тебе это сказал, болван?!

— Не злись. И перестань меня оскорблять. Разве ты не видел их фильма о битве под Москвой? Они показывают там трупы застывших в ледяной пустыне немецких парней...

— Ты трижды болван.— У Майкла заиграли желваки на скулах, задергалась левая бровь.— Эти парни были гитлеровцами, нацистами... Если бы русские не убили их, то, может быть, они убили бы меня. Тогда ты сейчас не сидел бы перед живым братом, а работал бы за семьдесят долларов в неделю рассыльным в магазине готового платья мистера Розена, кстати, тоже немца, бежавшего из Германии после того, как мы разгромили Гитлера.

— Это все пишут в левых газетах...

— Это говорю тебе я, твой брат!— Майкл сильно стукнул кулаком по столу.— Ну ладно. Пускай это политика, которой ты не желаешь заниматься. Но то, что каждый третий доллар в твоем кармане заработан на фильмах, купленных в России либо в Восточной Европе, ты понимаешь?! Откажись от этих денег, выбрось их... А как их делать? Это моя забота? Спасибо за доверие!

Он замолчал, обиженно вздохнул и потянулся за сигарой.

Из микрофона донеслось: «Мэри Фергюссон, по черному телефону».

— Я... Добрый день! Почему вы спрашиваете у меня, а не у мистера Кострова? Разве брат не объяснил вам, что вы будете работать с русским? Мы только платим. Он будет здесь в полдень. Мы сразу уедем. Ровно в полдень...

Он повесил трубку и спросил:

— Ты все-таки скажи — хороша она?

— Не знаю. Поверь мне, я не...

— Ханжа!

Майкл не видел Кострова больше года. С удовольствием, бесцеремонно разглядывал он своего старого партнера и, оставшись довольным осмотром, сказал:

— Верикарашо!— Потом добавил по-английски:— Как это у вас в песне?— И опять по-русски: — Солдат — всегда солдат.

Оба рассмеялись и расцеловались троекратно.

Эйб уже ушел, они были одни в кабинете.

— Как мои дела?— поинтересовался Костров.

— Расскажу по дороге и за столом,— ответил Майкл. Андрей уловил тревогу в голосе и почувствовал, как все в нем напряглось...

В приемной у Энн сидела Мэри. Сегодня на ней было то самое синее платье с белой отделкой, которое она не надела вчера. Она встала, протянула руку. Сначала Кострову. И почувствовала, как ее ладонь осторожно и надежно сжали сильные пальцы Андрея. Какое-то странное чувство осталось у нее от этого рукопожатия. С боссом было проще. Он внимательно и восхищенно оглядел ее. Это был обычный мужской взгляд, к каким она привыкла, и он вернул ей чувство покоя и уверенности.

— Мистер Костров, мне ждать вас здесь?— спросила она.

— Мы вернемся часа через два,— полуутвердительно-полувопросительно сказал Андрей, глядя на Майкла.

— Да, вероятно.

— Тогда и вы пообедайте и подумайте, где можно снять недорогую и приличную квартиру.

— Это сложно, ведь вы всего на месяц...

— Верно. И все же попытаемся. Гостиница угнетает меня. Да, и позвоните куда-нибудь насчет аренды машины «форд» либо «шевроле». Обязательно новые.

— На аренду нужны гарантии.

— Энн, подготовь бумаги,— вмешался Майкл, еще раз бесцеремонно оглядел Мэри и вышел вслед за Андреем в коридор.

«Михель стейк хауз» находился на тихой улице. Обеденный зал помещался на втором этаже двухэтажного дома. Здесь не было светящейся рекламы и призывно сверкающих стеклом подъездов. Ресторан был рассчитан на людей, делавших большой бизнес. Тут вкусно кормили, не отвлекали музыкой и шумом множества посетителей.

Когда официант, приняв заказ, ушел, Андрей вновь спросил:

— Так как дела?

— Пока не очень ясно,— ответил Майкл.— Но я обеспокоен, признаюсь тебе.

— Почему?

Розз рассказал о полученном сегодня утром письме и о телефонном разговоре с Торонто.

— Мне понятно, что это дело рук «Колибри». Однако мотивы и методы необычны. Они явно хотят лишить меня экранов. Но зачем? В такое невыгодное для проката время осторожный хозяин приплатит, чтобы не прогореть. Директора «Колибри» отлично понимают это.

Когда Андрей знал, откуда грозит опасность, он сразу успокаивался. Неопределенность ожидания, тревожное предчувствие уступали место напряженной работе мысли, поиску верного решения. Так бывало с ним всегда. Так было и теперь.

Правда, знал он еще слишком мало и в то же время больше Майкла, ибо лучше его понимал, кому и почему показ фильмов, раскрывающих истинное лицо войны, рассказывающих правду о фашизме, придется не по вкусу.

Официант принес вазочки с закуской: крупные мясистые красно-белые шейки креветок были уложены на нежно-зеленые листья салатной капусты. В середине лежала очищенная половина разрезанного лимона. В отдельной соуснице — острый кетчуп.

Вид у закуски был очень аппетитный, а вкус и того лучше. Но от недавнего голода не осталось и следа. Он безразлично ткнул маленькой вилочкой в креветку, думая о своем.

Фред Браун осторожно спустился по извилистым съездам на третий этаж подземного гаража. Он тщательно закрыл изнутри окна и вылез из машины. Дверь, помимо обычного замка, запер еще на дополнительный, секретный, спрятанный под ручкой. Потом проверил, хорошо ли закрыт капот. Лишь убедившись в надежности всех запоров, не торопясь, направился к лифту.

Бесшумная кабина быстро понесла его вверх и остановилась, когда на табло зажглась цифра «18». Браун пошел по длинному коридору, освещенному лампами дневного света.

Слева и справа были одинаковые, отделанные коричневой пластмассой двери и на каждой небольшая, похожая на соседнюю табличка с надписью. Только текст был разный. «Доктор В. Дуглас. Отоларинголог». Внизу для несведущих: «Ухо. Горло. Нос». «Доктор М. Вернер. Фтизиатр». «Доктор В. Хьюм. Психиатр». За каждой дверью сидела очаровательная молоденькая или строгая пожилая медицинская сестра. Когда посетителей не было, врачи собирались в крошечном кафе на том же этаже, пили кофе или кока-колу, курили, читали газе-

ты, рассказывали анекдоты. Если появлялся пациент, сестра набирала нужный номер и говорила: «Доктор Вернер, вас ждут!» А больному объясняла: «Погодите одну минуточку. Доктор очень занят, он консультирует в другом кабинете. У него такая большая практика».

Тем временем доктор Вернер досказывал свой анекдот, допивал кофе и шел на вызов.

Браун остановился у двери с надписью: «Доктор Ф. Браун. Стоматолог». Он открыл ее своим ключом, однако в прихожей уже сидела сестра в белом халате и шапочке. Она встала.

— Кто-нибудь есть?

— Нет, шеф.

— Я вам уже сто раз говорил: не шеф, а доктор.

— Да, доктор.

— Почта есть?

— Да, доктор. Вам оставили письмо.

Он взял конверт, подозрительно оглядел его и ушел во внутренние комнаты.

Браун уселся в низкое глубокое кресло, положил ноги на журнальный столик, вскрыл конверт и аккуратно вынул из него два больших листа белой бумаги. Прежде чем начать читать, он внимательно оглядел письмо. Все было правильно. Слева ровно отогнуты поля. Браун достал из кармана крошечную рулетку и измерил ширину полей сверху и снизу. Дюйм с четвертью. Браун удовлетворенно улыбнулся и спрятал рулетку. Сказал вслух: «Аллес ин орднунг!» Недаром командир зондеркоманды Бруннер говорил о нем: «Алекс хотя и русский, но очень способный и, что удивительно, аккуратный человек».

Браун задумался: Алексей Митин. Как давно это было! «Возьми себя в руки»,— приказал он себе и начал читать первый лист, исписанный мягким округлым почерком.

«Костров Андрей Николаевич. Ответственный за проведение декады советских фильмов. Прилетел из Москвы 14 апреля рейсом Аэрофлота. Имел при себе чемодан с носильными вещами и портфель, вероятно, с документами.

Из аэропорта уехал в отель с сотрудником русского посольства на «бьюике». Цвет синий. Номерной знак 27-477 дипломатический.

Установлено, что с Костровым прибыл груз весом шестьсот двадцать килограммов: реклама, двадцать семь яуфов с фильмами, два проекционных переносных аппарата для демонстрации 35 мм фильмов.

Сколько-нибудь серьезного разговора с Костровым не состоялось. Сообщить о нем что-либо дополнительное не могу.

Первая рабочая встреча назначена на 15 апреля после телефонного уточнения. Место встречи: офис фирмы «Розз энд Розз».

Долли.

14 апреля 1969 года».

Браун поднялся, подошел к небольшому шкафу, вынул толстую тетрадь и что-то записал. Потом сделал пометку на донесении и, пробив его дыроколом, защелкнул лист в держателях тяжелой папки из плотного картона.

Мэри Фергюссон должна была заехать за Костровым в отель. Договорились, что ровно в девять он спустится вниз. С утра Андрей хотел разделаться со всеми бытовыми вопросами: снять квартиру и взять в аренду автомобиль с тем, чтобы в дальнейшем больше не отвлекаться от дел. Они — это предчувствие не оставляло его — будут, очевидно, трудными.

Однако планы пришлось изменить. Андрей уже завязывал галстук, когда зазвонил телефон.

— Это ты, Дрю?— раздался в трубке голос Майкла.— Приезжай, есть разговор.

Розз больше ничего не сказал, но Андрей по встревоженному тону Майкла понял, что появилось еще какое-то осложнение.

Мэри уже ждала его. Он поздоровался, сел в машину и попросил:

— В нарушение нашего плана я хотел бы заскочить к мистеру Роззу в офис.

— О'кэй,— бесстрастно ответила она.

«Удивительно хороша!»— подумал Андрей.

...Вместо приветствия расстроенный Майкл протянул Андрею вскрытый конверт: «Читай!»

Владелец кинотеатра из Торонто сообщал, что в силу более раннего и выгодного контракта с фирмой «Колибри» он не может принять предложение «Розз энд Розз» о проведении декады советских фильмов в его кинотеатре.

— Кажется, «Колибри» дает мне бой,— сказал Майкл.— Но деньги!.. Откуда у них взялись деньги? Ведь дела «Колибри» из рук вон плохи. Всего две недели назад они не смогли заплатить вполне умеренную цену за «Два карабина в ее окне». А фильм был уже широко разрекламирован и почти не требовал дополнительных расходов. Ленту купил я...

Костров догадывался, откуда появились деньги у «Колибри».

— Можно предположить, что в ближайшие дни подобные письма придут и из Квебека и Оттавы,— сказал он.

— Ты так думаешь?

— Я в этом почти уверен...

Как это ни странно, но после разговора с Майклом Андрей несколько успокоился. Теперь он точно знал: обструкция со стороны владельцев кинотеатров не случайна. Она организована одной рукой. Нужно искать иной выход, новые решения, и его мозг уже напряженно работал над этим.

— Я вчера не теряла времени и могу предложить несколько подходящих вариантов насчет квартиры,— сказала Мэри Андрею,

когда он вновь сел к ней в машину. Украдкой она внимательно взглянула на него.

— Вы чем-то расстроены, босс?

— Меня зовут Андрей Костров,— недовольно проговорил он.

— О'кэй, мистер Костров,— согласилась она. И тут же добавила по-русски:— Я могу называть вас Андрей Николаевич, если хотите.

Он обернулся к ней.

— Называйте меня так, как принято в вашей стране.

— Отлично. А вы можете звать меня просто Мэри. Это проще и короче, чем мисс Фергюссон...

Они ехали по Сан-Кэтрин в сторону моста Жака Картье. Не доезжая до него несколько кварталов, Мэри сделала левый поворот и вскоре остановилась возле красивого четырнадцатиэтажного дома. Андрей прочел название улицы: «Мезанёв».

Рядом с подъездом, снабженным специальной сигнализацией в квартиры, находилось большое окно. На огромном толстом стекле с внутренней стороны висела табличка «Сдается».

Хозяйка, высокая, непомерно толстая женщина с неприятным лицом, не желала сдавать квартиру на месяц. Мисс Фергюссон долго убеждала ее, и наконец та согласилась за триста пятьдесят долларов сдать двухкомнатную квартиру на девятом этаже.

Они втроем поднялись наверх. Хозяйка подошла к двери, на которой была табличка с цифрой «902».

«Двухкомнатная» квартира не имела прихожей. Андрей из коридора сразу попал в комнату-кухню площадью метров в семнадцать-восемнадцать. Слева стояла электроплита на две конфорки. Над ней — большой купол вытяжного вентилятора. Рядом с плитой холодильник. В углу, возле двери на балкон, телевизор на поворотной ножке. Два кресла и журнальный столик стояли у окна, напротив телевизора. В центре — небольшой стол и четыре стула. Из кухни дверь вела в маленькую, не более восьми метров комнату. Здесь стояли кровать, комод, тумбочка и крошечный пуф. Вдоль задней стенки помещался гардероб.

Андрея не очень волновали достоинства квартиры. Важно иметь свой угол, который к тому же вдвое дешевле номера в гостинице.

По требованию хозяйки он уплатил за месяц вперед, взял внизу ключ, и они поехали выбирать автомобиль.

Костров остановился на новеньком двухсотдвадцатисильном «шевроле».

Внимательно осмотрев и опробовав машину, Костров тут же застраховал ее от аварий.

В четверг Андрей поднялся в шесть часов утра, открыл дверь на балкон. Сделав зарядку, он принял душ, побрился. Съев две невкусные сосиски и баночку йогурта, спустился во двор, где стояла машина. Было семь часов утра. В посольстве ему нужно быть в одиннадцать, а до Оттавы более ста двадцати миль.

Выезжая со двора, Андрей заметил, что одноглазый привратник смотрит вслед через большое окно.

Через три часа Костров подъехал к ограде, за которой в глубине двора стоял красивый двухэтажный особняк. На медной табличке по-русски и по-английски было написано: «Посольство Союза Советских Социалистических Республик».

...В Монреаль Андрей возвращался внутренне собранный и успокоенный. Панацеи от всех бед у него не было. Но трезвая оценка и глубокий анализ ситуации, характеристика могущих противоборствовать успеху декады советского киноискусства сил помогли Кострову правильно определиться. Он изменил план подготовки и проведения декады, вновь тщательно, до мелочей продумал каждый шаг. Большое участие в этой работе принял советник по культуре, тот самый, который встречал Кострова в аэропорту.

Андрей запомнил его напутственные слова:

— Этот Розз, кажется, честный бизнесмен и неплохо относится к нашей стране. Такие люди помогают культурному сотрудничеству между народами, и контакты с ними надо ценить...

Продолжение следует.

Юрий ПРОКУШЕВ,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького

ЖИЗ «ДЕЛОВ

«Лучшие люди познаются высшим нравственным развитием и высшим нравственным влиянием».

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

«Хорошо быть ученым, поэтом, воином, законодателем и проч., но худо не быть при этом человеком».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

Только охватывая взором весь ход развития современного литературного процесса, только соотнося его с движением самой действительности, в ее главных, опорных и поворотных исторических моментах, в диалектической взаимосвязи жизни города с жизнью деревни, в духовном, идейном единстве всех классов и социальных групп нашего социалистического общества, может критик сегодня наиболее точно «определить» суть таланта писателя, открыть для настоящего и будущего неповторимый облик героев его книг, указать на предназначение их в духовной жизни нации.

Каков он, этот герой нашего времени, что движет его поступками? Сколь он народен, возвышен духовно, нравственно? Отзывчива ли его душа к чужому горю, доброе ли у него сердце? Ради чего он живет и трудится? Не застит ли в нем человека голое дело, не усыпляет ли материальный достаток его совесть? Высок ли его гражданский порыв?

Каждый раз при встрече с героями новой талантливой книги вновь и вновь возникают перед нами, критиками, эти далеко не однозначные, не простые вопросы.

История отечественной критики знает немало поучительнейших примеров, относящихся к прошлому — XIX веку и началу XX века, и к нашему времени, когда именно слово критика открывало читателям, а случалось, и самому автору непреходящее художественно-философское, общечеловеческое значение его героев. Со временем они, эти герои, в нашем сознании начинали обретать все более реальные черты, и мы все больше начинали воспринимать их как наших добрых «знакомых незнакомцев», надежных спутников на тернистых дорогах жизни.

Особенно велика в этом роль и заслуга революционно-демократической критики. Без статей Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, без заключенных в них проницательнейших критических суждений и оценок не только их современники, но и в наше время во многом по-иному бы воспринимали, по-иному бы относились к бессмертным героям русской классики и прежде всего к пушкинским— Онегину и Татьяне, лермонтовским — Печорину и Мцыри, к героям тургеневских «Отцов и детей», гоголевских «Мертвых душ», «Белых ночей» Достоевского, «Грозы» Островского...

По-добролюбовски дерзко, мудро, афористично критике надо судить о современном литературном герое, его нравственно-воспитательной значимости, художественной масштабности. И судить столь же достойно, возвышенно, как это удавалось в талантливых работах делать, еще совсем недавно, таким авторитетным представителям старшего поколения советской критической школы, как Александр Макаров, чье по-своему уникальное литературное наследство, несомненно, заслуживает куда более пристального внимания и изучения. Мы не погрешим против истины, если заметим, что целый ряд современных талантливых художников вместе с героями своих книг для широкого читателя впервые был открыт именно критиком Александром Макаровым.

Велика и почетна роль критики — вовремя поддержать и окрылить писателя, создающего образ истинно народного героя. Ведь даже в нашей богатейшей отечественной литературе таких народных героев, которым как бы самой судьбой было уготовано духовное бессмертие и которые вечно будут жить в памяти народной, как говорится, наперечет.

Истинное счастье и высокая гражданская, нравственная ответственность критика: сказать первым о неведомом еще читателю образе, сказать настолько убедительно, правдиво, эмоционально, чтобы в это поверили другие, поверили раз и навсегда.

Но, к сожалению, в критике случается и обратное. Так, например, уже в наши дни стремление иных критиков во что бы то ни стало обратить внимание читателей на героев, непосредственно связанных с научно-технической революцией, порой приводило к тому печальному обстоятельству, что в своих крайне субъективистских да к тому же подчас поспешных суждениях и выводах, лишенных чувства меры и чувства объективной реальности, желаемое выдавалось за действительное.

Однако вскоре становилось, как правило, очевидным, что «открытый» критиками «герой» не выражает, а скорее искажает историческую суть своей эпохи, что линия его поведения, его жизненные цели и идеалы весьма далеки от подлинно народного героизма, что в моральном, нравственном плане он для нашей действительности, нашего советского образа жизни не столько герой, сколько антигерой, не более чем досадный литературный мираж, рожденный воспаленным воображением критика, «потрясенного», а то и просто «оглушенного» вселенской масштабностью грандиозных научных открытий и гигантских преобразований природы и общественной жизни в век НТР.

Нечто подобное в недавнем прошлом произошло в нашей критике с образом так называемого «делового» человека, заявившего о себе довольно амбициозно — поначалу на сцене, а вскоре шагнувшего на кино- и телеэкраны...

Вспомним, еще совсем недавно, каких-нибудь шесть-семь лет назад, на страницах критических статей и очерков замелькала фамилия инженера Чешкова — одного из заглавных персонажей пьесы Игнатия Дворецкого «Человек со стороны». Во многих критических выступлениях поначалу довольно настойчиво утверждалась мысль, что талантливый администратор-организатор, знаток техники и современного производства, «деловой» человек Чешков и есть настоящий герой, рожденный эпохой НТР.

Деятельность Чешкова, направленная исключительно на самопроизводство, на дело только ради этого дела, а не ради людей, которые вершат это дело, не ради их счастья, в конечном итоге — их радости бытия, словно загипнотизировала иных критиков. Они просмотрели, не почувствовали главного: бездуховности Чешкова, его эгоцентричности, того горького, печального факта, что энергия прагматика Чешкова не затрагивает души тех, кто трудится с ним, под его руководством. Он, Чешков, как бы находится над ними, а не вме-

НЬ И СМЕРТЬ
ОГО» ЧЕЛОВЕКА

сте с ними. Руководителей типа Чешкова мало интересует жизнь рабочего человека, его бытие вне завода, наконец, его домашние, семейные дела. А ведь именно это все, вместе взятое, создает во многом тот моральный климат, ту нравственную атмосферу в трудовом коллективе, которая в конечном итоге и определяет его высокие производственные достижения.

Нет, не случайно в пьесе инженер Чешков, по существу, так и остается до конца «человеком со стороны».

Но, если судить по содержанию пьесы, никуда не уйти от того объективного факта, что в главном симпатии автора на стороне Чешкова. Он его герой. Другое дело, что такой изъян Чешкова, как его «душевная черствость», превращает «делового» человека — героя положительного, как его задумал автор, объективно в антигероя, бездуховность которого в конце концов может опорочить и загубить любое порученное ему дело при всей насущной необходимости этого дела для народа.

Объективно автор «Человека со стороны» хотел показать положительное начало, якобы заложенное в «деловом» человеке, показать его героизм в эпоху НТР, а получилось все наоборот. Всем стал особенно ясен главный порок этого «делового» человека — его «душевная черствость», его бездуховность.

Но намерения — это одно, а реальная жизнь, реальный герой нашего времени — это другое. К тому же, как говорится, благими намерениями вымощена дорога отнюдь не в райские кущи...

Остается заметить, что проблема «делового» человека возникла задолго до пьесы Дворецкого «Человек со стороны», и не только в литературе, а в самой жизни.

Это проблема века. Время НТР лишь как бы заострило и обнажило многие грани этой сложной, противоречивой проблемы, особенно в таких глобальных сферах, как человек и природа, человек и окружающий его духовный и материальный мир.

В наши дни становится все более очевидным, что бездуховность «делового» человека, его голый прагматизм, закрепленные в его «несгибаемом» характере такими присадками, как неуемное честолюбие и воинствующий эгоцентризм, могут нанести, как это уже бывало не однажды, непоправимый урон обществу, особенно в области нравственной.

Сколько раз мы уже были свидетелями поспешно-односторонних действий «делового» человека без загляда в завтрашний день; действий, обычно продиктованных лишь тактически сиюминутными интересами, не учитывающих главного—стратегической перспективы развития производительных сил страны. Все это приводит к тому, что подобные действия при всей их поначалу кажущейся «железной» необходимости в конечном итоге порождают в обществе невосполнимые духовные, моральные, нравственные утраты и потери.

Какой «деловой» человек может, например, ради «спрямления» и расширения городских улиц и площадей областного центра, а то, глядишь, и стольного града не остановиться ни перед чем: вместе со строениями, отжившими свой век, возьмет да и бездумно снесет старинную каменную башню или древний храм, а то и вовсе порушит целый квартал никому не мешавших домов, уютно разместившихся среди тихих переулков, и на этом месте взгромоздит скучно-серые «стекляшки» — высоченные дома-коробки, которые своей однообразной прямолинейностью и угловатостью разрушат выразительно многоликий силуэт древнего города, складывавшийся веками.

Он же, этот «деловой» человек, ради того, чтобы пустить гидроэлектростанцию в установленный срок (отсюда и почет, и слава, и денежная премия), без особых душевных колебаний и сомнений отдаст распоряжение затопить сотни квадратных километров невырубленного строевого леса на дне будущего водохранилища. Горьким, немым упреком такому «делу», а точнее, бездушной бесхозяйственности, будет стоять на дне рукотворного моря долгие годы этот мертвый лес.

Опять он же, «деловой» человек, боясь отстать от века в своем колхозе, совхозе, районе, а то—поднимай выше — и в областном масштабе, установив, чаще всего по бумажным источникам, что такие-то и такие-то деревни в своем дальнейшем развитии «неперспективны», начинает переселять их жителей на центральную усадьбу. А усадьба эта порой бывает размещена в неуютном, неудобном месте, чуть ли не в болотной низине, рядом ни реки, ни леса. А «неперспективная» стояла на взгорье, вблизи большака, рядом были и веселая речка и зеленая роща. Здесь жили деды и прадеды, матери и отцы переселенцев, здесь отшумело их босоногое детство, прошла вся жизнь. Для них нет ничего роднее их старой деревеньки. Болит их душа. Тяжело им покидать родное гнездо. Конечно, умом они понимают, что жизнь меняется. Но все же кто знает, как там, на новом месте. В эти особые поворотные минуты всей их жизни они, конечно же, более чем когда-либо нуждаются в добром напутственном слове-совете, в разговоре по душам, чтобы взвесить и обсудить все возможные варианты, все «за» и «против». Но «деловому» человеку некогда этим заниматься. Дана команда, и будь добр — переезжай!

Но «делового» человека не волнует и то обстоятельство, что старая башня, построенная народными умельцами,— бесценный памятник древнего русского зодчества; что храм был воздвигнут на народные деньги, в честь победы русских воинов над иноземным врагом; что у одних строителей гидроузла душа будет долго болеть о загубленном в воде лесе, а у других западет в душу чувство безответственной вседозволенности, особенно по отношению к окружающей природе.

А на производстве! «Деловой» человек все сделает, чтобы со стороны технической был обеспечен план, а люди... Они для него лишь исполнители его воли, лишь рабочие единицы!

И все это якобы ради «дела»! И все без души!

Ныне особенно очевидно, что ни при каких обстоятельствах нам, критикам, не следует даже и стремиться к тому, чтобы в «деловом» человеке видеть чуть ли не одного из главных героев нашего времени.

Никакой он не герой, а скорее досадная жертва обстоятельств, в которые попадает в силу тех или иных причин, а еще больше жертва самого себя, своей голой деловитости, своей прагматической философии жизни.

«Деловой» человек довольно быстро «скончался» на сцене как современный «герой».

Все познается в сравнении. В этом смысле можно сказать, что и «деловой» герой сыграл-таки свою «положительную» роль. На его бездуховном фоне стала еще более очевидной, еще более зримой, еще более дорогой и близкой нам истинная социалистическая духовность и социалистическая деловитость любимых народных героев нашей литературы, жизнь которых всегда была наполнена великими деяниями и свершениями и которые всегда были чудесными романтиками-мечтателями, людьми щедрой доброты и чуткой совестливости.

«Надо мечтать!» — призывал соратников по революционной борьбе Владимир Ильич Ленин. Призывал далеко не в самые светлые и радужные дни его бессмертного революционного дела.

Вспомним слова о Ленине-вожде, услышанные Горьким от сормовского рабочего Дмитрия Павлова еще в 1918 году: «Прост , как правда».

«Сказал он это,— замечает Максим Горький, — как хорошо продуманное, давно решенное».

Великое дело революционного преобразования мира, великая ленинская мечта большевиков, ленинская простота и человечнейшая человечность в своем диалектическом единстве как главные, определяющие черты характера истинного героя нашего века были открыты художественно молодой советской литературой далеко не сразу.

В любом деле, чтобы увереннее, надежнее встречать будущее, завтрашний день, чтобы не открывать вновь уже однажды открытое, надо хорошо знать прошлое и всегда помнить о нем: и о более близком и о том, что уже значительно отдалено от нас неумолимыми шагами истории.

Подчеркнем в связи с этим, что и проблема так называемого «делового» человека, затронутая нами, в своем общем посыле по сути дела отнюдь не нова. Более того, она имеет свою поучительную историю, связанную с настойчивым и многотрудным художественным поиском молодой советской литературой своего героя.

В первые годы Советской власти, напряженные, боевые, окрыленные иным из писателей, особенно молодым, ставшим открыто на сторону Октября, искренне казалось, что герой, рожденный революцией,— это человек, у которого «железные» нервы, «железные» мускулы, «железное» сердце. Он весь «заострен» на мировую революцию. Все обычное, земное он отвергает. Любовь для него — это лишь «буржуазный пережиток», домашний уют — «мещанство».

Продиктовано это было одним горячим стремлением выразить, художественно передать невиданный массовый героизм восставшего народа в огненные годы революции и гражданской войны.

Его эпическая масштабность у многих писателей еще часто не была «закреплена» лирической задушевностью, у героев порой не оказывалось живого, горячего революционного сердца, не оказывалось живой души, охваченной революционной бурей. Это была болезнь роста. Она стремительно преодолевалась молодой советской литературой. Уже в середине 20-х годов появляются «Чапаев» Дмитрия Фурманова, «Разгром» Александра Фадеева, «Донские рассказы» Михаила Шолохова, «Партизанские повести» Всеволода Иванова, «Барсуки» Леонида Леонова, «Разлом» Бориса Лавренева, «Любовь Яровая» Константина Тренева, «Анна Снегина» Сергея Есенина.

И Владимир Маяковский от несколько схема-

тичных «150.000.000» приходит в фантастически сжатые сроки, всего через четыре года, к своей бессмертной поэме о Ленине, к образу вождя революции — «самого человечного человека», «самого земного изо всех прошедших по земле людей».

Герои книг этих талантливых писателей одухотворенно, романтично вершили богатырское дело революции. Все они были Личности открытые и сердечные, все были людьми высокого революционного долга и дела, светлой любви и веры, чистой совести и правды. Казалось, что после таких героев трудно было предвидеть возможность появления иных героев, с явным перекосом в одну сторону их линии жизни — голой деловитости, героев, закованных в броню невозмутимости, эмоциональной ограниченности.

В 50-х годах в памятной, довольно шумной, во многом надуманной дискуссии «о физиках и лириках» вновь промелькнула тень такого «делового» человека, душа которого якобы отдана лишь одной физике и напрочь чужда всякой лирике. Жизнь, действительность вскоре показала, мягко говоря, несостоятельность подобной «концепции». Физики на деле, в жизни, оказались в своей сути, своем душевном настрое людьми глубоко лиричными. Вспомним хотя бы наших прославленных академиков Курчатова, Ландау, Миллионщикова. С последним — Михаилом Дмитриевичем Миллионщиковым нам довелось встречаться неоднократно, видеть его живой интерес к живописи, музыке, поэзии, быть свидетелем его увлеченного разговора о современной литературе с Егором Исаевым и другими поэтами—гостями его дома.

А истинные лирики! Они всегда были людьми с дерзким полетом мысли и фантазии, всегда стремились к философскому познанию мира, всегда стремились по-своему проникнуть в тайны Вселенной, тайны мироздания.

«Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства. Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. Всюду будут расставлены вехи для безопасного плавания, и человечество будет перекликаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности».

Так мог бы сказать отец космонавтики Циолковский или великий физик Эйнштейн. Но это было сказано одним из лиричнейших поэтов мира — Сергеем Есениным еще в 1920 году. В одном из своих ранних стихотворений, пристально вглядываясь в просторы Вселенной, он писал:

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный,
На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.
. . . .

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

Не однажды справедливо подчеркивалось, что небесные просторы Вселенной уже давно были «обжиты» нашей литературой, особенно поэзией. Мечта, воображение поэтов помогли человечеству проникнуть в космические дали Вселенной задолго до того времени, когда «физики» в середине XX века отправили на орбиту первый искусственный спутник Земли.

Опять же заметим, что ряд критиков — участников дискуссии «о физиках и лириках» оказался, к сожалению, в плену внешних примет нашей космической эпохи. Они основательно запутали свои и читательские головы «многозначительными» рассуждениями о так называемой интеллектуальной поэзии, считая ярчайшим ее представителем лишь Андрея Вознесенского, но столь же решительно оставляя за бортом этой «поэзии века» Василия Федорова, Александра Прокофьева, Егора Исаева, Сергея Васильева, Сергея Орлова, Сергея Викулова, Владимира Жукова, Бориса Ручьева, Людмилу Татьяничеву, Ярослава Смелякова и многих других поэтов, продолжающих и развивающих традиции реалистической поэзии XIX века, поэзии глубоко народной, духовно возвышенной.

Художественная практика, а также критика «теории» интеллектуальной поэзии, наконец, голос самой поэзии сделали свое дело. Стала очевидна полная научная несостоятельность, более того, надуманность этой «теории», ведущей на практике к искусственному разделению и противопоставлению поэтов, да еще с оттенком некой «второсортности» одних по отношению к другим. Кому это нужно и зачем? В наши дни — особенно! Прав и сегодня Владимир Маяковский: зачем «нам делить поэтическую власть... а ругаться захочется — врагов много по другую сторону красных баррикад».

Еще раз заметим: в любом деле опасно судить только по внешней его стороне, внешним приметам. Любое общественное, социальное, нравственное, идеологическое, художественное явление всегда имеет глубинные истоки, всегда проявляет себя далеко не однозначно. Так и проблема героя в эпоху НТР. Есть в ней целый ряд моментов, которые на первый взгляд не стыкуются в литературе с явлениями, порожденными НТР, и, казалось, происходят лишь по воле автора, автономно, как бы сами по себе. Порой в чем-то выглядит все это даже несколько парадоксально. Вот один из таких примечательных моментов.

В последнее десятилетие, в самый разгар взлета научной мысли, присущей НТР, особенно у нас в стране, в условиях развитого социализма, произошел вдруг страшный «взрыв» литературы, которую иные критики, особенно усиленно выдвигавшие одно время на первый план фигуру «делового» человека, стали весьма настойчиво судить и упрекать за отсутствие живой связи с современностью, НТР, считая ее сугубо «деревенской». Герои этой литературы на первый, внешний взгляд, казалось бы, действительно ничего общего не имеют с образом «делового» человека и очень далеки в своей жизни от многих жгучих проблем, связанных с действительностью наших дней, непосредственно с НТР. А интерес читателей, точнее, тех, кто непосредственно участвует в научно-технической революции, именно к этой литературе, этим книгам огромен. Об этих книгах больше всего наши современники спорят, на них реагируют потоком своих писем к их авторам, в редакции журналов, издательств. С каждым годом всенародный читательский интерес к этим книгам возрастает. Мы прежде всего имеем в виду романы и повести В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Астафьева, М. Алексеева, Б. Можаева, А. Иванова, Е. Носова, В. Лихоносова... И это касается не только прозаиков. Обратимся к поэзии.

Ныне очевидны такие ее достижения, как эпическая поэма Егора Исаева «Даль памяти» и лиро-эпическая поэма Василия Федорова «Женитьба Дон-Жуана», которую сам автор назвал «иронической».

И та и другая архисовременны. Но при этом они сюжетно, судьбой своих главных героев, кажутся абсолютно не связанными с проблемами НТР. Особенно поэма Василия Федорова. Надо же было отважиться женить в век НТР такого героя, как Дон-Жуан, и главное — зачем?

Истинный поэт всегда философ. Его поэтический мир охватывает двуедино современность и вечные вопросы человеческого бытия, народной жизни.

Поэма Василия Федорова «Женитьба Дон-Жуана» — произведение глубоко философское от первой до последней строки. Что есть истинная любовь, истинное счастье, истинная свобода? Что есть истинная справедливость? Почему вокруг все еще так много пошлости, мещанской сытости, бездуховности и куда меньше доброты, отзывчивости, душевного тепла? В чем главная радость жизни, ее сокровенный смысл? Что делает человека бессмертным? Автор не только ставит и затрагивает в новой поэме эти вечные вопросы, но, что особенно поучительно, стремится активно ответить на них языком поэзии, реальной судьбой своих героев в сложно-противоречивую эпоху НТР.

Герои поэм «Даль памяти» и «Женитьба Дон-Жуана» удивительно душевные, совестливые, отзывчивые на добро люди, в руках у которых важное, большое дело — работа на колхозных полях и в заводских цехах, они не укладываются в схему «делового» человека, у которого зачастую кем-то словно изъята живая душа, а сердце холодно и бесстрастно, как электронная машина.

Их главный нравственный пафос внутренне, органично связан с одной, едва ли не главнейшей проблемой, которая сегодня все больше и неотступнее волнует умы и сердца и писателей и ученых; волнует она по-своему столь же остро и политических и хозяйственных руководителей, а если шире — проблема эта в век НТР стала всенародной.

Вспоминается в связи с этим один примечательный момент на встрече писателей с учеными в Сибирском отделении АН СССР. Было это в 1978 году. Тогдашний президент отделения, академик Г. И. Марчук, во время дискуссии «НТР. Личность. Литература» сказал как хорошо обдуманное и, мне показалось, очень сокровенное, личное:

— Мы много думаем о машинах и куда меньше, к сожалению, о человеке. Это очень опасно,—добавил он. — Теперь все больше начинаешь понимать эту проблему философски.

Нетрудно было почувствовать, насколько сам этот человек, стоящий во главе многотысячного научного коллектива, по-настоящему и деловит, и отзывчив, душевен, внимателен к людям, вместе с которыми решает государственного масштаба задачи.

Естественно, нужен высокий уровень, более того, взлет науки, техники, обеспечивающий материальный достаток каждого члена общества. Все это дает НТР. Но главным всегда был и всегда останется Человек с богатством, красотой его души. Тот, у кого красива душа, тот красив и в работе, в своем любимом деле, в отношении к людям, к родной природе. Еще Достоевский был глубоко убежден, что красота спасет мир, принесет в конце концов человеку счастье. На заре тревожного XX века мир услышал знаменитое горьковское: «Человек — это звучит гордо!» В наше время один из выдающихся современных поэтов справедливо и мудро замечает в своих стихах: «По тому, как людям любится, здоровье мира узнают».

Как бы итожа все эти гуманистические, глубоко народные в своей основе мечты, надежды, чаяния, ленинская партия коммунистов провозгласила как самую главную свою цель и задачу всей деятельности: все — для Человека, все — во имя Человека.

Создание материально-технической базы коммунизма на основе НТР и воспитание человека нового, коммунистического мира — единая задача. Она величественно грандиозна и столь же грандиозно сложна. Особенно в наше время, когда охваченный атомным безумием капиталистический мир, его заправилы и «хозяева» делают все, чтобы убить в человеке — человека.

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

К сожалению, эти слова Сергея Есенина оказались пророческими. Всего через пятнадцать лет новая мировая война унесла в нашей стране 20 миллионов жизней, а во всем мире — 55 миллионов. Цифры трагически страшные. Страшные еще и потому, что эта бесчеловечная кривая безумия мира идет по всевозрастающей.

«Человечество,— свидетельствует врач-академик Е. И. Чазов, призывая всех к осознанию чудовищной истины нашего века,— сидит на пороховой бочке, в которой содержится столько взрывчатых веществ, что на каждого человека приходится десять тонн тринитротолуола».

Да, наш XX век — героический, революционный век, век Ленина и Великого Октября, век неодолимого социалистического обновления мира, век крушения колониального рабства, век покорения Человеком атома и космоса. Но это и «жестокий век», век, когда «старый мир» в своей исторической агонии обернулся бесчеловечным мракобесием фашистских «теорий» мирового господства, ввергнувших Европу и все человечество в пучину мировой войны; век, когда в печах крематориев фашистских лагерей смерти были сожжены миллионы (!!!) людей.

Великая миссия в наши дни ложится на все реалистическое искусство, особенно на нашу советскую литературу, открывшую миру нового героя — человека-творца и борца за народное счастье, поднявшего над миром факел свободы и интернационального братства, человека, душа и сердце которого полны доброты к людям труда и ненависти к угнетателям народа.

Герой этот — величайшее в мире завоевание реализма!

В нем, герое нашего времени, воплощены вековые чаяния народных масс и святые гуманистические традиции отечественной и мировой классики.

Вот почему наш долг, долг критиков — оберегать этого героя, его светлое и доброе имя от любых попыток набросить на него любую тень (будь то тень «делового» человека или «интеллектуальной поэзии» и т. п.), которая на какое-то мгновение, пусть самое краткое, смогла бы застить от народа его правдивый образ.

Каждый из нас обязан и должен стремиться к тому, чтобы в каждом истинно талантливом произведении уметь вовремя и доказательно раскрыть неповторимую индивидуальность героя, кровную связь его с народной жизнью.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Живут среди нас люди большой и интересной судьбы. Их биография неразрывно связана с этапами трудного и славного пути нашей многонациональной Родины. Об одном таком человеке — профессоре, докторе медицинских наук Кюбре Яхтье Кызы Фараджевой — именно сейчас, когда мы готовимся к празднованию шестидесятилетия нашей Советской страны, мне и хочется рассказать. Около тридцати лет руководила она Научно-исследовательским институтом охраны материнства и детства имени Н. К. Крупской в Баку. Ее жизнь вобрала в себя бурные годы революционной борьбы, тяжкое время военных испытаний, созидательный мирный труд.

...Четыре класса русско-татарской школы да один год женской гимназии — вот все, что мог до революции дать ей, страстно желавшей учиться, отец, мелкий служащий. Трудно представить, как сложилась бы дальнейшая судьба девушки-азербайджанки, если бы не Советская власть, принесшая освобождение ее народу, ставшему равноправным в единой, дружной семье всех народов и национальностей, населяющих нашу страну.

Курсы учителей, работа в сельской школе, трудная и опасная, требующая полной отдачи сил. Несмотря на откровенные угрозы врагов Советской власти, Кюбра ведет агитацию среди женщин, помогает им освободиться от религиозных предрассудков, участвует в борьбе по ликвидации неграмотности. Она одной из первых девушек-азербайджанок получает комсомольский билет.

Еще девочкой Кюбра мечтала быть врачом, и именно детским: в семье от оспы и малярии погибло десять детей. Окончив рабфак, она становится студенткой медицинского факультета Азербайджанского государственного университета. И наконец, любимая работа в институте охраны материнства и детства, которую она умело сочетает с большой общественной деятельностью.

С 1937 года К. Фараджева — заместитель наркома, а вскоре стала наркомом здравоохранения республики. Много сил и энергии отдает молодая женщина-нарком улучшению народного здравоохранения. Здесь проявились ее незаурядный организаторский талант, разносторонность знаний, настойчивость.

Но война нарушила мирные планы. К. Фараджева работала начальником эвакогоспиталя, занимала руководящие должности в системе здравоохранения Азербайджана. Только в конце 1950 года она возвращается к научной работе, возглавив институт охраны материнства и детства.

Кюбра-ханум — пытливый ученый-исследователь. Около ста монографий посвятила она изучению здоровья детей. А сколько специалистов, докторов и кандидатов наук с гордостью называют ее своим учителем! На вопрос, сколько она воспитала ученых, Кюбра-ханум ответила не сразу. Растерялась... Разве считаешь тех, кому помогаешь, учишь?

Большую работу проводила Фараджева, будучи депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР. При ее непосредственном участии в небольших селениях Алпани и Кыврах построены новые современные больницы. И это лишь малая частица ее неутомимой депутатской деятельности. Пожалуй, не сосчитать клиник, больниц, родильных домов, построенных благодаря ее настойчивости, энергии. Талант азербайджанской женщины Кюбры Фараджевой был оценен не только в республике — была она и депутатом Верховного Совета СССР.

Еще в годы комсомольской юности у нее вошло в привычку делать все основательно, надежно, быть требовательной к себе и другим, доводить до конца всякое начатое дело.

За самоотверженный труд Кюбра Фараджева была награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», семью медалями, значком «Отличник здравоохранения». Но главное — это всеобщее уважение, благодарность людей, которым она всегда готова прийти на помощь, передать свой богатый опыт и знания.

Мне кажется, что профессия врача, избранная этой замечательной женщиной, сродни тому большому, ответственному и мужественному делу комсомольского вожака, коммуниста, руководителя, ученого, которое пронесла Кюбра-ханум через всю свою интересную жизнь. Это борьба за человека, готовность всегда прийти на помощь. Не по обязанности, не по служебному долгу — по велению сердца.

Баку.

И. ДАВЫДОВА

К. Фараджева с группой школьников. 1926 год.

театр

АЛКИНА СУДЬБА

Новая работа Государственного ярославского академического театра имени Ф. Волкова «Алкины песни» не предлагает готовых решений. Создатели спектакля по пьесе Анатолия Иванова не утомляют зрителей дешевым морализированием вроде: любить чужого мужа не пристало, все равно ничего хорошего не выйдет. Ярославцы главной своей задачей ставили исследование личности, внимание к человеку, к движениям его души. Вот и история любви Алки Ураловой к Сергею Хопрову — любви несчастной, горькой — рассказывает со сцены, как прекрасен может быть человек, сколь безграничны возможности его сердца.

Жанр пьесы Анатолия Иванова, самим писателем обозначенный как «поэма-песня», представлял определенные трудности: некую опасность подчеркнутой «возвышенности». Но театр не изменил лучшим отечественным традициям, всегда почитавшим реализм основным направлением драматического искусства. Постановщик пьесы главный режиссер театра Владимир Кузьмин точно соотносит романтическую интонацию спектакля с той безыскусностью, что составляет суть истории, предложенной зрителю.

Театральность — в лучшем ее смысле — сразу покоряет сидящих в зале: нам открывается сказочная страна, где золотые деревья подпирают синие небеса. Играется шумная, веселая свадьба с песнями и плясками. Массовые сцены сделаны не проходными, как это часто бывает, — они необходимы самому строю спектакля, без них он невозможен. Режиссер дает каждому персонажу массовок точную сценическую характеристику, на сцене не толпа, а живые, конкретные люди. И самая обычная пляска — не просто добротная работа хореографа, но человеческое общение, в котором все интересно. Спектакль полон жизненных, непридуманных подробностей, находок.

Все это мир, в котором живет Алевтина Уралова, или просто Алка; она плоть от плоти тех, кто с нею рядом: их судьбы, их беды и праздники взрастили характер героини, ее силу, чистоту.

Когда в бесшабашное великолепие деревенской свадьбы врывается эта белобрысая девчонка в выцветшем полушалке, в стоптанных сапогах на босу ногу, с некрасивым, искаженным болью лицом, действие на мгновение будто замирает — от этого момента начинается истинный отсчет Алкиной жизни. Причина ее страданий ясна: Сергей женится на Любе Тереминцевой.

Режиссерская партитура последовательна и точна. Задуманная писателем исключительность Алкиной натуры: сила характера, широта души, самая необычность, странность — все эти яркие краски приглушены постановщиком и исполнительницей главной роли актрисой Г. Крыловой. Алке дано больше, нежели окружающим, и она несет этот дар с достоинством: ее любовь к Сергею — это ее горе и ее счастье, счастье не в традиционном поцелуе под занавес, а в обретении себя.

Внимание к зрителю чувствуется в каждом повороте действия, в каждой мизансцене, в каждой актерской работе. Это и Ф. Раздьяконов в роли Устинова, рассказывающего нам Алкину историю. Это сестры Квашнины, сочно, с удовольствием сыгранные С. Аверичевой и Л. Голубевой. Это интереснейшая пара — Варя и Митя — в отличном исполнении И. Ахматенко и Г. Кузнецова.

Л. СЕМЕНОВА

На снимке: Алка — Г. Крылова, Устинов — Ф. Раздьяконов.
Фото А. Скворцова

Владимир НИКОЛАЕВ

Фото автора

МАДОННА НА МОТОЦИКЛЕ, ИЛИ ГИБЕЛЬ МИЛАНСКОГО СОБОРА

Встречаешься с Италией, переезжаешь из города в город и все больше поддаешься очарованию одной из самых удивительных в мире стран. По первому впечатлению видишь сплошной музей (на открытом воздухе и в бесчисленных дворцах, галереях, соборах), но вскоре спохватываешься: какой же это музей, когда вот в этом доме, насчитывающем шесть веков, на твоих глазах отдернулась занавеска на третьем этаже и женщина в домашнем халатике выглянула на улицу. А напротив, здесь же, стоит восемь веков собор, и там идет служба. Даже величественные развалины древнего Рима не видятся музейными экспонатами. Ровесники нашей эры, подходящей к своему двухтысячелетнему рубежу, они кое-где совсем неплохо сохранились. А до римлян здесь, на этой земле, жили загадочные до сих пор этруски со столь высоким уровнем цивилизации, что и сегодня удивляет нас.

Красота итальянской земли приходит к тебе и с бесконечного множества старинных полотен, населенных мадоннами. Так у католиков называется богоматерь. Значит, святые, даже святейшие женщины. Но как они по-земному греховно прекрасны! Сегодня итальянская мадонна по-прежнему жива и по-прежнему хороша собой. Правда, нынче ее художники не обожествляют. Время другое. Да к тому же ее, современную, трудно вписать иконообразно в золотую раму. Ведь она теперь не шествует степенно по улице, а бешено несется по ней на мотоцикле или мопеде и ошарашивает не только традиционной красотой точеного лица, но заодно и оглушает треском своего стального монстра и обдает облаком бензиновой гари.

Заинтересовавшись этим явлением, я обнаружил, что их количество резко возрастает утром и в середине дня. Старшеклассницы и студентки! Я побывал у стен одного института в час окончания занятий и увидел этот необычайный разъезд.

На первый взгляд может показаться, что итальянцы помешались на двух- и четырехколесных машинах. Нет, это не мания, а необходимость, поскольку общественный транспорт развит очень слабо. Города, в которых я побывал, забиты автомобилями и мотоциклами сверх всякой меры. Машины стоят даже на газонах и тротуарах. Нечем дышать на улицах и площадях. Саднит горло, и нос закладывает, как при насморке. Убежден, что воздух крупных итальянских городов серьезно угрожает жизни человека. Иначе и быть не может, поскольку выхлопные газы машин разрушают даже... камень. Простоявшие века строения в наше время начали крошиться, рассыпаться. Впервые об этой беде я услышал, когда любовался сказочной беломраморной вязью Миланского собора. Да, и над ним сгустились тучи бензиновой гари, разъедающей вечный, казалось бы, камень.

Но не только эта угроза нависла над древними стенами. Досужие люди недавно прикинули, что произойдет, если над тем же собором разорвется атомная бомба мощностью в одну мегатонну. Почему вдруг именно над Миланским собором? Наверное, еще и потому, что он, сам по себе шедевр, является своего рода центром одного из красивейших мест на нашей планете. Французский географ Э. Реклю писал: «В Европе нет другой такой страны с такой прекрасной оградой гор, и во всем мире немногие страны могут сравниться с нею великолепием горизонта... Когда в ясное солнечное утро с высоты Миланского собора видишь бо́льшую часть громадного амфитеатра, развертывающегося вокруг зеленеющей равнины и ее бесчисленных городов, то невольно радуешься тому, что живешь и можешь созерцать такую величественную картину».

«Радуешься тому, что живешь...». А вот в результате взрыва атомной бомбы над собором вся зона в радиусе сорока километров от него будет мгновенно поражена атомной радиацией. Температура разрастающегося огненного шара будет равна температуре в центре Солнца. Над кровавыми отблесками пламени поднимется огромный черный гриб высотой двадцать километров и шириной более тридцати километров. Погибнет миллион, а может быть, два миллиона человек. В зоне шириной около тридцати километров вокруг Милана не останется никаких признаков жизни, а поднявшееся смертоносное радиоактивное облако ветер понесет над страной.

Такова одна из ужасных картин, иллюстрирующая так называемую «ограниченную ядерную войну», которая, по мнению заокеанских стратегов, может произойти в Западной Европе. По этому поводу вполне определенно высказался итальянский генерал Нино Пасти, бывший заместитель командующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Он сказал: «Есть интересное американское выражение, гласящее, что Европа (генерал подразумевал Западную Европу.— **В. Н.**) — «расходуемый материал», иначе говоря, вещь, которую используют с определенной целью, как, например, патрон для винтовки. Винтовка (в данном случае США) остается невредимой, в то время как патрон (европейское пушечное мясо) будет в случае конфликта уничтожен». Сказано, может быть, излишне образно, но предельно ясно! Итальянский народ такая участь никак не устраивает. Это видно уже хотя бы из приведенного выше высказывания. Это видно из того, как итальянцы реагируют на происки заокеанских милитаристов и идущих за ними правящих кругов страны. Известно, например, что итальянское правительство одним из первых в Западной Европе согласилось на очередной агрессивный проект Вашингтона — размещение на территории страны крылатых ракет. США уже разместили в Италии около полутора тысяч единиц ядерного оружия.

На такую милитаристскую политику итальянцы отвечают мощным антивоенным движением. Когда я был в Италии, там состоялся многотысячный марш мира Перуджа — Ассизи. Люди шли под лозунгами: «Мы против милитаристских планов США и НАТО!», «Нейтронная бомба нам не нужна!», «Наше оружие — воля к миру!». Участники этой манифестации получили приветствия от Л. И. Брежнева, У. Пальме, Я. Арафата, А. Папандреу. Широкий международный отклик на это выступление итальянских граждан лишний раз подчеркивает все возрастающую роль народных масс в борьбе за мир, против угрозы ядерной войны. Важно также и то, что в рядах участников марша объединились представители самых разных слоев населения — коммунисты и христианские демократы, верующие и атеисты, рабочие, учащиеся, интеллигенция. Их общий протест отражает мнение народа. Примечательно, что даже при голосовании в палате депутатов атлантический курс правительства был одобрен с перевесом лишь в десять голосов.

Вскоре после этого марша мира более двухсот тысяч посланцев со всех концов страны собрались в Риме. Несколько часов длилась их демонстрация по улицам города, как бы продолжая марш Перуджа — Ассизи. Затем эту эстафету приняла Флоренция. Здесь мани-

Римский Колизей * Реклама.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Девушка у светофора * Монахини * Миланский собор * Встреча * Падающая башня в Пизе * У входа в Ватикан * Невеста.

Garelli è...
Garelli è...

фестация была проведена по инициативе профсоюзов, насчитывающих несколько миллионов человек. Двести тысяч их посланцев собрались вместе под антивоенными лозунгами и под транспарантом, на котором были изображены руки рабочего, разламывающего ракету.

Такие демонстрации идут сейчас по всей Италии. Волю ее народа к миру я с особой силой ощутил на традиционном празднике газеты итальянских коммунистов «Унита» в Турине, где тысячи людей объединились под лозунгами борьбы против милитаризма, за социальную справедливость. Расходы на войну больно бьют по итальянцам. Еженедельник «Эуропео» в статье, озаглавленной «Один шаг до краха», пишет: «В мире существует фирма, расходующая на 44 триллиона лир больше, чем она зарабатывает, и выплачивающая ежегодно только в виде процентов за долги 32 триллиона лир. Эта фирма — Италия». Журнал замечает, что в стране действует «машина для производства денег» — обесцененных лир. Недаром их счет идет на триллионы! Инфляция катастрофически растет, за один только год лира по отношению к доллару потеряла половину своей прежней стоимости. Численность безработных перевалила за два миллиона и продолжает расти. Ко всему прочему страну сотрясают политические скандалы, связанные с коррупцией в высших сферах государственной власти.

Начавшийся новый, 1982 год, увы, не предвещает перемен к лучшему. По официальным данным, рост инфляции достигнет 16—17 процентов, а на самом деле темпы ее превышают 20 процентов в год. Как пишет газета «Стампа», экономическая политика превращается для правительства «в бег с препятствиями по минному полю». Трудящиеся, естественно, выступают за свои права, против ущемления своих интересов. В сентябре прошлого года в стране бастовал миллион батраков, в октябре состоялась общенациональная стачка с участием десяти миллионов человек.

Все эти факты обретают для тебя реальную плоть, когда сталкиваешься с Италией лицом к лицу. Весь стиль жизни говорит о том, что государство и подавляющее большинство населения едва сводят концы с концами. Почти полное отсутствие света на улицах вечером и ночью заставляет вспомнить затемнение военных лет. Сумеречный свет маломощных лампочек в гостиницах тоже не способствует подъему настроения. Цены в витринах могут только напугать нормального человека. Глядя на них, удивляешься, как выкручивается итальянец в повседневной жизни. Среди необозримого множества машин на улицах (повторяем, они отнюдь не роскошь, а необходимость при слабо развитом общественном транспорте) девяносто процентов из них трудно назвать даже малолитражками, это крохотные микролитражные автомобили. Я не раз с интересом наблюдал, как в них с трудом забираются и как из них так же нелегко выбираются люди вполне нормальной комплекции.

В стране то и дело происходят трагедии, лишний раз свидетельствующие об общей экономической неустроенности, о социальной несправедливости. Так, во время моего пребывания в Риме там разразился очередной подобный скандал, на сей раз на медицинском поприще. Не секрет, что в итальянской столице больницы переполнены. Этим решили воспользоваться некоторые медики. Так, один из ведущих итальянских онкологов, доктор Моретти, за то, чтобы устроить умирающего в государственную больницу, брал взятки с его родственников. Такса была такая — 1200 долларов за место! Сумма приличная, но удивляться не приходится. В госпитале при столичном университете на многих койках лежат по два больных. Пресса сообщает: «Больные переполнили все коридоры в больницах Рима», «Случай с Моретти — только верхушка айсберга», «Взятки — обычная практика в государственных больницах». И еще пресса пишет, что в целях борьбы с инфляцией правительство предполагает сократить расходы на медицинское обслуживание населения...

Даже при беглом знакомстве с сегодняшней Италией сразу бросается в глаза размах преступности, особенно в южных районах страны, наиболее подверженных влиянию мафии. При мне в Италии пресса подвела печальный итог деятельности мафии только в одном Неаполе: за девять месяцев 1981 года 167 человек было убито. К этому сообщению были подверстаны события последних дней, в том числе такое: в Неаполе в ходе междоусобной гангстерской войны, в порядке мести, были за один день убиты пятеро детей в возрасте от двух до четырнадцати лет. Убийство следует за убийством, но власти бессильны что-либо сделать, когда речь идет о мафии. А ведь вслед за организованной преступностью широкой грязной волной обрушивается на страну мелкая уголовщина, повсюду слышишь разговоры о грабежах, о необходимости остерегаться воров и т. п.

Не украшает жизнь страны и так называемый терроризм, с которым власти тоже никак не могут справиться. Здесь дело обстоит, пожалуй, еще сложнее, чем с организованной преступностью. Например, когда я жил в Милане, там был убит на улице один из надзирателей местной тюрьмы. Как комментировала пресса этот случай? Вот начало типичного сообщения: «Коммунистические экстремисты, которые вчера в Милане убили...» — и так далее. Затем сообщалось, что террористы послали властям свой манифест, завернув его в газету «Унита» (орган компартии). А из той же заметки в конце концов следует, что убили тюремщика члены пресловутых «красных бригад», которые, как известно каждому, никакого отношения к коммунистическому движению не имеют. Тогда при чем же ссылки на «коммунистических экстремистов» и газету «Унита»? Реакция за счет террористов систематически устраивает провокации против прогрессивных сил, а буржуазная пресса этому способствует.

И в то же время до сих пор не расследовано до конца прогремевшее на весь мир похищение и убийство одного из ведущих итальянских политических деятелей, Альдо Моро. Следствие по этому делу явно не торопится. Не менее громкий уголовно-политический скандал прогремел недавно в связи с раскрытием подрывной деятельности так называемой масонской ложи «П-2» (ее члены были обнаружены в парламенте, на ответственных постах в государственных учреждениях, в руководстве радио и телевидения, среди лидеров итальянских деловых кругов и т. п.). И в этом случае следствие тоже не блещет эффективностью. Недаром группа видных итальянских журналистов в предисловии к книге «Италия. Ложа «П-2» пишет: «Самое худшее, что может произойти,— это то, что через некоторое время все может быть предано забвению». Прогноз вполне вероятный.

В пестром калейдоскопе итальянских впечатлений самые яркие эпизоды связаны с непосредственным общением с итальянцами. Каждая встреча, каждый новый разговор — еще одно свидетельство сердечной теплоты и дружелюбия итальянцев. Их доброе отношение к нашей стране с особой силой сказывается в том, как они свято чтут память о советских героях-партизанах, сражавшихся с фашизмом в Италии. В Эмилии-Романье мне рассказали, что только в этом районе страны в рядах движения Сопротивления сражалось около 800 советских граждан. Как правило, они попадали в отряды итальянских партизан, бежав из фашистских лагерей для военнопленных. Одним из самых прославленных советских героев в Италии стал Федор Полетаев. У его памятника на кладбище в Генуе я говорил с местными жителями о наших бойцах, сражавшихся с фашизмом на итальянской земле. Мне рассказали, как ценят здесь вклад Полетаева и его соратников в борьбу за освобождение Италии от фашизма, как берегут память о них.

Культурные и общественные связи между нашими двумя странами имеют глубокие исторические корни, общие революционные традиции. Это делает Италию понятнее для нас и ближе. «Советские люди,— как писал Л. И. Брежнев в послании участникам марша мира Перуджа — Ассизи,— испытывают искренние чувства дружбы и уважения к итальянскому народу, наша страна готова развивать добрососедские взаимовыгодные отношения с Итальянской Республикой».

Памятник Федору Полетаеву на кладбище в Генуе.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

ОБРЕЧЕННЫЕ НА УЦЕНКУ

В экономическом репортаже К. Барыкина «Обреченные на уценку» («Огонек» № 38, 1981 год) анализировалась проблема качества обуви, говорилось и об уроне, который приносит бракованная обувь и покупателям и народному хозяйству. Автор приводил конкретные примеры, в частности по изделиям московского производственного обувного объединения «Восток».

Первым полученным ответом на публикацию было письмо директора Московской фабрики модельной обуви № 1 М. Казарновского и секретаря партбюро З. Большаковой. Они отмечали, что в статье справедливо критикуются предприятие-изготовитель и должностные лица, ответственные за качество и эксплуатационные свойства выпускаемой продукции и за порядок приема обуви, не выдержавшей гарантийных сроков носки или при обнаружении скрытых дефектов. Намечены дополнительные мероприятия по улучшению качества продукции. За допущенные нарушения технологии, увеличение рекламаций и ослабление контроля и ответственности за качество выпускаемой обуви начальникам цехов и мастерам объявлены административные взыскания. За недостаточный контроль технологических операций, а также ослабление воспитательной работы среди сотрудников ОТК на главного инженера фабрики Л. Молдавчук и начальника ОТК фабрики С. Мейтина наложены партийные взыскания.

Еще одно письмо редакция получила от начальника управления развития обувной, кожевенной и кожгалантерейной промышленности Министерства легкой промышленности СССР В. Мелихова.

«На обувных предприятиях,— сообщается в ответе,— систематически проводится анализ забракованной обуви по дефектам, потокам, видам обуви и исполнителям. Результаты анализа рассматриваются в цехах, на потоках, в бригадах, на фабричных и отраслевых «днях качества» с принятием действенных мер по улучшению качества и сокращению количества зарекламированной обуви. Виновные в выпуске некачественной обуви привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности».

Хотелось бы надеяться, что принимаемые меры позволят получать обувь высокого качества. К сожалению, бракованные изделия с маркой того же объединения «Восток», несмотря на перечисленные меры, продолжают поступать в магазины.

ФОКУС-ПОКУС

Павел **ВАСИЛЬЕВ**

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

В клубе было холодно и сумеречно. С полудня топили печь, но помещение не прогрелось, а только все здесь, как зеркало, на которое подышали, покрылось сыростью. Над сценой с того раза, как отсюда провожали на фронт последнюю партию призывников, еще висели листы обоев, по обратной стороне которых было что-то написано, и засохшие полевые цветы. На полу валялись раздавленные окурки, и сейчас тетка Катерина поспешно подметала пол, заставляя всех, кто уселся между сценой и передними рядами, поочередно встать. А здесь кучно сбилась мелюзга, все такие же, как пятилетний Федька, и свои, деревенские, и пришедшие из-за реки, хуторские и завьяловские. Тетка Катерина торопилась, чтобы успеть убрать до приезда артистов, которые уже вот-вот должны были появиться.

— А ну шасть!— покрикивала она и больно хлестала тех, кто зазевался. А как только она проводила веником, все тотчас бросались на место, где только что сидели. Ей помогали несколько девчонок, за это она обещала посадить их впереди.

— Вот только попробуйте не пустите, так я вам все уши обдеру!— грозила тетка Катерина мальчишкам, которые сидели на первом ряду и, конечно, вовсе не собирались его покидать. Тем более что такое событие, как приезд артистов, у них в деревне происходило впервые.

Клуб уже постепенно начал заполняться взрослыми, рассаживались по скамейкам вдоль стен, и среди пришедших Федька на мгновение увидел мать. В ватнике, закутанная в шерстяной платок, пропущенный под руки и завязанный узлом на спине, она, сдвинув на затылок этот самый платок, поправляя волосы. Улыбаясь, держа в губах шпильки, оглядывала зал, отыскивала Федьку. Но вот кто-то крикнул от дверей: «Приехали!» — по рядам прошелестело: «Идут!» — и тотчас вокруг Федьки завозились, заерзали все, кто-то толкнул, и ему на глаза сползла большущая отцовская шапка. Пока Федька поправлял шапку, сердито шпыняя соседей локтями, на сцену выбежала тетка Катерина, прибавила фитиль в керосиновой лампе, подвешенной над столом, да так крутанула, что в зале стало светло, и в зал вошли артисты. Но Федька не успел разглядеть их как следует, возился с шапкой.

Артисты ушли в комнату за сценой, лишь мелькнули их спины.

Первым выступал лектор. Он рассказывал о положении на фронтах. Федька не очень-то понимал то, что он говорил, только понял, что везде идут упорные, тяжелые бои за каждый метр, за каждый клочок земли. Наверное, где-то там сражался и его отец. Федька все ждал, что лектор про него что-нибудь скажет, оглядывался на мать, она, по-видимому, тоже ждала, сидела рядом с теткой Катериной, подавшись вперед, прищурясь и прикусив губу.

Потом выступала артистка, высокая, в длинном, до самого пола, черном бархатном платье. Она вышла мелким семенящим шагом, придерживая это платье над коленом, чтобы оно не тащилось по полу. И Федька удивился: зачем оно такое длинное? А потом смекнул, что у артистки, наверное, как у зареченского Петрухи, нет ног, стесняется, вот поэтому и спрятала. Вверху на платье был большущий вырез, такой большой, что было видно всю шею и напудренные плечи. Артистка пела, а лектор играл ей на большой гармони. Она пела про соловья. Руки у нее были сложены перед грудью, и когда она пела, то будто отталкивалась от чего-то и вытягивала шею, как ныряльщик, который пытается поскорее выскочить вверх. А горло у нее при этом, наверное, делалось узеньким, потому что звук становился каким-то тоненьким, длинненьким и вылетал, как в трубочку: «О-а-а!.. О-а-а! А-а!»

Затем она спела про валенки, и это Федьке больше понравилось. Ей долго хлопали. Но она больше петь не стала, озябла.

После нее выступал фокусник. Это был высокий, тощий старик. Волосы у него были совершенно белые, сахарные, а брови нагуталиненные. Он был в черном костюме. Полы у пиджака зачем-то обрезаны спереди, видна белая рубашка, а сзади длинные, болтаются, как хвосты.

Лектор заиграл на гармони, а старик, повернувшись боком к залу, стал двигаться взад-вперед, быстро, пружинисто пробегая на цыпочках, будто танцуя. При этом, приподняв руки так, чтобы всем было видно, он поддернул рукава пиджака и поочередно рукава рубашки. Показав всем свои белые длинные запястья, старик взял игральную карту, червонного туза, шевельнул рукой, и карта куда-то исчезла, ни с наружной, ни с внешней стороны руки ее не было. Старик потанцевал так немножко, подвигался, и вдруг туз оказался у него в другой руке. А затем как-то перебрался на место, в ту руку, где и был прежде.

Федька онемел от изумления. Он сидел, приоткрыв рот, не мигая, даже дышать перестал. А старик вынул из кармана платочек, поплескал им в воздухе, поворочал так и этак, скомкал в кулаке и вдруг начал вытаскивать из кулака связанные один с другим разноцветные легкие платки, небрежно, наотмашь швыряя их на стол, все быстрее и быстрее, накидал целую гору. И в зале не выдержали, захлопали. Восхищенный Федька, все еще не веря в увиденное, привстал на колени. Старик, улыбаясь, кланялся, прижимая руку к груди. При этом он смотрел в зал. И Федька встретился с ним глазами.

— Мальчик, дай мне, пожалуйста, шапку,— протянул к нему руку старик.

— Зачем?— удивился Федька.

— Я тебе сейчас верну. На одну минутку.

— Не,— недоверчиво покачал головой Федька.

— Да я же верну.

— Не, не дам,— повторил Федька, на всякий случай придержав шапку. Еще неизвестно, что этот старик с шапкой может сделать.

— Федька, дай!— закричали со всех сторон.— Не бойся, Федька!— В их селе народ был простой, доверчивый.— Дай, Федька!

— Свою надо иметь.

В зале все засмеялись.

— Дай, дай, Федя,— услышал он веселый голос матери.

Но он лишь покачал головой, решив ни за что шапку не давать: «У кого лишняя, тот пусть и даст».

Но тут кто-то сзади сдернул с Федьки шапку и бросил ее на сцену.

— Отдай!— вскочив, кинулся Федька следом, чуть не заревев.— Отдай!

— Я сейчас. Одну секунду.— Старик поднял шапку у Федьки над головой так, чтобы ему было не достать.— Фокус-покус!.. Вот смотри, что там, в шапке?— Он перевернул ее несколько раз, показывая и Федьке и зрителям, чтобы все удостоверились, что в ней ничего нет.

— Ничего,— пожал плечами Федька.

— Не видишь?

— Не.

— Ну как же ничего!.. А вот.— Старик легонько тряхнул шапку, наклонил ее над столом, и из нее выпало три розовых мячика.— Эх ты, даже не знал, что у тебя такая замечательная шапка!— сказал с укором старик и ловко напялил растерявшемуся Федьке шапку на голову, да так, что она закрыла ему глаза, а сам проворно отбежал в сторону. С Федькой многие так шутили.

Двумя руками недовольный Федька стащил шапку с головы, а на голове пряник.

— Во, еще остался,— конфузливо сказал Федька, протягивая старику пряник.

— Как?— удивился старик.— Пряник?.. Откуда он?.. Ай да шапка! Ну, а пряник возьми себе.

Смущенный Федька с пряником спустился в зал. И тут же к нему бросились все мальчишки.

— Федька, покажи!

— Настоящий?!. Ух ты!.. Дай попробовать.

— Не-е!..— Обеими руками прижимая пряник к груди, Федька пробрался к матери. Тем более что выступление было окончено.

— Ну-ка, покажи-ка, покажи,— издали улыбалась ему мать.— О, городской! Да какой хороший!

Таких пряников никогда еще Федька и не видывал. Темный, будто ледяшечкой, покрытый твердой сахарной корочкой. От него пахло чем-то особенным, незнакомым и вкусным.

— Ну-ка, дай мне попробовать,— попросила тетка Катерина.

— Не, не дам!

— Ах ты, прыщик!— рассердилась Катерина.— Вот возьму да и отниму!

— Нехорошо так,— сделала замечание Федьке мать.— Давай дадим. И ребятам дадим, все хотят попробовать.— Она разломила пряник и раздала всем по крошечке.

Мальчишки и девчонки шмыгали носами, молча подставляли руку. Получив крошку, отходили прочь, опасаясь ее потерять, сразу начинали есть, нюхали, переглядывались между собой.

— Из чего это сделано?.. Мягкий какой!

— Па-а-ахнет!.. Снегурочкой.

Вкусный был этот пряник. Удивительный.

Потом все ребята теребили Федькину шапку и нюхали. И голову у Федьки нюхали.

Восторженный Федька возвращался домой вместе с матерью, держался за ее руку и всю дорогу говорил без умолку только про фокусника, все еще не опомнившись, ошалело-восторженный, удивленный.

— Ведь он не обманывал, да?— выспрашивал Федька у матери.— Сколько платков накидал!.. Настоящие! Целый стог... Ма, как это он сделал?

— Да не знаю.

— И пряник был настоящий. Знаешь, какой вкусный?! Значит, не обманул!

— Это твоя шапка такая,— пошутила мать.

— Ну да-а,— усомнился Федька.— Что, и ты можешь так сделать?

— Да не знаю, может, и могу, надо попробовать.

Федька и дома еще понюхал шапку. Потерся головой о подушку и тоже понюхал. Засыпая, он думал: поскорее бы кончилась война, пришел отец домой, чтоб и он успел понюхать, как шапка пахнет, пока не выветрилась.

Когда Федька проснулся, мать топила печь, готовилась уходить на работу. На улице было еще совсем темно. Розовый отсвет от топящейся печи метался по стенам избы. В зеркале было видно отражение матери. Она там казалась маленькой.

Федьке надо было сбегать в сени, он поднял лежащую рядом на лавке шапку, да так и замер. Под шапкой-то пышка. Да еще горячая, даже пар идет!

— Ма, гляди-ка! — вскочив, закричал Федька.— Гляди, что тут! Дядька забыл! Покус!

— Нет, не дядька. А это я такой покус сделала,— сказала мать.— Попробуй-ка. Только умойся сначала.

Федька попробовал: ух, как вкусно!

— А тебя кто выучил делать? — удивившись, спросил Федька.

— Моя мама. А твоя бабушка.

— А она тоже умела делать?

— Да каждый человек умеет, если он добрый.

И в последующие дни часто так стало случаться: проснется Федька — мать уже на работе, он дома один,— приподнимет шапку, а под ней — «покус».

Когда долго «покуса» не бывало, Федька просил:

— Мам, покажи завтра фокус. Ладно?

— Да из чего же я тебе покажу? — озадаченно спрашивала мать. Печально глядя на него, качала головой.— Вот подожди, война кончится, прогонят всех фашистов, отец вернется домой, вот тогда и буду показывать. Каждый день. Нам с тобой хотя бы до травы дотянуть.

— А без травы не получится?

— Нет.

И Федька ждал.

Но случилось так, что однажды, когда Федька играл в избе один, а мать была на лесоповале, прибежала к нему перепуганная, всполошенная тетка Катерина.

— Федька, Федя! — еще с улицы вопила она.— Ох, тошно мне!.. Федор! Беги скорее, хоть попрощайся с мамушкой. Попрощайся с родненькой!.. Ох, лихо мне! — Она схватила его за руку и почти поволокла по улице, он не успевал так быстро бежать за ней.

Мать он увидел возле клуба. Там стояла подвода. Мать лежала на дровнях лицом вверх. Вокруг толпились бабы и ребятишки. Все расступились, пропустив его вперед.

Лицо у матери было бледным. Губы поблекли, а нос заострился и вытянулся. Федька долго издали смотрел на нее, чего-то испугавшись, а когда позвал: «Мама»,— она как будто неохотно, со сна, открыла глаза, мутными плавающими зрачками поискала и не сразу нашла Федьку, долго грустно всматривалась в него, затем закрыла глаза и шевельнула губами:

— Иди... Побудь у Катерины... Пока я вернусь...

— Да поцелуй, поцелуй маму-то! — вскрикнула Катерина, толкнув Федьку к матери.— Поцелуй скорей! — Она пихала, а Федька сопротивлялся, сам не зная почему, упорно пятился.

— Хватит вам тут! — закричал возница, дед Парамоныч.— Некогда ждать! — Он хлестнул лошадь.— Но-о, пошла, но-о!

Федька и тетки-Катеринин Миронка прицепились за дровни, чтоб прокатиться. Парамоныч кнутовищем стеганул Миронку по спине: «Куда ты, леший!» — а Федьку не тронул. И Федька еще долго ехал.

В Катерининой ораве Федька оказался пятым. Он сразу ощутил, что находится не дома. Катерина была криклива, суетна. Вернувшись с работы, сразу же начинала орать на детишек, раздавая подзатыльники направо и налево.

— Вы всю кровь из меня выпили! — любила кричать она. И, глядя на нее, Федька иногда думал, что, может быть, и впрямь кто-нибудь из нее высосал кровь, как большущий комар, такой она была тощей, остались кости да кожа. Даже волосы у нее сделались тонкими, тоньше, чем у остальных людей. Скулы возле шеи выделялись, острые, как поджабренные щитки у щуки.

У тетки Катерины было не так, как у них дома,— каждому на день выдавались по счету картофелины. Катерина кидала их из чугун-

ка, а те, чья подошла очередь, горячими ловили на лету. И на печи нельзя было погреться, там сушился мох, Катерина толкла его в ступе. Иногда он попадался в хлебе неразмокшими клочками.

Правда, веселее здесь было Федьке, ребят много. По вечерам к Катерине заходил Парамоныч, сидел возле открытой дверцы топящейся печурки, курил. Дым от защемленной в пальцах самокрутки зеленой ниткой тянулся в печь, словно эту нитку тащили и тащили туда, как пряжу. И бороденка у старика острым клином тоже была нацелена в печь.

Катерина с Парамонычем говорили о войне. Она шла где-то теперь на Украине. Иногда Парамоныч вслух читал газеты.

— Не пойму, на чем Россея держится,— говорил Парамоныч.— В революцию столько супостатов на нее шло. И теперь столько дивизий. И государств столько. А она стоит! — При этом он смотрел на тетку Катерину и добавлял: — Вот ты чем жива?

— Кто, я? — искренне удивлялась Катерина.— Да леший меня убьет!

— А-а!.. Вот когда мне объяснишь, вот тогда я и пойму, в чем тут весь фокус.

Не докурив, он клал «чинарик» за ухо, как на полочку, и нес его домой. Катерина металась по избе и орала на многочисленную ребятню:

— Прорва!.. Прорвы на вас нет! Вот метут! Хоть бы который подавился! Не успеваешь в

чашку подкладывать. Скоро все углы в избе обгложут.

Она шарила по чуланам, отыскивала носки и рукавицы, их собирали для фронта.

Но вскоре Федька заболел. Напился воды из проруби, и к нему привязалась «свинья». Несколько дней он лежал в бреду. И сквозь этот бред, сквозь сон слышал, как плакала над ним тетка Катерина, кашлял Парамоныч, слышал многие женские голоса, говорили все разом:

— Чего ж теперь делать-то? Если бы он вставал хоть маленько. Ох, горе горькое!.. Забрала бы она его с собой, может, и лучше было бы. А что как батька с фронта не вернется, куда же он, сиротинушка?.. И не закроет мамонька глазоньки.

А когда Федька очухался немножко и пошел на поправку, спал жар, Миронка сказал ему, что у него умерла мать.

Федька как-то не воспринял это. Будто сказали о ком-то чужом, незнакомом.

— У, змей!— отступила Катерина Миронку.— Велено — молчи, так молчал бы! Не утерпеть ему!— драла Миронку за космы, и Миронка отчаянно орал.

Не верил Федька и не хотел верить, что у него теперь нет больше матери. Он так и видел ее, розовощекую, с поднятыми вверх локтями, с заколками в губах, какой видел ее тогда, в клубе.

«Ничего,— думал Федька.— Никуда она не денется, придет. Ведь она сама же сказала: «Поживи у Катерины, пока я приду». Придет...»

Теперь по вечерам дед Парамоныч и Катерина разговаривали тихо, шепотом, дед наставлял Катерину:

— Ты не тяни. Чего ждать, неси в сельсовет заявление. Пусть заберут в детдом.

— Жалко,— пальцем утирала глаза Катерина.

— Чего ж жалеть? А ну как отец не вернется? Да и своих у тебя четверо. Хватит тебя на всех?.. Нет?

— Не-е,— качала головой Катерина.

— Вот то-то...

Дед уходил. Катерина начинала суетиться возле Федьки, предлагала ему то одно, то другое — при Парамоныче стеснялась это делать,— забывала о своей ребятне. Но Федьке не хотелось ни пить, ни есть. Ничего не хотелось ему, кроме одного — пряника.

И однажды, не вытерпев, Федька спросил:

— Тетка Катерина, а ты умеешь делать фокусы?

— Какие фокусы?— удивилась Катерина.

И Федька обо всем рассказал. Катерина, вроде бы от изумления приоткрыв рот, долго смотрела на Федьку. Так ничего и не ответив, она повернулась и убежала куда-то.

А на другое утро Федька приподнял шапку, которая почему-то лежала возле него на кровати, глянул, а под шапкой — пышка. Тепленькая.

— Тетка Катерина! Тетка Катерина!— закричал Федька.— Давай скорей одеваться буду! Мамка дома! Мамка пришла!

— Чего ты?

— Мамка приходила. Смотри, во, пышка-то лежит.

— Ну, ешь, попробуй. Может, понравится. Ешь,— шептала побледневшая Катерина. Руки у нее дрожали.— А вы марш отсюда!— цыкнула она на своих окруживших Федьку ребят.— Кому сказано, марш!

— Да, и я пышку хочу,— заплакал Миронка.

— Ты здоровый, вон, хлеб жрать — за двоих уплетаешь.

— Да, съешь его! Натрусила туда мху, все горло ободрало. Сама ешь!

Но Катерина не обращала на него внимания. Она еще утром сбегала в сельсовет и забрала отданное туда накануне заявление.

А Миронка все скулил да скулил:

— И я такой покус хочу!

— Хрен тебе, а не покус,— отвечала обозленная Катерина. И Миронка не выдержал.

— Скорее бы и ты умерла, чтоб и мне кто-нибудь такой же покус дал.

— Ах, дурак ты, дурак! — Что-то случилось с Катериной, она улыбалась, может бы, плакать ей было нужно, а она гладила Миронку по спине и улыбалась.— Дурачишка ты мой ушастый.

ВОСКРЕСНЫЕ МОЗОЛИ

Опыт наших друзей

Герман УСТИНОВ

В детях — бессмертие народа. Ничего не зная об этой истине, каждые сто секунд на свет появляется новый гражданин Чехословакии, веселое, орущее существо. Франтишек или Ева, Яна или Йозеф. Для родителей это всегда праздник, но не только для них. Новорожденным радуется, их с нетерпением ждет вся республика.

Термин «демографический взрыв» трудно отнести к европейскому континенту. Однако в ЧССР в семидесятых годах произошло нечто близкое этому. Если в четвертой пятилетке (1965—1970 годы) рождалось ежегодно в среднем 220 тысяч детей, то в пятой — 270 тысяч и чуть меньше в шестой. Минувшей осенью в Праге необычайно много первоклассников, прочел я как-то в газетах. Это дети, родившиеся в «рекордных» 1974 и 1975 годах...

Высокая рождаемость — прямой результат продуманной и последовательной демографической политики КПЧ и правительства. Она включает в себя широкую пропаганду семьи, материнства, ускоренное строительство жилья, медицинских и спортивных сооружений, особую заботу о товарах для маленьких граждан республики.

В любом городе или селе, в любом национальном комитете вам скажут, что самое главное — это строительство детских учреждений. Государство отпускает на эти цели достаточно средств, стройматериалов. А вот рабочих рук не хватает. И тогда местным органам власти приходится искать помощников. Где? Ответом на этот вопрос может послужить история, случившаяся неподалеку от Праги.

Млада-Болеслав — город машиностроителей. Здесь делают легковые автомобили «Шкода», широко известные в социалистических странах. Немало крупных промышленных предприятий и в Млада-Болеславском районе, причем предприятий развивающихся, быстро набирающих силу. В начале 70-х годов здесь стал ощущаться недостаток рабочих рук. Причина простая. Автозавод в ходе реконструкции расширился. В новые цехи пришло много молодежи. Резко возросло количество молодых семей, увеличилась рождаемость. А поскольку детских учреждений было мало, многие мамы (с дипломами вузов, техникумов, школ производственно-технического обучения) на несколько лет застревали после рождения ребенка дома.

Районный Национальный комитет включил в план шестой пятилетки строительство тридцати дошкольных учреждений. Только так можно было решить этот острый вопрос.

За помощью депутаты обратились к самим избирателям: «Участки для строительства детских учреждений выделены. Средства и строительные материалы тоже. За техникой дело не станет. Нужны добровольцы, знающие строительное ремесло». Призыв был услышан. На предприятиях, в микрорайонах появились бригады самодеятельных каменщиков, штукатуров, маляров. По субботам и воскресеньям, в вечерние часы будней сотни, тысячи людей приходили на эти самые популярные строительные площадки и под руководством профессиональных мастеров ставили детские сады, один краше другого. Причем первоначальные тридцать превратились в сорок. Сейчас в большинстве из них звучат уже ребячьи голоса. Остальные детские учреждения войдут в строй в ближайшие месяцы. Млада-Болеславский район сможет снять эту действительно непростую проблему с повестки дня.

На встречах с избирателями во время последней выборной кампании в июне 1981 года депутаты — руководители Национального комитета с гордостью рапортовали жителям района: «Все новые детские учреждения выстроены у нас в рамках акции «Зет».

Справедливо говорят: жизненность обычаев проверяется веками. Со временем что-то уходит, что-то остается, прочно закрепляясь в национальном характере... Но случается и такое, когда новый обычай, новая традиция сразу рождаются со счастливой судьбой. Именно так стало в ЧССР с молодой, но уже знаменитой и чрезвычайно плодотворной акцией «Зет».

Ее идею выдвинул в 1948 году первый рабочий президент республики Клемент Готвальд. «Зет»— это сокращенное обозначение слова «звелебовани», что в переводе на русский язык обозначает «улучшение», «украшение», «совершенствование». А конкретное содержание акции — общественные стройки, ведущиеся руками добровольцев в свободное время. Стройки особого рода.

Естественно, республика имеет масштабную, так сказать, «официальную» строительную программу. Сооружения первой необходимости включаются в государственный план и полностью финансируются из центральных и местных источников. Их воздвигают профессиональные строители — атомную станцию и пражское метро на субботниках не поставишь. А вот многое, на что у государства не хватает пока сил и средств, но что хотели бы иметь

жители городов и сел, строится с помощью акции «Зет», в которой участвуют все, кто хочет.

Трудно подсчитать, сколько разных объектов появилось таким образом в ЧССР за годы социализма. Дома культуры и стадионы, танцевальные залы и плавательные бассейны, детские игровые площадки, дороги, коммунальные сети... До войны в Чехословакии было два крытых хоккейных стадиона, а сегодня 150. Почти все они родились в рамках акции «Зет». Республика «болеет» за свой хоккей не только во время матчей.

Есть в ЧССР крупный промышленный центр Хомутов. Тут и металлургия, и тяжелое машиностроение, и энергетика. Заводских труб над городом не счесть, а вот зелени в окрестностях было маловато. В 1964 году директор здешней конторы кинопроката Вальтер Маркел предложил создать на подступах к Хомутову большой лесопарк. Национальный комитет поддержал эту идею. Уже семнадцать лет тысячи энтузиастов по субботам и воскресеньям, в часы досуга среди недели ведут эту стройку. Успехи, достигнутые ими, поистине поразительны.

Более чем на ста гектарах расположилась уже взрослая каштановая роща. Зеркально чиста гладь искусственных прудов. Тенистые тропинки. Ухоженные зеленые поляны. Все это содержится с такой заботой, что лесопарк давно облюбовали не только люди, но и их меньшие братья. На берегах прудов и специальных островках гнездится много птицы. В дружном соседстве с ними живут бобры. 47 гектаров лесопарка выделено под сафари. Здесь в природных условиях можно увидеть белок, зайцев, фазанов, оленей, серн, а в единственном огороженном загоне — даже рысей. Один из объектов лесопарка — конноспортивный клуб. Он имеет двадцать лошадей, подаренных местными сельскохозяйственными кооперативами... Такого лесопарка нет больше ни у одного города республики, но В. Маркел и его товарищи отнюдь не считают дело завершенным.

...Чем может прославиться небольшая чешская деревушка, чье население свободно уместилось бы в современном городском доме? А вот поди ж ты: в 1980 году имя Соленице прозвенело по всей республике. Маленькое селение, где живет всего 530 человек, получило по итогам соревнования от правительства диплом первой степени. Так высоко была оценена забота депутатов и активистов местного Национального комитета о туристах.

Соленице расположено на берегу живописного Орлицкого водохранилища. Во время сезона здесь постоянно проводят дни отдыха пять-шесть тысяч человек, в основном металлурги и шахтеры из Кладно. За последние годы в рамках акции «Зет» в Соленице построено для гостей несколько благоустроенных кемпингов, автостоянок, летних магазинчиков и буфетов, лодочных станций, футбольное поле, детские спортплощадки. К своим заботам депутаты приобщили коллективы Кладненского металлургического комбината и Кладненского угольного бассейна, которые охотно пошли навстречу.

Казалось бы, зачем маленькому поселку такие большие хлопоты? Ведь отчисления в бюджет Национального комитета от сезонной торговли, от проката палаток и других туристских принадлежностей не столь уж и велики. Но принцип «забота о человеке — превыше всего» здешние депутаты понимают широко и полно, не отгораживаются от своих гостей, а, напротив, оказывают им большое внимание и помощь. Отдыхающие отвечают хозяевам тем же. Если раньше на соленицких пляжах и лесных полянах скапливались после летних отпусков горы мусора, чернели следы костров, то сейчас здесь царят чистота и порядок. Более того, отдыхающие с удовольствием принимают участие в субботниках и азартно орудуют в своих палаточных городках молотком и малярной кистью...

Подобных историй можно было бы рассказать немало. Стройки со знаком «Зет» весьма популярны в стране. Вот несколько цифр. За три последних года только в Чешской Социалистической Республике выросли сооруженные энтузиастами объекты стоимостью 11,5 миллиарда крон. Трудящиеся бескорыстно отработали на них 88 миллионов часов.

63 процента новых детских садов и яслей было сдано в эксплуатацию добровольцами акции «Зет». Не будь этой народной инициативы, не поддерживай ее правительство, местные органы власти, в деревнях, селах и городах Чехословакии не было бы сегодня многого из того, что обогащает и украшает жизнь человека.

У акции «Зет» есть свои герои, свои победители. Среди них вот уже несколько пятилеток подряд постоянно оказывается город Писек.

Сюда, на юг Чехии, я и поехал однажды, чтобы детально разобраться в технологии, организаторских приемах акции «Зет». Немного о самом городе. Свое имя он получил в XIII столетии от золотоискателей, промывавших на берегах здешней реки Отавы драгоценный песок (по-чешски — писек). У сегодняшних жителей городка (всего их 28,5 тысячи) совсем другие занятия. В Писеке расположено одно из крупнейших текстильных предприятий республики — «Итекс». Есть тут еще и два небольших завода. Один поставляет всей Европе различные украшения к охотничьему оружию. На другом шьются фески для Турции.

Как рассказал мне секретарь городского Национального комитета Франтишек Прохазка, в семидесятые годы горожане выстроили по планам акции «Зет» большой спортивный зал, крытый каток с искусственным льдом, летний кинотеатр, луна-парк, несколько теннисных кортов, два общежития, учебную площадку для автошколы, четыре детских сада. Между прочим, Писек — единственный город в республике, имеющий свободные места в детских учреждениях. На шестую пятилетку было запланировано отработать на стройках акции «Зет» 500 тысяч человеко-часов. Но горожане отдали этим стройкам вдвое больше времени. Стоимость объектов, созданных на субботниках и воскресниках, составила 55 миллионов крон.

Дело поставлено так. Общее руководство добровольными строителями берет на себя Национальный комитет. Он же выделяет строительные материалы и средства. Разумеется, его возможности не так уж велики, и к реализации программы «Зет» он привлекает городские предприятия и учреждения. Ежегодно он заключает с ними примерно 130 договоров, где точно сказано, кто и на каком объекте будет помогать городу. Эти же предприятия выделяют необходимую технику: грузовики, бульдозеры, краны. Естественно, в выходные дни и по вечерам.

Для горожан, участвующих в стройках, создаются курсы, где можно приобрести любую строительную специальность — каменщика, плотника, маляра, штукатура, электрика, сантехника, слесаря. Это вдвойне важно. Во-первых, каждый энтузиаст акции «Зет» предоставляет городу не просто рабочие руки, а руки специалиста. Во-вторых, приобретенные навыки пригодятся ему в домашнем хозяйстве.

Я осмотрел все объекты, созданные добровольными строителями. Расскажу хотя бы об одном. Это городской спортивный зал. Высоченный корпус, обилие света и воздуха, добротная отделка. Уютные раздевалки, душевые, массажные, финская сауна. Есть даже комната для журналистов — в зале нередко проводятся международные соревнования, куда съезжается много гостей.

Так вот, этот спортивный зал обошелся городу в 2,2 миллиона крон. Истинная его цена — пять миллионов. Большое дело — акция «Зет»...

— А что Писек строит, так сказать, на государственных началах? — спросил я у Франтишека.

— Прежде всего жилье. Планом минувшей пятилетки было предусмотрено поставить 1366 новых квартир. Строители сдали 1491. Кроме того, мы расширили и обновили коммунальные сети, построили новый больничный корпус, несколько магазинов и столовых, реставрировали городской театр. Между прочим, и на этих объектах было организовано немало субботников и воскресников.

Я специально поинтересовался, как Национальный комитет отмечает труд добровольных строителей. Существуют ли для них какие-нибудь стимулы, льготы, например, бесплатный пропуск на стадион, строительству которого человек отдал немало своего свободного времени? А может быть, этот энтузиазм, это неравнодушие к городским делам учитывается при распределении жилья?

Франтишек Прохазка только улыбнулся.

— Ну что вы! Единственная награда, которую мы даем участникам акции «Зет», — это специальный значок. Тем, кто отработал за год семьдесят часов — бронзовый, сто — серебряный, сто пятьдесят — золотой. Но разве тот же новый кинотеатр или детский сад — плохая награда людям за их бескорыстный труд? Ведь не будь наших добровольных помощников, Писек был бы совсем другим, скучным и серым.

...В противоположной стороне от Писека, на севере Чехии, есть город Яблонец. Здесь я услышал историю, которой бы и хотел закончить свой рассказ об акции «Зет». Поведал мне ее местный житель, шофер по профессии, Ян Чермак.

У человека был прекрасный план: набрать к обеду лукошко грибов. Поднимаясь по холмистой тропинке в заветный лесок, человек наткнулся на своего знаменитого соседа, многократного чемпиона Чехословакии по санному спорту Хорста Урбана. Тот копал узкую канавку непонятного назначения.

— Что делаешь, Урбан?

— Хочу построить в наших местах лучшую санную дорогу в республике. Здесь, где мы стоим, будет стартовая площадка.

Нашему знакомому покрутить бы пальцем около виска. А он вернулся домой, бросил лукошко и влез в свой шоферский комбинезон. По дороге окликнул приятеля, каменщика, который наслаждался первой воскресной сигаретой на скамейке перед домом. Так их стало трое. А к обеду на строительстве будущей санной дороги работало уже двенадцать человек.

Странная это была стройка. От понедельника до пятницы на ней царил покой. В субботу закипали дела. Хорст Урбан деловито отмечал в блокнотике, кто пришел, кто нет. Эту бухгалтерию он завел, когда число добровольных строителей перевалило за сотню. В то время они уже имели проект, одобренный местными и центральными властями, свой счет в банке, своих поставщиков материалов и техники. И сам объект уже включался в годовой план Яблонецкого района. Не было только одного — заработка у строителей.

«Мы все сделаем сами,— говорил в начале строительства своим друзьям Урбан.— Мы все сделали сами»,— говорил он через три года гостям, собравшимся на открытие лучшей в ЧССР санной дороги.

Председатель Яблонецкого Национального комитета разрезал ленточку, и бывалый спортсмен, нынешний тренер яблонецких саночников Хорст Урбан направил свои санки вниз, по ледяной колее. Специалисты, съехавшиеся на праздник, утверждали, что новая дорожка многими своими качествами превосходит знаменитую олимпийскую в Инсбруке. А журналисты подсчитывали количество воскресных мозолей на ладонях строителей. Оказывается, каждый помощник Урбана отработал на стройке в общей сложности более месяца.

..Воскресные стройки вошли в жизнь чехов и словаков вместе с социализмом. Они стали замечательным дополнением к плановому строительству, которое включает в себя наиболее важные объекты: заводы и фабрики, жилые дома, школы и больницы, отели и универмаги. Но план не может учесть все пожелания жителей сел и городов. Многое по вполне объективным причинам приходится откладывать на будущие годы, будущие пятилетки.

И тогда люди предлагают свою помощь, свои руки, свои субботы, воскресенья и отпуска. Национальный комитет рассматривает все поступившие заявки, раздумывает, взвешивает, сравнивает, ищет оптимальные решения. Целесообразно? Реально? Не каприз? В итоге наряду с государственным планом рождается пятилетний план добровольного строительства. Он есть в каждом Национальном комитете страны. Этот план рассчитан на излишки стройматериалов, на старые кирпичи и балки, оставшиеся от снесенных домов, на свободную в дни отдыха технику, на экономию средств в местном бюджете. А главное, на энтузиастов, которые любят свой город, свое село и могут свернуть горы.

Назым ХИКМЕТ

Я СОВЕРШИЛ

Исполняется 80 лет со дня рождения замечательного турецкого поэта Назыма Хикмета.

Это имя хорошо известно нашему читателю. Известны его стихи и поэмы, его пьесы и статьи, его общественная деятельность как борца за мир. Можно без преувеличения сказать, что у нас было напечатано почти все написанное Хикметом.

Семнадцать лет с небольшими перерывами провел поэт в тюрьмах Бурсы, Стамбула и других городов Турции. За эти годы им была создана основная часть его произведений. Он писал стихи, поэмы, пьесы и передавал их на волю, при этом многое терялось. Так, например, были утеряны большие куски из его замечательной эпопеи «Человеческая панорама» (издана на русском языке в моем переводе в «Издательстве иностранной литературы», Москва, 1962 г.).

В последние годы турецкие литературоведы начали усиленные поиски назымовского литературного наследства. Были найдены пятая книга эпопеи, недостающие главы из других книг, а также отдельные стихи.

Вот эти-то неизвестные ранее стихи Назыма Хикмета и вошли в предлагаемый вниманию читателей цикл.

Муза ПАВЛОВА

●

Пока не заблестят вершины на рассвете,
пока заря не разрумянит воды,
вытаскивайте, братья, сети.

Пускай столкнутся грудью с темнотой,
пускай наполнятся до края наши лодки
кишащей рыбою с горящей чешуей...

Пока не заблестят вершины на рассвете,
вытаскивайте, братья, сети.

ИДТИ

Идти,
всех неидущих
бросив позади,
как улицы пустынные,
всем телом воздух разрывая,
подобно дулу маузера,
глядя
в зрачки пустые темноты,
идти.

Идти,
плечом плеча друзей касаясь,
подставив ветру голову,
в кулак взволнованное сердце зажимая,
идти.
Идти
и знать,
засада впереди,
и сзади некому тебя спасти,
идти.

Идти,
от всей души
смеясь в пути,
идти...

●

Запах герани в горшке.
Шум прибоя вдали.
Набрякли земля и тучи.
Осень.
Любимая,
мы в расцвете сил,
мне кажется, мы такие могучие,
мне кажется,
мы прожили тысячу лет,
но так и не стали оба
взрослыми,—
мы как дети,
что босиком,
чуть свет,
бегут
между солнечными колосьями...

●

Смотрю в твои глаза,
и запахи земли нагретой
мне ударяют в голову,
я падаю
в созревшую пшеницу...
Твои глаза
зеленые, как бездна,
как вечно изменяющаяся материя,
они мне каждый день приносят
крупицу тайны...
Но никогда
ее мне не откроют до конца.

●

Загораются звезды.
Я вас люблю.
Тьма ночная все гуще.
Я вас люблю.
Два наших сердца,
как два человека,
отдельно живущих...
Я вас люблю.
Как похожи они на вас,
на нас,
лучше нас,
ребячливее,
храбрее,
мы, должно быть, умнее наших сердец,
расчетливее,
грешнее.
Сомневаемся мы,
и верим мы,
радость, страхи — для нас,
тоска для нас.
Мы — те, кто смеется и не унывает.
Но не будем чернить наши сердца —
ничего они,
кроме любви,
не знают.
Будь светом моим,
султаном моим...
Я вас люблю,
Пирайе-ханым.

●

Со звездами пришли воспоминанья,
и сердце ослепил их дальний свет...
Есть у тебя любовь, Назым Хикмет,
и это: звуки, запахи и цвет.

ВЕСНА

Спустившийся с гор,
расстелившийся всюду туман,
уже не зимний туман,—
посмотри,
в этом тумане, мягком, как детские руки,
на кустах роз
отсырели обвязки подвоев.
Вот-вот на подрезанных деревьях
затянутся раны,
на их голых ветвях
что-то среднее
между пробужденьем и сном.
Но еще
ни ростка,
ни листка.
Не наступило еще
февральское потепление.
Дождь
всю ночь
лил как из ведра,
словно пел победную песню.
И теперь еще сеет,
добродушно и храбро,
улыбаясь по-братски.
Но, возможно, погода испортится снова,
может, даже кончится снегопадом.
И все же
весна уже больше, чем обещанье,
она где-то близко,
где-то рядом...—

ОПРАВДАНИЕ

До чего же короткий путь
прошли мы
по этой земле
среди звезд!
Мы учились
беречь огонь костра,
мы зубров одолевали
с помощью каменного топора,
лоб у нас становился шире, светлей,
при виде прекрасного
мы волновались до слез...
Все это было еще вчера.
Среди нашей родни,
хоть и были такие, кого меньше чем нас,
например, слоны,—
наиболее молоды, очевидно, мы.
Этим все объясняется.
Вы нас старше, ваш опыт уже позади,
не укоряйте нас, соседи,
горы, камни,
птицы, медведи,
просто мы ошалели от ярости,
мы ужасно несчастны,
но надежды храним в груди.

ДРУЖБА

Ты от нас получаешь известья до того, как мы
шлем их,
к нам на крыльях летишь под дождем и под
снегопадом,
ты одна знаешь тайну наших ладоней
и умеешь разговаривать взглядом.
Улыбаясь, как честная книга, с наших
лиц ты стираешь
пот, струящийся градом...
Тот уходит, этот уходит, и вот этот
тоже уходит,
но ты, дружба, останешься,
ты всегда с нами рядом.

ЛИЦА НАШИХ ЛЮБИМЫХ

Наша боль —
на лицах наших любимых,
наша боль, наш стыд,
наша кровь,
кровь, которой землю багрим мы,
чистые лбы наших любимых
как соха деревянная
бороздит...
Наша радость — на лицах наших любимых,
нашей радостью
милые наши увенчаны,
и зданье,
которое хотим возвести мы,
отражается
в темных зрачках наших женщин,
яркое и блестящее,
как луч солнца,
проникший в чащу...
Наши мечты —
на лицах любимых,
след наших желаний,
нашей тоски,

ПУТЕШЕСТВИЕ

они перед нами
незримые,
зримые.
близки к нашей правде
и так далеки!

•

Попадись я себе еще раз —
не скажу: испей я воды живой —
если б двери открылись еще раз,
войди еще раз я в этот дом,
я бы снова жил, весь в крови,
я бы снова жил, ошалев от любви,
попадись я себе еще раз!

•

Наконец-то
я приехал в твой город, Самед.
Опоздал.
Не увиделись.
Опоздал на одну смерть.

Голос твой
в магнитофоне
услышать не захотел.
Не разглядывал твой портрет —
на фотографии мертвых,
пока не стали они
окончательно мертвыми,
не могу смотреть.

Но настанет день,
и я отделю
тебя от тебя,
и ты перейдешь
в мир уважаемых воспоминаний...
Тогда
смогу и цветы положить
на могилу твою
без слез на глазах.

А потом
настанет день,
и со мною случится
то же самое,
что случилось с тобой, Самед.

ТАРУССКАЯ ДОРОГА

К. Г. Паустовскому

Взяв меня от меня, уносит туда,
по ту сторону, в май,
дорога тарусская...
За ее березами то, что я искал и нашел,
и то, чего я не смог найти.
С холмов, спускающихся к Оке,
глядит на меня Марина Цветаева.
Облака плывут по воде,
за ветки цепляются.
Что мне делать, чтобы счастье мое не уплыло
вместе с этими облаками?
Видел дом Паустовского, дом хорошего
человека,—
домá хороших людей
напоминают мне май,
все месяцы маи, в том числе
и май Стамбула...
Мастера не было дома.
Он в Москве, он лежит, у него боли в сердце.
Почему у хороших людей боли в сердце так
часты?

Дорога тарусская
на наших любимых женщин
очень похожа...
Мы вернемся к асфальту,
и следы наших ног останутся
на траве.
Дорога тарусская —
это рукопись Паустовского.
Не знаю, посчастливится ль мне
пройти еще раз по тарусской
дороге
в каком-нибудь мае...

•

Это был пожар тысяч солнц,
разбитых в одно мгновение,
пожар тысяч звезд,
чей грохот стал пылью.

Земля разверзлась в самой середине,
чудовище взлетело к небу,
чудовище было в форме гриба,
было больше неба...
Мы пролили кровь, наша кровь проливается,
мы разрушаемся, потому что мы разрушали.
Разве адскую эту игру
мы начали первыми?
Может быть, они ее начали?
Может быть, не они и не мы...
Но тогда кто же начал?

Я приехал в один незнакомый город,
чтобы побродить по его улицам,
чтобы обменяться с людьми словами
привета.
Ни улиц не осталось, чтоб побродить,
ни людей, чтоб обменяться словами привета.

ПЕСНИ КУБЫ

Они внутри света,
все в лучах —
одна женщина,
двое мужчин,
это —
белый,
негр
и мулат,
но мы их не различим.
Посмотри,
как глаза их похожи,
блестящие их глаза,
такие,
как цвет их кожи,
их различить нельзя.
Под этим ярким солнцем,
которое топит и месит,
смешались
кровь их и кожа,
как эти танцы
и песни!
Их можно всюду встретить,
в любом неожиданном месте,
утром,
вечером,
ночью,
поодиночке
и вместе,
это —
шумные парни,
прыгающие в грузовик,
это —
негр огромного роста,
кудрявый седой старик,
он стоит,
прислонившись к забору,
у банковских ворот,
а у ног его,
как собака,
дремлет его пулемет.
Иногда это —
девушка восемнадцати лет,
в которую ты влюблен,
не снимая с пояса пистолет,
читает стихи
в микрофон.
Иногда это —
парень с сумкой в руках,
смотри —
он подходит к заводу,
к стене приклеивает лист:
«ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ».
Они не теряют никогда
свои песни,
их песни везде —
они в этой земле,
в этих камнях,
в этой яркой листве.
Это —
мякоть плодов нежнейших,
это —
горечь их сердцевин,
это —
гибкие бедра женщин,
это —
теплые руки мужчин.
Их песни —
их пулеметы,
и они
не расстанутся с ними,
они добыли
свободу,
и никто ее
не отнимет!
Они умеют петь и плясать
поодиночке
и вместе,
и умирать умеют
за то,
чтоб на родной
кубинской земле
вечно жили
их песни!

Я СОВЕРШИЛ ПУТЕШЕСТВИЕ

Далеко, далеко в ночное небо
огни аэродромов ударили светом,
словно зажгли там
белый пожар.
Поезда,
которые я пропустил,
сверкнув, исчезли во мраке,
что-то умчав от меня...

Я совершил путешествие.

Я совершил путешествие...
Глаза у людей были мутно-белыми,
мертвечиной пахли гнилые воды...
Я прошел
через болото лжи и глупости,
не затерявшись в камышах
в рост человека.

Я совершил путешествие
вместе с женщинами, сидевшими согнувшись
в три погибели,
уложив кулаки на тощих своих животах,
вместе с женщинами, бежавшими босиком,
подгоняемыми ветром,
вместе с мертвыми,
с теми, забытыми на полях сражений
и баррикадах...

Я совершил путешествие,
пройдя по асфальту
мокрых от утреннего света городов,
по которому в грузовиках
везли заключенных...

Я совершил путешествие
и не насытился
ни виноградом,
раздавленным твоими белыми зубами,
ни постелью твоей,
напоминающей пасмурный
летний полдень.

Я совершил путешествие.
На строительной площадке
были новые
здания,
как молоденькая сосенка,
свежезеленой
была надежда,
и на тысячу метров под землею
на лбу у людей
горели рудничные лампы.

Я совершил путешествие
при свете луны,
при свете солнца,
при свете дождя,
вместе с четырьмя временами года,
вместе со всеми временами,
вместе с травой, насекомыми, звездами,
вместе с честными людьми нашей планеты,
нежными, как скрипка,
безжалостными,
как еще не умеющий
говорить ребенок,
безрассудно храбрыми,
как еще не умеющий
говорить ребенок,
готовыми умереть с легкостью птицы
и жить тысячу лет.

Перевела с турецкого
М. ПАВЛОВА.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СЛЕПОТА

Пятнадцатилетний Коленька развлекался тем, что водой из грязной лужи обрызгивал прохожих.

— Разве он нарочно? — пожимает плечами мама.

Его сверстник срезал телефонную трубку в автомате. А отец вполне серьезно говорит:

— Она сама оборвалась, надо крепче делать.

На полированной стене лифта жаждущий славы Юрочка ножом увековечил аршинными буквами свое имя. Его мама удивляется:

— Что особенного, разве лифт перестал после этого работать?

Брошенный камень угодил в лицо пожилой женщине.

— Что здесь удивительного? Ведь они дети,— поясняет папа,— им все равно куда бросить. По правилам надо было спросить с тех, кто привез гравий и оставил его без присмотра.

От подожженных газет в почтовом ящике чуть было не сгорел многоквартирный дом.

— А если другие, даже, заметьте, взрослые, воруют из ящиков почту,— окрысилась мама,— это лучше? Или, может быть, я ему дала спички? Спросите его, он у меня правдивый мальчик. Их ему продали взрослые, вот и пусть отвечают...

Это не придуманные истории. За каждой из них конкретные имена, профессии, адреса, но что делать, если даже на заседании комиссии по делам несовершеннолетних родители не понимают серьезности положения. Им объясняют: с вашим сыном случилась беда, он совершил правонарушение, да, как правило, не одно. Их призывают серьезно заняться воспитанием детей, а они воспринимают это как несправедливые нападки, что-то вроде нарушения их родительского суверенитета. От таких речей даже стоящие рядом «шалунишки» неловко морщатся, переступая с ноги на ногу.

Смотрит паренек на расходившуюся мать и действительно не может понять, что происходит. Дома ругала, по дороге, чуть не плача, причитала над ним, а тут вдруг говорит, что он ни в чем не виноват. Напряжение, страх спадают, подросток улыбается. Он шел сюда, как на суд, откровенно трусил — здесь не пионерский сбор или классное собрание, могут и не простить. И тут вдруг мама «такое выдает». Он восхищен. Нет, не ее «помощью» — ее способностью лгать.

В народном суде разбирался иск городского хозяйства к группе родителей учеников пятых классов о возмещении ущерба. Ребята демонтировали и растащили в городском парке дорогостоящее оборудование цветового фонтана. Среди ответчиков была, кстати, школьный работник. Кому, как не ей, следовало бы сделать правильные выводы из случившегося? Так нет же, она выдвинула в защиту сына его увлечение... конструированием аквариумов. Ему, мол, нужны детали. Вот он и взял их. В материнском угаре не заметила, как дошла до оправдания воровства сына. Присутствующим в зале суда оставалось только радоваться, что талантливый мальчик увлекся аквариумами, а не автомобилями. Аквариум из краденых деталей остался стоять на видном месте в квартире, более того, творение воришки благодаря стараниям родителей чуть не оказалось на выставке. И, наверное, попало бы туда, уж очень хотелось этого родителям, да «конструктора» уличили в повторной краже.

Такое поведение родителей иногда объясняют слепой любовью, этаким природным инстинктом спешить на выручку своим чадам. Но если говорить серьезно, здесь куда больше проявляется родительского эгоизма, чем любви или инстинкта. У таких родителей воспитание подменяется внешними «показателями», нужными прежде всего им самим для удовлетворения своего тщеславия. Куда легче приобрести модную экипировку для сынули, чем воспитать в нем скромность, «протолкнуть» в английскую школу, нежели научить самостоятельно изучать языки. Некоторым проще «выплакать» у преподавателя пятерку, чем признать, что сын ее не заслуживает. Вот и превращается такой «детеныш» в подобие подкрашенной вещи. Отсюда и защитная прыть, когда вдруг изпод блестящей оболочки «образцового» отпрыска выползает его суть. Кто из ослепленных родителей в такой момент думает о ребенке? На карту поставлен престиж семьи. Что скажут друзья, сослуживцы, соседи? О каком уж тут воспитании может идти речь!

Недавно изнывающие от скуки подростки решили для развлечения устроить крушение поезда.

— Интересно было посмотреть, как состав сойдет с рельсов,— объяснил один из них свой поступок.

— Вагоны разобьются, можно будет пособирать интересные вещицы,— мечтательно бормотал другой.

К счастью, бригада электровоза вовремя заметила завал и трагедии не произошло. Малолетних преступников задержали.

Согласно статье 10 Уголовного кодекса РСФСР, за умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда, так же как и за убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, изнасилование, разбой, грабеж, злостное хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного или личного имущества граждан, за хищение огнестрельного оружия, боеприпасов, наркотических веществ, уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет. Даже сами виновники не были так поражены этим фактом, как их родители. Подростки понимали, что они преступники, а их родители словно ослепли. Еще бы, один отличник, двое преуспевали в музыкальной школе, Славику предстояло выступать на ответственных соревнованиях.

И родители бросились в атаку.

— Наши дети не виноваты, они не совершали этого преступления!

— Виноваты. Совершали,— отвечали сами подростки и, к досаде взрослых, охотно показали, как готовили крушение.

— Их запугали, а может быть, даже били! — не сдавались родители.

Посыпались жалобы в высокие инстанции и центральные газеты, а пока разбирались, родители успели поссориться между собой и теперь учили детей валить вину друг на друга.

По поведению подростков в суде, где они отмежевались от лживых советов взрослых и с облегчением вернулись к правде, чувствовалось, что многое они поняли, убедились, что фиговые листки родительской лжи не могут оградить от ответственности перед обществом.

...В сквере гуляло много детей. Мамы, папы, бабушки заняли почти все скамейки по обе стороны аллеи. Среди детей обращал на себя внимание крупный мальчик лет пяти в яркой курточке. Он бегал, таская за собой на веревочке железный грузовик. Игрушка переворачивалась, но мальчик на это не обращал внимания, главное в его игре было задеть когонибудь из детей своей машиной. Обиженных малышей становилось все больше. Некоторые родители пытались делать ему замечания. Бесполезно. На противоположной стороне сидела мать задиристого мальчика. Она слышала замечания. Отрывалась от чтения, молча смотрела на тех, кто делал замечания. Потом улыбалась сыну и спокойно возвращалась к чтению. Теперь мальчик бегал вблизи нашего ряда скамеек, откровенно досаждая взрослым своим шумом. Пожилая женщина, у которой внучка никак не засыпала в коляске, встала на пути озорника, объясняя, что нельзя шуметь, в коляске спит маленькая девочка. Тот чуть отошел в сторону и стал вертеть игрушку над головой. Кто-то испуганно закричал, но было уже поздно. Игрушка попала в голову двухлетней девочке, стоящей позади него. Ребенок упал. Присутствующие бросились к ней. Молодой мужчина помчался вызывать «Скорую помощь». Мальчик испугался, побежал к матери, насупившись, встал около нее. Сидящие рядом стали стыдить его. Мать спрятала злополучную игрушку, взяла сына за руку и, даже не взглянув на скамейку, где лежала девочка с разбитой головой, пошла в противоположную сторону. И тогда мальчик обернулся и, не отпуская материнской руки, торжествующе показал язык.

Много раз я вспоминал эту маму с сыном, удаляющихся от раненого ребенка. Сколько черствости было в обоих, в презрительном жесте злого маленького человечка! И невольно приходили на ум слова из песенки: «То ли еще будет!»

Возможно, для мальчика это была первая проверка его чувства милосердия. Но, увы, в маленьком сердце не оказалось места для сострадания. А ведь эта черта характера у ребенка несет в себе зачатки будущего чувства товарищества, дружбы, без которых не проживешь.

Прямым продолжением подобных взаимоотношений «отцов и детей» служат так называемые «стариковские дела», которые в судах далеко не редкость. Смотришь на взрослых детей, которые, ссылаясь на какую-то давнюю обиду, не желают расставаться с десяткой-другой, чтобы помочь больной матери, или выслушиваешь длинные, витиеватые объяснения, почему в квартире несовместима кровать для матери с модной мебелью, и невольно думаешь: кого же вы, уважаемые старики, воспитали? Где ваши дети растеряли любовь к вам и сострадание? Не подавали ли вы сами когда-то плохих примеров своим детям?

Все, что делает ребенок,— это отражение воспринятого им поведения взрослых, он показывает наши же собственные достоинства и недостатки, показывает увлеченно, не заботясь о том, чтобы прикрыть суть своих поступков ловким словцом, приятной манерой, ханжеской улыбкой, как это умеют делать иные взрослые.

«Не думайте,— писал известный педагог и писатель Антон Семенович Макаренко,— что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету — все это имеет для ребенка большое значение».

Нет большего счастья для родителей, чем воспитать хорошего человека. Это и счастье и надежный залог полнокровной, достойной жизни в будущем. А за лукавые рассуждения, за оправдывание заведомо низких поступков детей не ждите благодарности ни от них самих, ни от нашего общества. Хочется пожелать: будьте объективны и справедливы во всем — это хорошее лекарство от родительской слепоты.

А. БЛЕХ,
член Краснодарского краевого суда

С. Сафарян. ХОЗЯЕВА СЕВАНА. 1964.

ЗИМА ГОРНОГО ОЗЕРА СЕВАН. 1979.

С. Сафарян. РОДНЫЕ МЕЛОДИИ. 1956.

Нет, речь пойдет не о Летучем голландце, не о Несси, как ласково называют шотландцы свое, известное теперь всему миру чудовище, обитающее (или необитающее) в озере Лох-Несс, не о Бермудском треугольнике. С заместителем директора Института океанологии имени П. П. Ширшова Академии наук СССР, доктором географических наук Андреем Аркадьевичем Аксеновым мы беседуем о вещах гораздо более фантастических. Мы беседуем о будущем океана, а значит, о будущем планеты и человечества. Ведь, как сказал однажды академик Л. М. Бреховских, мы живем на планете Вода. Семьдесят один процент ее поверхности покрыт водой, больше чем на половину состоит из влаги биосфера... Миллиарды лет назад в океане зародилась жизнь, на океан с надеждой смотрит человечество, тем паче в будущем тысячелетии, по оценке демографов, население достигнет шести, а то и семи с половиной миллиардов человек. Океан должен спасти человечество от опасности голода...

А. АКСЕНОВ,
доктор географических наук

раздумья о будущем

ТАЙНА ВСЕХ ОКЕАНОВ

Убежденность в том, что в распоряжении человека неисчерпаемые кладовые,— говорит А. А. Аксенов,— в том, что океану невозможно повредить, принесла огромный вред как самому океану, так и суше, эксплуатировать которую эта убежденность позволяла нещадно и даже преступно. Впервые в мире попытался подсчитать величину влияния промысла на запасы рыбы в водоеме русский ученый, профессор Петровской сельскохозяйственной академии Ф. Баранов в начале двадцатых годов. Его можно назвать основателем теории «оптимального улова», теории, которой принадлежит будущее. Ведь буквально на наших глазах одни обитатели океана полностью исчезают, другие становятся редкостью. Больше шестисот видов животных на нашей планете находятся на грани исчезновения, занесены в Красную книгу — из них несколько десятков морских животных. Все меньше и меньше становится тунца, лосося, сельди, даже трески, я уж не говорю о морских черепахах, морских львах, омарах, крабах... Необходимы строжайшие международные законы, конвенции по примеру принятой конвенции по китобойному промыслу.

Я начал, как говорится, с хлеба насущного. Доказано, что мясо домашних животных по составу не может полностью заменить продукты моря, особенно в детском питании. А продукты земли морскими блюдами заменить можно. Пищевые ресурсы Мирового океана огромны. Большинство населения планеты испытывает недостаток в белке. Быстрее и легче всего можно получить белок из океана, который «производит» около восьмидесяти процентов всех белковых веществ. А берет человек не больше двадцати пяти процентов. Девять десятых всего улова рыбы, моллюсков, ракообразных добывается в традиционных районах, всего на пятнадцати процентах площади Мирового океана. В основном эксплуатируется шельф, то есть мелководные зоны вокруг материков — от берега до резкого перегиба поверхности дна, где оно круто уходит на большие глубины. В будущем, думаю, в недалеком, произойдет перераспределение рыболовства; в свое время человечество пережило эпоху географических открытий, в этом еще веке предстоит открыть новые районы лова.

Земледелец обрабатывает, засевает поле, выращивает и собирает урожай — то же ждет и океан. Известны водоросли, которые по содержанию питательных веществ намного превосходят картофель, кукурузу, пшеницу, фрукты и даже мясо. С одного гектара морского дна можно снять больше пятнадцати тонн зеленой массы, и за год море способно дать до десяти урожаев.

Ацтеки готовили из сине-зеленых водорослей (которые, кстати, больше пятисот миллионов лет были единственными обитателями нашей планеты) вкусные блюда, напоминающие сыр,— они и сейчас распространены в Латинской Америке. Японцы делают из хлореллы мармелад, супы и приправы. В Европе пользуется популярностью синий хлеб, выпекаемый из муки, смешанной с водяными растениями. В природе насчитываются тысячи видов водорослей. Уже сегодня налаживается крупномасштабное выращивание многих одноклеточных водорослей. Состав производимой биомассы можно изменять путем контроля интенсивности света или комбинированием питательного раствора.

Многие водоросли используются в качестве удобрений; еще в древнеримских сочинениях о садоводстве и огородничестве они характеризовались как замечательное средство для увеличения плодородия почвы. В удобрениях из водорослей гораздо больше калия, чем в удобрениях из навоза, растения легче усваивают азот из водорослей. Во многих приморских областях водорослями питаются домашние животные — во время отлива их пускают пастись на приливную зону, организм животных получает большое количество витаминов и важных питательных веществ.

Водоросли сыграют важную роль в длительных космических полетах. Отходы процессов жизнедеятельности с их помощью можно вновь превращать в вещество, пригодное для использования. Проблема восстановления кислорода решается с помощью хлореллы, которая одновременно поглощает углекислый газ. Учитывая ее химико-биологическую активность, создается так называемая «регенерирующая экологическая система», которая обеспечит весь биологический цикл человека, используя для этого лишь энергию света.

Но пока подводное сельское хозяйство, аквакультура — удобрение морского дна минеральными солями и прогрев глубинных вод атомными реакторами, прополка растений и барьеры из электричества и ультразвука, оберегающие от хищников стада промысловых рыб, искусственное разведение мальков и создание новых продуктивных сортов — находятся, можно сказать, в зачаточном состоянии. Десятки веков человек охотился, всеми силами истреблял обитателей моря, но фактически не задумывался всерьез о воспроизведении жизни океана, его биологических ресурсах. За последние десятилетия в этом направлении было сделано больше, чем за всю предыдущую историю человечества. У нас в стране, например, заселили кефалью Каспийское море, она прижилась и стала промысловым видом; в Балтийском море акклиматизирован дальневосточный лосось, многообещающи эксперименты с мидией и морским гребешком... А в Японии построено уже несколько подводных рыбоводческих заводов. В особых клетках, обтянутых нейлоновой сеткой, выращиваются мальки лосося, форели... В будущем не понадобятся и нейлоновые сетки. Территорию можно будет ограждать ультразвуком или дырчатыми трубами, создающими из мелких пузырьков воздуха «стены». Способны служить человеку в качестве «овчарок» и дельфины.

Подводные заказники, в которых так же, как и в земных, будет запрещен промысловый лов и охота, станут источниками для пополнения животными и растениями соседних районов. Начнут создаваться и своеобразные морские парки, заповедники. Первые опыты проведены уже в нашей стране, в Японии, Соединенных Штатах.

— Андрей Аркадьевич, из разных точек планеты постоянно идут сообщения о загряз-

нении Мирового океана. Прежде всего нефтью — катастрофы сверхмощных танкеров (определено, что при перевозке нефти танкерами теряется около двух миллионов тонн нефти в год, и цифра эта может возрасти до шести миллионов), аварии при подводном бурении,— а нефть, видимо, с каждым годом будет добываться со дна океана все более интенсивно... Не способно ли это разбить надежды человечества на океан как источник питания в будущем?

— Теоретически способно. И не только в нефти дело... Ядохимикаты, отходы, содержащие ртуть и медь, радиоактивные отходы, аварии ядерных реакторов под землей, оказывающие на океан огромное влияние... Что касается нефти, то известно — тонна ее покрывает тысячу, а то и полторы тысячи гектаров воды пленкой, не пропускающей кислород; эта пленка нарушает обмен теплом, влагой, газами между океаном и атмосферой, губит все живое в верхнем слое воды, где личинки, насекомые, которыми питается рыба, ракообразные и, конечно, никакие моллюски, никакие морские организмы, «питающиеся» нефтью, не смогут с ней справиться.

Опасны не только катастрофы, которые случаются сравнительно редко. Гораздо опасней слив нефти, например, при промывке танкерных цистерн. Сейчас уже по международной конвенции за загрязнение моря нефтью взимается большой штраф. В будущем законы, карающие за загрязнение океана токсичными веществами, должны стать еще более жесткими. Предвидится использование всех технических средств, имеющихся в руках человечества, для международной системы наблюдения за чистотой океана. Должны контролироваться уровень и масштабы загрязнения организмов и водной среды, должны быть изучены миграции токсических веществ в море, их накопление в промысловых видах, нормированы допустимые уровни содержания токсических веществ в морской воде и морепродуктах; постоянно совершенствуются методы очистки сточных вод судов и береговых предприятий, обезвреживания и утилизации отходов. Но самое главное — комплексные региональные программы охраны морей от загрязнения, которые жизненно необходимы.

— Запасы нефти в океане исчисляются астрономическими цифрами, правда, весьма приблизительными. Кто называет число семьдесят миллиардов тонн, кто сто пятьдесят... Будут добываться уголь, газ, газовые гидраты, то есть твердый газ, для образования которого, говорил председатель Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР Н. В. Черский, существуют благоприятные условия на девяти десятых площади дна Мирового океана.

— Запасов кобальта на суше — на сорок лет, а в океане — на триста тысяч лет, меди на суше осталось на 30—35 лет, а в океане — на двенадцать тысяч лет, железа — на пятьсот и десять тысяч... В этом веке человечество истратило больше полезных ископаемых, чем за предыдущую историю. Океан содержит почти все химические элементы таблицы Менделеева. Россыпи алмазов, золота, фосфора, серы... Но, главное, конечно,— нефть и газ. В пятидесятых годах советские нефтяники первыми в мире начали добывать нефть со дна моря — Каспийского. Сейчас же поиском и добычей морской нефти и газа занимаются больше ста стран, в море добывается около двадцати пяти процентов всего мирового объема добычи нефти. Богатейшие месторождения, открытые, например, в Северном море, превратили Англию из импортера в экспортера... Прогнозы в отношении океана делать опасно, но, судя по нынешним темпам, к следующему тысячелетию около половины всей нефти и газа будет добываться в океане.

Общая площадь шельфа равна двадцати пяти процентам площади суши, геологическое сходство говорит о том, что и минеральных запасов шельф содержит двадцать пять процентов от величины запасов на суше. Но если россыпи минералов на земле вырабатываются, пустеют, и довольно быстро, то океанские практически неисчерпаемы, они самовозобновляются, океан снова и снова намывает их, как бы бросает к ногам человека.

К следующему тысячелетию понадобится урана чуть ли не вдвое больше, чем способна дать суша,— около четырех тысяч тонн. Каждая тонна морской воды содержит три миллиграмма урана. Ничтожно мало? Но некоторые страны, особенно Япония, уже серьезно занимаются добычей урана из воды. Построены экспериментальные заводы. «Морской метод» пока дороже, но ведь технология добычи совершенствуется с каждым годом, а цены на уран растут.

Так называемые железо-марганцевые конкреции покрывают почти сплошь одну десятую площади дна океана, на огромных, правда, глубинах — четыре-пять тысяч метров. Запасов марганцевых конкреций в океане около тысячи пятисот миллиардов тонн, в том числе триста пятьдесят миллиардов тонн марганца, больше двухсот миллиардов тонн железа, миллиарды тонн никеля, олова, меди... А магния в одном кубическом километре воды содержится столько, сколько добывается в год из всех месторождений мира.

Думаю, до следующего еще века будут добываться почти все элементы таблицы Менделеева, растворенные в воде. Отходом же, кроме прочего, будет пресная вода, пригодная даже в пищу. Ведь на земле очень не хватает пресной воды.

Но, повторяю, при всем при этом необходимо беречь океан, хранить его чистоту как зеницу ока.

— Вы сказали, что конкреции находятся на огромных глубинах, до пяти тысяч метров. Практически сумеет ли человек достичь таких глубин, сумеет ли освоить эти россыпи, не утопия ли это — говорить о них, как о реально существующих кладовых человека? Ведь в океане, наверное, еще труднее работать, чем в космосе,— там аппаратура, например, испытывает, если можно так сказать, давление в минус одну атмосферу, в океане же...

— До одной тысячи. А кроме того, коррозия,— железо, электроника выходят из строя, да и материалов порой нет достаточно выносливых, фторопласт течет, резина становится похожа на эбонит... И тем не менее мы справимся с глубинами. Перспективны телеуправляемые и автономные аппараты, способные работать на огромных глубинах. Они исследуют поверхность дна, собирают образцы горных пород, изучают трещины, разломы...

Будет совершенствоваться ковшовая добыча.

— В одном из интервью Жак-Ив Кусто сказал, что океан — это солнечная энергия, две трети ее попадает туда, количество солнечной энергии, поглощаемой океаном, эквивалентно сорока шести миллионам атомных электростанций...

— Я не совсем себе представляю, как Кусто подсчитал, но, несомненно, энергии в океане прямо-таки космическое количество. Это энергия, накопленная водорослями и бактериями, термическая энергия морей, источник которой — разница температур на поверхности и в глубинах, энергия постоянных ветров, течений, пресной воды рек, встречающихся с соленой водой,— река теряет энергии столько же, сколько давал бы водопад двухсотметровой высоты...

Будут строиться подводные станции для извлечения поглощаемой океаном солнечной энергии. Теплый слой воды доводит до кипения специальную рабочую жидкость — фреон, аммиак,— пар которой и вращает электротурбину. Затем он поступает в охлаждаемый глубинной водой конденсатор, где снова превращается в жидкость. Только Гольфстрим, протекающий у берегов США, при перепаде температур от шестнадцати до двадцати двух градусов Цельсия, может дать количество энергии, в 70—80 раз превышающее потребность в ней. Морские установки намного дешевле станций на суше и совершенно не загрязняют окружающей среды. Но необходимо решить ряд сложных технических проблем, например, найти способ передачи энергии со станции на берег...

Огромной силой обладают приливы, и человек обязан использовать их. Сейчас уже строятся приливные станции — ПЭС. Нужно увеличить их мощность, довести до нескольких десятков, а потом и сотен миллионов киловатт.

— Когда задумываешься над тем, как образуется на нашей планете погода, невольно вспоминается рассуждение Чарльза Дарвина о том, как зависит урожай клевера на пригородных полях от количества старых дев в Лондоне. Клевер из-за строения его цветка могут опылять только шмели, имеющие очень длинный хоботок. Значит, чем больше шмелей, тем больше клевера. Но шмели обычно живут в норках мышей-полевок, которые часто уничтожают незваных гостей. Следовательно, чем меньше мышей, тем больше шмелей. Мышей меньше, если больше кошек. Но ведь всем известна любовь одиноких женщин к домашним кошкам. Чем больше старых дев, тем больше кошек.

Любое изменение в каком-то из звеньев общей системы сказывается на всей системе и может привести к самым неожиданным последствиям.

— Да, абсолютно верно, и относится это к погоде, может быть, больше, чем к чему бы то ни было. Определяют погоду на планете процессы взаимодействия океана с атмосферой. Их необходимо изучить, тогда погоду можно будет в буквальном смысле слова рассчитывать, предсказывать, неожиданностей не будет. А это — решение важнейших проблем: сельского хозяйства, здоровья человека, коммуникаций...

— Андрей Аркадьевич, последний вопрос больше относится к философским. Вам я его задаю еще и потому, что знаю ваш к нему интерес. Года два назад крупные западные информационные агентства распространили «сенсацию»: «Советские ученые недавно получили фотографии, которые, возможно, подтвердят существование между Португалией и островом Мадейра легендарного исчезнувшего континента Атлантида, заявил видный советский океанолог. Доктор Андрей Аксенов сообщил, что на восьми фотографиях, которые будут переданы прессе, видны подводная гора с руинами стены и огромной лестницы». Вернувшись из научно-исследовательской экспедиции на судне «Витязь», вы сказали советским журналистам, что на основе сделанных фотографий нельзя считать, будто бы открыта Атлантида в Атлантическом океане. Но каждое десятилетие, а то и каждый год приносит все новые сведения об этом огромном острове, как описал его Платон в диалогах «Тимэй» и «Критий», лежащем к западу от Геракловых столпов. Многие века ученые, философы, поэты, просто любознательные спорят, существовала ли на самом деле Атлантида, действительно ли остров этот или материк был древнейшей богатейшей культурой...

— Первым «обличителем» Платона был его ученик и друг Аристотель. Он утверждал, что Платон выдумал свою Атлантиду. В связи с этим и появилась широко известная поговорка: «Платон мне друг, но истина дороже». Все сведения об Атлантиде, пишет Платон, были получены от его предка Солона, который, в свою очередь, ссылался на сообщение жрецов Древнего Египта,— это делает их сомнительными. Противоречива хронология событий, изложенная Платоном. Гибель Атлантиды произошла внезапно: «...в один день и бедственную ночь... остров Атлантида исчез, погрузившись в море». Случилось это за десять тысяч лет до нашей эры. Мне представляется невероятным, чтобы до сих пор геофизики и геологи не обнаружили никаких следов погибшей Атлантиды. Невероятно существование высокой цивилизации, как это пишет Платон, в столь древние времена. Вся дискуссия ведется путем толкования и исследований текстов Платона. Ни в одной из книг не приводится вещественных доказательств существования Атлантиды. Достоверные данные современной геологии океана и палеогеографии отвергают гипотезу о катастрофическом повышении уровня Атлантического океана. Таким образом, легенду об Атлантиде Платона следует считать литературным произведением, в котором автор описал идеальное государство, соответствующее его философским и эстетическим взглядам.

Не существовало той Атлантиды, которую описал Платон. Но нельзя вовсе перечеркнуть и выдержавшую испытание столь огромным временем гипотезу. Конечно, если бы удалось доказать существование Атлантиды, то совершенно по-новому выглядела бы вся история человечества, и, естественно, это сыграло бы роль в будущем человечества. Мне думается, необходимо и возможно детально обследовать район Багамских островов, где обнаружена подводная пирамида, и бассейн Амазонки. Я получил письмо от автора нашумевшей книги «Бермудский треугольник» Чарльза Берлица. Он писал о специальных экспедициях для поисков таинственных подводных пирамид, одна из которых была случайно обнаружена рыболовным судном к востоку от Флориды, а двенадцать видны на космических фотографиях района бассейна Амазонки.

Много еще районов в Мировом океане, где возможны археологические открытия. Совершенно необходимо организовать экспедицию, которая обследует вершины подводных гор, образующих архипелаг «Подкова». Технически это не представляет большого труда. Там, быть может, ученые найдут действительные доказательства существования древней цивилизации. Атлантиды Платона не существовало, но «...есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам».

Беседу вел Сергей МАРКОВ.

ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

Узкая кривая улочка старого Самарканда. Где-то впереди трясется на ослике старик в стеганом халате и черной тюбетейке, расшитой белым древним узором. Торопится женщина в национальном платье, закутанная в платок: несет на базар лепешки. И вдруг современная деталь: в окне установка для кондиционирования воздуха. С обеих сторон улицы дувалы — глухие заборы, плотно закрыты двери. Может быть, к этим дверям когда-то выносили на продажу ушпулак — узбекские глиняные свистульки, которые до сих пор находят в Афросиабе. В свистульки дудели на весенних праздниках, с ними связывали надежды на хороший урожай. Гончарное искусство Узбекистана такое же древнее, как и этот город. Керамические кувшины сохраняют прохладу воды, керамические блюда — теплоту плова. Керамика украшает быт: ее ставят в специальные ниши — тауги. Из поколения в поколение передают народные мастера традиции — в цвете, форме, орнаменте. Но каждый вносит что-то свое, только ему присущее, — так обновляются древние ремесло и искусство.

...Еще несколько минут, и мы идем по мощенной булыжником улице, носящей имя усто Умара Джуракулова, известного керамиста, народного художника Узбекистана, который умер восемь лет назад, всего год не дожив до восьмидесяти.

Усто — это мастер, это — признание. Усто Умар был потомственным гончаром и воспитал сотни учеников. И вот четверть века назад пришел к нему Абдурахим Мухтаров и попросился в ученики.

Ему было тогда двадцать восемь. Бывший крестьянин, он поработал уже в колхозе, на заводе и на стройке. Но с детства тянуло его к глине, к карандашу — любил рисовать. И усто учил его ремеслу, показывал, как нужно обращаться с глиной, как лепить игрушки, как их обжигать и расписывать, как работать на гончарном круге.

— А когда сам усто лепил кузагары — сосуды с длинным горлом, — отовсюду собирались люди, чтобы полюбоваться его искусством. Мастер был добрым человеком, многое знал и умел, многому учил, — рассказывает Мухтаров. — Он и Софья Федоровна Ракова были моими учителями.

Теперь и сам Абдурахим — основатель гончарной династии. Гончарами стали его сыновья, племянник. В его мастерской работает Ильхом Вахидов — внук усто.

Коммунист Абдурахим Мухтаров — член Союза художников Узбекской ССР. Его работы выставлялись более чем в двадцати странах: во Франции и Финляндии, Канаде и Бельгии, США и Японии... Его лукавый и мудрый Ходжа Насреддин отмечен дипломами ВДНХ и зарубежных выставок. А когда проходили дни Узбекистана в Берлине, Мухтаров показывал, как работает, как делает свои игрушки.

— Более ста работ были представлены на выставках, некоторые можно увидеть в Музее прикладного искусства в Ташкенте, — продолжает мастер. — А когда свой первый тандыр (это печь для лепешек) слепил, трудно было сказать, на что это похоже.

В мастерской на полках много фантастических персонажей восточных сказок. У драконов-аджахоров — змеиное тело, широко раскрыты пасти. Но они совсем нестрашные. Может быть, потому, что на груди у каждого гончар нарисовал цветы, на боках — бусы, а в ушах голубые цветы.

— Искусство гончара — для радости, вот и появились цветы, — объясняет мастер.

А у Ильхома Вахидова из-под улыбающейся драконихи-мамы выглядывают улыбающиеся дракончики.

Абдурахим Мухтаров доброжелателен и весел, любит шутку и сам умеет шутить. У него добрые карие глаза. И игрушки его доброжелательны и понятны всем.

Игрушку его отличает жанровый характер, она обзавелась сюжетом, превратилась в скульптуру. Скульптура малых форм — любимый жанр художника. Особенно ему удаются юмористические сюжеты. Они подсмотрены в жизни.

Вот «Дружная семья» — счастливый отец обнял свое многочисленное семейство, а самый маленький забрался ему на шею. Или «Старики»: они поссорились, но им так хочется помириться. Кто первый это сделает? Наконец, «Близнецы»: усталая, но безотказная мать качает две люльки. А из одной высунулась ручонка и лежит на коленях матери, как бы утверждая: «Ты моя!»

Мелкая пластика — свистульки, звери — традиционна. Но у каждой игрушки — свое «лицо». Реальные звери — барашки, верблюды, лошадки — стоят табунками. Хвост у барашка высоко поднят, сам он разрисован цветами. Лев разинул пасть, но вызывает не страх, а улыбку. У козла — тоже традиционные цветы на ногах, груди, спине.

...Мастер свертывает глину в тонкий и гибкий жгут, берет палочку с заостренным концом. Что-то на этот раз выйдет из-под его сильных, умных, добрых рук?

И. МИХЕЕВА

Земля родная

В. А. ЖУКОВСКИЙ И ЕГО РОДНЫЕ МЕСТА

Приближается двухсотлетие со дня рождения великого русского поэта Василия Андреевича Жуковского — он родился 9 февраля 1783 года. Оставшееся время — это весьма небольшой срок для того, чтобы восстановить памятные места, связанные с именем поэта в селе Мишенском и в городе Белеве, ровеснике Москвы, часто упоминавшемся в русской литературе XVIII и XIX веков.

И город Белев, и село Мишенское, расположенные в Тульской области, очень живописны. Великолепна планировка городских ансамблей Белева, стоящего на высоком берегу Оки, широко разливающейся весной и отрезающей Белев от «большой земли». Подлинно «родина русской поэзии», как однажды назвал родные места Жуковского Владимир Соловьев: здесь были написаны Жуковским многие элегии, баллады, послания, определившие целое направление отечественной поэзии.

Сейчас уже проводится кое-какая работа по возрождению к жизни мест, связанных с именем поэта. Строится шоссейная дорога к Мишенскому от автомагистрали Тула — Орел. Решен вопрос о присвоении имени Жуковского Белевскому городскому художественному краеведческому музею, где один из залов будет посвящен жизни и творчеству поэта. Бюст Жуковского, созданный еще в XIX веке и находящийся пока в запущенном состоянии, будет реставрирован и установлен в одном из белевских городских скверов. Положено начало сельскому школьному музею В. А. Жуковского в Мишенском.

Но, конечно, сделанного мало, слишком мало в сравнении с тем значением, какое имеет для отечественной поэзии Жуковский. Да и не только для отечественной. Велика роль Жуковского в ознакомлении читающей публики Западной Европы с русской словесностью. Велика и его роль как великолепного переводчика на русский язык западной и восточной поэзии, произведений Гомера.

Разговоры — но пока только разговоры — идут о том, чтобы восстановить дом в Мишенском и дом в Белеве, который Василий Андреевич построил для своей матери. В Мишенском В. А. Жуковский провел свое детство. После учения в Туле и Москве, недолго прослужив в Соляной конторе, Жуковский в 1802 году снова возвращается в родные места. Позднее, в 1836 году, после долгих лет жизни в столице, Жуковский снова наведался в Мишенское и Белев.

Есть относящиеся к этому времени рисунки пером — вид Мишенского, сделанные Жуковским. В письме к А. П. Зонтаг от 30 ноября 1836 года Жуковский писал: «Мне стало так грустно, что все на родине нашей исчезло, что я вздумал все снова построить на бумаге; как мог что вспомнить, так и нарисовал». Рисунки эти были позднее выгравированы Жуковским.

Сохранились также планы и чертежи строений, так что дома в Белеве и Мишенском восстановить не столь уж трудоемко.

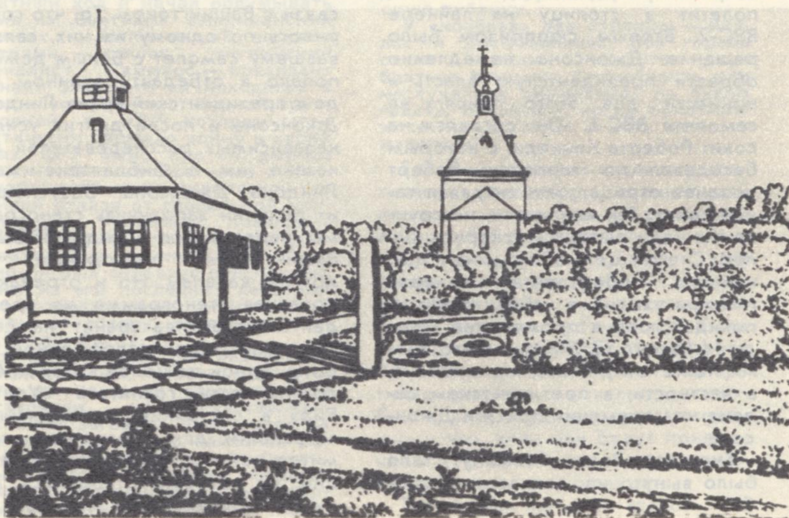
Конечно, надо будет позаботиться об их интерьере, разыскать вещи, принадлежавшие самому В. А. Жуковскому и его близким, или хотя бы мемориальные предметы, соответствующие духу времени. Многое можно отыскать в самом Белеве. Не так давно произошел здесь забавный случай: при капитальном ремонте одного из домов в дымоходе были найдены две картины и ваза. Установлено, что ваза — из дома Жуковского, а картины принадлежат кисти сына Жуковского — Павла Васильевича, художника. Наверняка, если обратиться к жителям Белева, можно будет найти (конечно, не при таких исключительных обстоятельствах) немало предметов мебели и домашнего обихода, близких интерьеру, присущему домам в Мишенском и Белеве при жизни Василия Андреевича.

Родные места Жуковского — несомненно, часть «золотого кольца» среднерусской полосы. Необходимо, чтобы они в полной мере были осознаны как таковые, чтобы восстановительные работы, которые снова вызовут к жизни и к соединению с сегодняшним днем великих памятных мест, были проделаны с должной масштабностью и в самые неотложные сроки.

Хорошо бы также начать в этих местах проведение Жуковских чтений, подобно тем литературным выступлениям, которые состоялись в 1981 году в Белеве и Мишенском, когда там впервые широко отмечался день рождения В. А. Жуковского. И, конечно, уже неотложной стала проблема выпуска хорошо прокомментированного издания сочинений Жуковского. Ведь многие материалы до сих пор ни разу не публиковались. И поэтому, в строгом смысле, мы еще не можем в полной мере оценить все богатство, все значение литературного наследия поэта. Интересным было бы издание альбома рисунков поэта, талантливого рисовальщика. Можно было бы также подумать об учреждении премии имени Жуковского за лучшие переводы западной и восточной поэзии, как современной, так и классической.

Владимир ЛАЗАРЕВ, писатель, член редколлегии «Альманаха библиофила»;
Ольга ТУГАНОВА, доктор исторических наук

Мишенское. Рис. В. А. Жуковского.

1 лист (4) ОГОНЕК №3

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА: РОЗЫСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОПОЛНЕНИЕ К НАПЕЧАТАННОМУ

Сергей ЛОСЕВ,

Виталий ПЕТРУСЕНКО

Публикация «Огоньком» документальной повести С. Лосева, В. Петрусенко «Преступление века: розыск продолжается» (№№ 46—50, 1981) вызвала многочисленные отклики читателей. Они просят, в частности, рассказать, есть ли у американских независимых расследователей гипотеза относительно того, где происходили тайные манипуляции с телом покойного президента США Дж. Кеннеди. Читатели спрашивают также, кто, по мнению независимых расследователей, стоял за убийством президента и его брата сенатора Р. Кеннеди. Ниже следует ответ авторов на эти два вопроса.

Поскольку нет пока свидетелей, отважившихся сказать правду, то есть тех, которые могли бы подойти к плану-карте Вашингтона и Бетесды и прочертить точные трассы всех передвижений разных гробов, использовавшихся для транспортировки тела Дж. Кеннеди, в этой главе мы можем оперировать лишь некоторыми догадками, гипотезами и доступными на данном этапе фактами.

Факты. Тело президента было положено в бронзовый гроб, доставленный в далласский Парклэндский госпиталь служащими далласской похоронной конторы. Тело убитого президента было положено в него на глазах Жаклин Кеннеди, при ней же крышка гроба была закрыта на замок.

Жаклин сопровождает гроб, который везут на аэродром и грузят в самолет ВВС-1 в 2 часа 18 минут (время далласское разнится с вашингтонским на один час). На самолете родных и близких Кеннеди ожидает первый сюрприз: в нем уже находится Линдон Джонсон, хотя все были уверены, что из уважения к памяти президента он в последний раз сохранит ритуал передвижения и полетит в столицу на лайнере ВВС-2. Вторым сюрпризом было решение Джонсона немедленно обрести президентскую власть и принести для этого присягу на самолете ВВС-1. Он сослался на совет Роберта Кеннеди, с которым беседовал по телефону. Роберт позднее отрицал, что он давал такой совет. Так или иначе, но группа Кеннеди пыталась ускорить вылет. С этой целью адъютант покойного президента генерал Макхью уходил в кабину пилотов, покидая гроб в промежутке между 14.18 и 14.32. Жаклин в это время тоже отлучалась, присутствуя, в частности, в президентском салоне на церемонии присяги Джонсона.

Гипотеза. В эти 14 минут тело было вынуто из далласского гроба.

Подозрение 1. Тело перенесено на самолет ВВС-2 или какой-то другой военный сверхзвуковой самолет и доставлено раньше ВВС-1 в Вашингтон.

Подозрение 2. Тело было спрятано где-то на ВВС-1 и после прибытия его на базу ВВС США Эндрюс близ Вашингтона вынесено мгновенно через одну из двух запасных дверей на правой стороне самолета, которая не попадала в поле зрения телевидения и встречавших. Отсюда на вертолете оно было доставлено в центральный госпиталь армии имени Уолтера Рида. После хирургических и других манипуляций оно на вертолете было переброшено в простенький гробу-«жестянке» в Бетесду, помещено в черный «кадиллак»-катафалк и доставлено в военно-морской госпиталь.

Факты. Начнем с последнего обстоятельства. Как уже подчеркивалось, люди видели этот самый «кадиллак» без номерных знаков, видели «жестянку» и ее содержимое. Подозрение отпало, так как никаких прямых или косвенных подтверждений оно не нашло.

У самолета ВВС-1 было несколько каналов радиотелефонной связи с Вашингтоном. То, что говорилось по одному из них, связывавшему самолет с Белым домом, попало в отредактированном виде в президентский архив Линдона Джонсона и после долгих усилий независимых расследователей показано им в библиотеке имени Линдона Джонсона. Безуспешны их попытки заполучить стенограммы переговоров между ВВС-1 и Вашингтоном, проходивших по другим каналам. Но и отредактированная стенограмма из президентского архива хранит на себе следы незримой напряженной работы, одной из целей которой было привести госпиталь «Уолтер Рид» в состояние чрезвычайной готовности для проведения стремительной хирургической операции, на которую отводилось минимум времени. И делалось это под видом приведения армейского госпиталя в готовность для вскрытия тела покойного президента.

Хлопоты относительно «Уолтер Рида» на самолете ВВС-1 и в Вашингтоне выглядят подозрительными, и вот почему. Перед взлетом ВВС-1 президентский врач адмирал Беркли уведомил Жаклин, что все ее распоряжения в отношении покойного будут восприниматься как закон. Ее первым желанием было не проводить никакого вскрытия.

Когда Беркли сказал, что это необходимо, она спросила: зачем? Тот ответил, что необходимо определить, если это возможно, тип использованной пули и сопоставить ее с уликами, которые будут найдены позднее. И тогда вдова выбрала для вскрытия госпиталь ВМС в Бетесде. Его называли президентским госпиталем, так как в начале своего пребывания у власти Джон Кеннеди решил, что он будет лечиться в нем (в отличие от Трумэна и Эйзенхауэра, пользовавшихся «Уолтер Ридом»). Джону Кеннеди везло, он ни разу не воспользовался бетесдовским госпиталем, где ему оборудовали специальные палаты. И вот по иронии судьбы впервые он должен был попасть туда уже для вскрытия. Итак, вопрос о месте этого заключительного акта трагедии, казалось бы, был решен предельно ясно: Бетесда.

Между тем полной ясности здесь не было. Из стенограммы переговоров между ВВС-1 и Белым домом:

Радист ВВС-1: Нам нужен главный хирург армии генерал Хитон.

Белый дом: Ждите. Сейчас мы ищем генерала.

Беркли: Мне нужен генерал Хитон или заместитель генерала Хитона.

Белый дом: Мы стараемся как можно быстрее связать его с вами. Он в «Уолтер Риде». Мы не можем его там разыскать. Мы ищем.

Пока ищут генерала Хитона или его заместителя, специальный агент секретной службы Келлерман беседует со своим начальником Беном, находящимся в Белом доме. В одном месте Келлерман говорит: «Прибываем на Эндрюс в 6.05. Тело будет отправлено в **«Уолтер Рид»**. Обеспечьте машину из «Уолтер Рида», чтобы забрать тело».

В их разговор вмешивается Беркли, который, видимо, уже успел переговорить с Хитоном по другому каналу.

Беркли: Тело будет отправлено на вертолете или же на машине в медицинский центр ВМС?

Бен: На вертолете. На вертолете.

Беркли: Я вызывал Хитона и все с ним обговорил. Позвоните ему и отмените «Уолтер Рид». Я не знал, что **эти приготовления** (какие — не ясно.— **Прим. авт.**) уже сделаны. Тело в гробу, и оно должно быть отправлено машиной, а не вертолетом.

Затем опять Беркли связался с Хитоном, но микрофон у него неожиданно берет старший военный помощник президента генерал Честер Клифтон.

Клифтон: Мы доберемся без вертолета до медицинского центра в Бетесде. Нам нужна карета «Скорой помощи» от Эндрюса до **«Уолтер Рида»**; мы хотим, **чтобы в «Уолтер Риде» было произведено обычное, предусмотренное законом вскрытие**[1]. **Вам понятно!**

Хитон: Понятно, генерал Клифтон... вы хотите **обычное, предусмотренное законом вскрытие в «Уолтер Риде».**

Беркли, видимо, не совсем понимает смену и чередование приказов. Он пытается включиться в разговор напоминанием, что какие-то приготовления ведутся и в Бетесде. И это воспринимается Хитоном, Клифтоном, Беном как нечто само собой разумеющееся, что с их стороны и не требует комментариев. Они концентрируются в разговорах на том, чтобы уточнить роли вертолетов и машин, и уже переходят на какой-то понятный только им, «птичий» язык.

Но вот Клифтон отдает новый приказ Бену: «Слушайте внимательно. Нам нужен передвижной трап — нормальная лестница. Подгоните его к передней части самолета, справа по борту сразу же за кабиной пилота. Мы хотим вывести первую леди (Жаклин.— **Прим. авт.**) этим путем. Поняли?» Это было странное и неосуществимое намерение. Что значит вывести вдову отдельно от гроба и не на виду у телевизионных камер, а каким-то черным ходом?

Но оно позволило обеспечить вынос тела, если действительно таким путем вывозили его с самолета. Приказы о дополнитель-

---

[1] Американские независимые расследователи считают слова «обычное, предусмотренное законом вскрытие» излишними и даже бессмысленными (других вскрытий в США закон не предусматривает), если только в них не заложен какой-то зашифрованный приказ.

ном трапе, о вертолетах, об «Уолтер Риде» и были той основой, на которой выросла гипотеза о проведении преступных хирургических манипуляций на теле убитого президента в центральном армейском госпитале имени Уолтера Рида на 16-й улице Вашингтона в пяти минутах пути на вертолете от госпиталя ВМС в Бетесде.

Гипотеза. Из «Уолтер Рида» на вертолете тело в «жестянке» доставлено на вертолетную площадку военно-морского госпиталя, перенесено в черный «кадиллак»-катафалк и подвезено к двери морга. Выносившие, по словам очевидца, этот простой гроб «7—8 битюгов в штатском» остались анонимными действующими лицами второго заговора.

Примерно через 10—20 минут к центральному входу госпиталя подкатил траурный кортеж. В карете «Скорой помощи» ВМС находился бронзовый далласский гроб. Жаклин покинула его, вошла в вестибюль, однако машина с гробом стоит у подъезда еще 10—12 минут. Адмиралы затеяли не то дискуссию, не то перебранку (повод неясен) с генералом Макхью, но течение времени явно им на руку, так как они не могут не быть в курсе того, что главный патологоанатом Хьюмс поглощен в секционном зале «предвскрытием».

Машина, наконец, отъезжает; при этом, по словам очевидцев, за рулем был адмирал Кэлвин Гэллоуэй — начальник национального медицинского центра ВМС в Бетесде. За ним тронулся автомобиль с почетным военным эскортом. Однако адмиралу он был пока не нужен. Он рванул и скрылся в темноте раннего ноябрьского вечера. Эскорт дважды объехал вокруг госпиталя в поисках серой кареты, но нашел ее только тогда, когда в пустой бронзовый гроб был возвращен покойник. Для отвлечения военного эскорта применялся, видимо, второй санитарный автомобиль — карета «Скорой помощи» ВМС, маскировочный двойник того, который угнал адмирал Гэллоуэй.

Факты и подозрения. Поиски первоисточника появления в радиотелефонных переговорах идеи проведения вскрытия в «Уолтер Риде» привели к Линдону Джонсону. В июле 1980 года, когда Лифтон расспрашивал о полете генерала Клифтона, тот сказал следующее: «Когда я говорил им (секретной службе.— **Прим. авт.**), что мы направляемся в «Уолтер Рид», это было то, что было сказано мне Джонсоном или кем-то из его людей». Личный секретарь Джонсона Мэри Фемер вела на ВВС-1 хронологические записи деятельности нового президента США. Она вынула листок бумаги из пишущей машинки перед посадкой и сделала последнюю запись рукой: «Приб. Эндрюс — тело с миссис Кеннеди в «Уолтер Рид» (!) В июле 1980 года бывшая личная секретарша Джонсона признала свой почерк и на вопрос, откуда появилась у нее такая информация, ответила: «Я уверена, что кто-то сказал мне, но кто, я никак не могу этого вспомнить».

В 14.47 самолет ВВС-1 поднялся в воздух. Он летел до Эндрюса примерно 2 часа 15 минут. В этот период на борт самолета поступила радиотелеграмма из коммуникационного центра Белого дома (так называемая ситуационная комната), в которой говорилось, что Джон Кеннеди пал жертвой не заговора, а убийцы-одиночки Ли Освальда. Такая оперативность наводит на мысль, что кто-то в Вашингтоне решил сделать Освальда убийцей-одиночкой еще до того, как его начали допрашивать в Далласе. Текст этой телеграммы попал в руки новоорлеанского прокурора Джима Гаррисона. Но при всем старании он не смог выяснить, кто автор этого текста. Гаррисон подозревал военных, так как «ситуационная комната» обслуживалась работниками комитета начальников штабов.

В годы нашей работы в США много писалось и говорилось о пристрастии Джонсона к телефону. Он не мог жить без этого аппарата.

Так как на ВВС-1 имелось несколько каналов связи, можно смело предположить, что Линдон Джонсон «не слезал» с телефона, тем более что это были первые два часа его президентства. Уже хотя бы по одной своей натуре он должен был знать, находясь в воздухе, что происходит в Вашингтоне и Далласе. Ясно, что Клифтон и Беркли работали уже на Джонсона, что секретная служба была в его руках, что у него были свои люди на руководящих постах в Пентагоне, ЦРУ, ФБР, не говоря уже про техасский Даллас. Президентская кабина на борту ВВС-1 была пультом управления мощной правительственной машины.

Кто в Вашингтоне в эти короткие часы мог обладать такой властью, чтобы мгновенно принять решение свалить убийство президента на одиночку Освальда? И в Вашингтоне ли принималось решение? Или на ВВС-1? Или в Далласе? Или в Новом Орлеане? Ответов на эти вопросы американцы пока не получили.

Можно предположить, что версия с Освальдом была навязана Линдону Джонсону ходом событий, направляемых кем-то из-за кулис. Можно предположить и другое: что он ухватился за нее с радостью, увидев выход, эдакую лазейку, позволяющую не выводить на чистую воду респектабельную публику и избежать того, чтобы со всей серьезностью была принята вероятность, что он взошел на президентский трон в результате государственного переворота.

Независимый расследователь Д. Лифтон отмечает: «Лично я полагаю, что вдумчивая оценка свидетельств должна вынудить нас прийти к заключению, что внутри исполнительных органов правительства существовал заговор с целью лишения Кеннеди власти... Должна была быть заложена основа. Определенные правительственные лица должны были быть завербованы для осуществления заговора. Вербовка представляет собой своего рода тайную подрывную политику, которая была осуществлена на каком-то отрезке времени в течение тысячи дней пребывания Кеннеди на посту президента...»

Президент Линдон Джонсон высказывал в 1967 году свое конфиденциальное мнение, что ЦРУ было замешано в убийстве Джона Кеннеди. А спустя несколько лет, незадолго до своей смерти, Джонсон в интервью сказал, что когда он пришел к власти, то обнаружил, что «мы содержали в Карибах проклятую корпорацию — «Убийство инкорпорейтед».

Кто «мы»?

Тогда в интервью экс-президент этого не пояснил. Но сейчас выяснилось, что он имел в виду ЦРУ. Джонсон приказал заместителю директора ЦРУ Ричарду Хелмсу (позднее он сделал его директором) подготовить ему справку о корпорации убийц, окрещенной президентом «Убийство инкорпорейтед». Справка заняла 150 страниц; всю ее Джонсон не стал читать, он пробежал резюме на одной странице. Видимо, резюме было достаточно для того, чтобы Джонсон высказался о проклятой корпорации убийц и притом в весьма определенной связи. Непосредственно перед этим Джонсон говорил: «Я никогда не верил, что Освальд действовал в одиночку, хотя я могу допустить, что он нажал на спусковой крючок». Что побудило техасца к таким высказываниям? Он знал, что дни его сочтены. Он знал, что многие в США подозревают его в причастности к преступлению века. Не это ли толкнуло его на откровенность?

Попытки независимых расследователей и журналистов взглянуть хотя бы краешком глаза на 150-страничный портрет банды ЦРУ «Убийство инкорпорейтед» ни к чему не приводят. Но для многих понятно, о чем идет речь. Банда профессиональных убийц, террористов из среды кубинских эмигрантов, уголовников и фашистов — выходцев из стран Латинской Америки, головорезов из американских синдикатов организованной преступности, отпетых расистов южных штатов США и т. п. И кто же верховодит ими? «Мы», говорил Линдон Джонсон. А конкретнее? ЦРУ — главный рассадник международного терроризма.

На заседании специальной комиссии конгресса по расследованию убийств в 1978 году один из кубинских эмигрантов говорил: «Мы используем тактику, которой обучает нас ЦРУ. Оно учит нас делать все. Нас научили подкладывать бомбы, убивать». Думается, что террорист не открыл ничего нового для конгрессменов. Они это знали и знают, стыдливо закрывая и по сей день глаза на преступную деятельность рыцарей «плаща и кинжала». И чтобы отвлечь от нее внимание, в последнее время в конгрессе стали проводиться провокационные слушания, на которых пытаются возложить вину за «международный терроризм» на СССР, Кубу и другие социалистические страны.

Тайная подрывная деятельность, тайная подрывная политика ЦРУ против Советского Союза и других социалистических стран объяснимы, скажет читатель. Империалистическая разведка выполняет здесь свои классовые цели. Но почему против своего президента?

Определенные группировки в ЦРУ не устраивала политика Кеннеди в отношении Советского Союза и Кубы. Им внушала подозрение и его политика во Вьетнаме, где он, положив начало вооруженной интервенции США, дал затем обратный ход и начал обдумывать отзыв из Вьетнама американских военных советников. «В вопросе Вьетнама, — пишет английский журналист Саммерс,— президент Кеннеди знал, что он находился в прямом конфликте с мощной группировкой в ЦРУ, которое тогда фактически держало войну в своих руках. ЦРУ было против вывода войск из Южного Вьетнама и кисло наблюдало за президентской политикой отказа от глобальной конфронтации. Публично президент пытался скрыть эти и другие фундаментальные разногласия. Приватно он был серьезно обеспокоен. Одним из его последних действий было образование оперативной группы по обзору разведывательных акций США».

Но независимые расследователи не так наивны, чтобы полагать, будто только ради своей выгоды действовали правительственные участники заговора. Они видят за всем этим коалицию наиболее реакционных промышленно-финансовых кругов, костяком которых являются миллионеры и миллиардеры юго-западных штатов, прежде всего Техаса, и западных штатов, прежде всего Калифорнии. Член общественного «Информационного бюро по проблемам политических убийств», бывший национальный президент организации «Студенты за демократическое действие», публицист Карл Оглсби называет этих реакционеров «ковбоями», а их соперников — представителей «просвещенного империализма» — «янки». К последним он относит в основном восточную группировку американского капитализма. Оглсби считает, что Джон Кеннеди не был «янки» до мозга костей, но что он был ближе к ним и считался с их устремлениями, которые были направлены преимущественно в сторону расширения политических и экономических связей с Западной Европой. «Ковбои», мысля категориями «большой дубинки», толкали страну в тот период на кровавые авантюры в Латинской Америке и Азии.

Независимые расследователи подходят к Джону Кеннеди как к продолжателю рузвельтовских идей и планов, который в начале 60-х годов начал понимать необходимость предпринять какие-то новые шаги во внешней политике, ибо «холодная война» вела к ядерной конфронтации. Это настроило против него «ковбоев». Среди них были крупные нефтепромышленники. Кеннеди вызвал их ненависть своими публичными заявлениями о том, что надо пересмотреть получаемую ими многомиллионную, так называемую «налоговую скидку на истощение ресурсов» и ввести небольшой налог на их доходы. Вспыхнула целая буря. Кеннеди пошел на попятную, отказался от внесения в конгресс подготовленного законопроекта, но нефтепромышленники не поверили ему, что это навсегда. Они опасались, что в случае переизбрания на новый срок в Белом доме он вытащит с полки этот законопроект.

Карл Оглсби считает, что Кеннеди хотел примирить «янки» и «ковбоев», что поэтому он взял в вице-президенты «ковбоя» Линдона Джонсона, что и последняя его поездка в Техас была продиктована, в частности, такой целью. Можно соглашаться или не соглашаться со схемой «ковбои» против «янки», но ясно, что преступление века несет на себе отпечаток ожесточенной борьбы, войны не на жизнь, а на смерть, которую ведут между собой крупнейшие монополистические группировки США по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики. Только в такой войне с применением наиопаснейших террористических методов, стоивших жизни Джону и Роберту Кеннеди, можно было пустить под откос президентский поезд и перевести государственную политику на иные рельсы.

Постепенно расширяя и укрепляя свои позиции в стране, калифорнийские «ковбои» пришли в 1981 году к власти и провозглашают своей целью удержание ее в своих руках до конца нынешнего века и далее. В начале 1982 года на прилавках книжных магазинов Америки появилась книга вашингтонского журналиста Артура Роуза «Один милый парень и что он делает для нас. Обещания и опасности рейганизма». Автор назвал первую главу «Ковбои-капиталисты берут правительство в свои руки». Они расхаживают в «ковбойских сапогах и шляпах», пишет Роуз, но не стесняются выставлять напоказ свои несметные богатства, что застало врасплох и поразило даже видавшую виды вашингтонскую публику.

У «ковбоев» две столицы — Даллас и Лос-Анджелес. Оба города стали местами убийств двух братьев Кеннеди. Случайность или неслучайная символика? Не будем гадать, подождем, когда приоткроются новые тайны. А есть ли на то надежды?

Главный советник и административный директор специальной комиссии конгресса по расследованию убийств профессор юриспруденции Роберт Блейки уже после окончания работы комиссии заявил, что «имеются живые люди, которые, возможно, были замешаны в убийстве президента Кеннеди», что «надлежит энергично заняться этими людьми любыми конституционными методами» и что, если они будут привлечены к уголовному суду, он мог бы доказать их виновность.

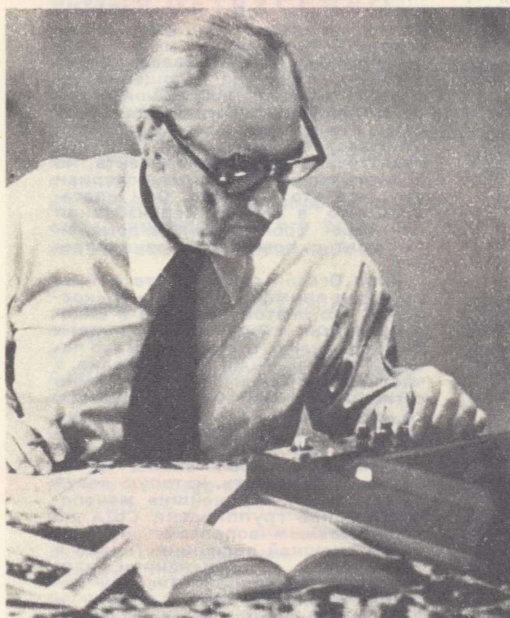
Так за чем же дело стало?

ТЕАТРЫ РАЗНЫЕ, НО ЛЮБИМЫЕ

Б. А. ПОКРОВСКИЙ,
народный артист СССР

— Борис Александрович, вам исполняется семьдесят лет. Кроме того, свои десять лет будет праздновать ваше детище — созданный вами Московский камерный музыкальный театр. В связи с этим позвольте задать вам несколько вопросов. Режиссерское отделение ГИТИСа вы окончили в 1938 году. В то время отделения режиссеров музыкального театра еще не было, ваши товарищи по учебе стали режиссерами драматического театра, а вы сразу же поступили в Горьковский театр оперы и балета, потом в Большой театр СССР... В вашем «послужном списке» нет ни одного драматического спектакля: верность опере вы пронесли через всю жизнь и сохраняете до сегодняшнего дня. Что же привело вас в оперу?

— Попробую вспомнить, когда мне пришло на ум сделаться оперным режиссером. Это было еще в детстве — так рано, что я

и не помню, когда... Я рос в семье, где очень любили оперу. Но в оперном театре никто не работал и никто вообще не был связан с искусством: отец — директор школы, мама хозяйничала дома. Но граммофонные пластинки с записями любимых опер, разговоры о музыке и обсуждение спектаклей, наконец, абонемент на четвертый ярус Большого театра — все сыграло свою роль. Я в детстве «режиссировал» своими играми и игрушками, «режиссировал», импровизируя на рояле и разучивая фортепианные произведения, которые мне полагалось просто учить, потому что я занимался музыкой... Какое бы произведение я ни исполнял, у меня всегда внутренне возникал связанный с этим произведением зрительный ряд. А главное — я всегда проигрывал в уме все оперы, которые слушал.

Молодой человек не всегда может сразу определиться в жизни, и я, естественно, занимался разными профессиями: был и хронометражистом и рабочим и аппаратчиком на химическом заводе; аккомпанировал в кино, когда шли еще «немые» фильмы; был актером Московского рабочего художественного театра; работал на радио редактором — составлял музыкальные программы. И все это время искал себя: старался понять, что же такое я люблю, а самое главное — узнать, где этому учат. Так и выяснилось, что это любимое — режиссура. А учат — в ГИТИСе, институте театрального искусства. Сперва я поступил в ЦЕТЕТИС — театральный техникум: потом меня перевели в ГИТИС. Конечно, я знал, что там готовят только драматических режиссеров. Но меня это не отпугивало: мне нужна была профессия режиссера. А уж сделать поправку на режиссера оперного я должен был сам, поскольку был музыкантом. Я стажировался в оперном театре Станиславского. Эта стажировка принесла большую пользу. Мне посчастливилось и встретиться со Станиславским, разговаривать с ним... Вернее, я слушал то, что он мне говорил...

После окончания института меня послали в город Горький, в оперный театр, как «желающего работать в опере». Там я делал свой дипломный спектакль — «Кармен» Бизе, и поскольку дипломов оперного режиссера тогда не было, я получил диплом режиссера драматического театра.

Драматических спектаклей, однако, я не ставил. У меня всегда было очень много предложений на оперные спектакли — и в нашей стране и за рубежом. Я ставил много и часто: менять свои постановки на спектакли в драматическом театре мне не хотелось. Хотя были и очень интересные, лестные для меня предложения от самых больших наших драматических театров и их уважаемых руководителей...

— За что же именно вы любите оперу?

— В природе оперного искусства заключен величайший синтез. Человек в процессе своего восприятия сопоставляет два замечательных художественных явления: искусство музыки и искусство драмы, театра... Вот это сопоставление, по-моему, и есть то главное, что определяет специфику оперы. Оно у каждого зрителя и у каждого слушателя — слушающего зрителя, как я люблю называть публику,— рождает образ. Рождает личный образ: это есть творчество зрителя во время спектакля. И надо каждый раз искать способ взаимодействия со зрителем. Способ добиться того, чтобы эти образы возникали у него с наибольшей яркостью, с точностью и полнотой соответствия образа замыслу композитора... Это представляет для меня огромный интерес и доставляет глубокую радость.

— В Большой театр вы пришли в 1943 году и почти сорок лет работаете на этой прославленной сцене. Какие из ваших спектаклей считаете главными, этапными?

— Я думаю, что любому режиссеру трудно ответить на такой вопрос. Вероятно, на каждом этапе есть свой спектакль, который принес существенную пользу, а потому и является любимым... В начале моей творческой деятельности в Большом театре такую пользу мне принес «Евгений Онегин» Чайковского; это мой первый спектакль в Большом театре. До сих пор он идет на сцене, вот уже почти сорок лет. Мне кажется, что этот шаг был сделан довольно твердо и что благодаря ему я доказал свое право на работу с коллективом Большого театра. Окончательно же утвердиться в Большом мне помогла опера «Садко» Римского-Корсакова. Это очень сложное монументальное произведение. Очень массовое, эпическое. Спектакль мне удалось сделать энергичным, удалось утвердить свой метод работы и над массовыми сценами и с солистами. В этом мне помогли и замечательные артисты Большого театра, и художник Ф. Ф. Федоровский, и прежде всего — выдающийся дирижер Н. С. Голованов.

Но вот проходит время, и надо искать какие-то новые эстетические нормы современного оперного спектакля Большого театра. Я поставил оперу С. Прокофьева «Игрок», где появились новые для Большого театра черты, каких в его творчестве еще не было... Найденное надо было утвердить, и, вероятно, это и было утверждено в постановке оперы Р. Щедрина «Мертвые души». Но всегда кажется, что и дальше будут спектакли, которые снова откроют новое: ведь каждый спектакль не только фиксирует то, что найдено,— он еще и ставит вопросы, открывает какие-то новые проблемы. Каждый спектакль не только ответ, но еще и вопрос для будущего.

— В Большом театре вы всегда были, Борис Александрович, предельно загружены значительной и интересной работой. И все-таки десять лет назад организовали и возглавили еще один театр — Камерный музыкальный. Что послужило причиной?

— Организация Московского камерного музыкального театра — вовсе не результат «творческого голода» или невозможности что-то поставить на сцене Большого театра. Это — другое. Это — стремление исследовать какие-то иные стороны, иные возможности оперного искусства. Ведь опера родилась в Италии как камерная. Родилась в комнатах с маленьким оркестром и малым количеством публики, а потом уже вышла и на площади и появилась в больших залах. И мне хотелось восстановить в нашей стране культуру камерной оперы. Ведь в России и до Глинки замечательные композиторы писали замечательные камерные произведения. И за рубежом великие композиторы мира писали камерные произведения для камерных театров. И что же — разве все это должно лежать на полках музыкальных библиотек? Я считал, что когда-то все это должно быть обнародовано, что искусство камерной оперы должно существовать наравне с искусством большой оперы, которая завоевала всеобщий успех, всеобщую славу и любовь... Так вот и родился Московский камерный музыкальный театр.

Далее пришли уже и новые задачи. Это задачи создания современных опер. В репертуаре Камерного театра много опер, которые написали современные композиторы. А если я перечислю те названия, которые еще могут появиться (потому что композиторы для нас пишут, и мы этому очень рады), то станет ясно, что в большом оперном театре этого просто быть не может: наш Камерный театр более мобильный, оперативный. Он может решать задачи быстрее и более смело участвовать в развитии современного репертуара. Десятилетний опыт нашего театра полностью подтвердил эти предположения.

— В таком случае есть ли различие между творческими принципами вашей работы в Большом театре и в Камерном?

— Да, разумеется, такие различия есть. Они продиктованы именно теми различиями, которые существуют между этими двумя театрами. Продиктованы разным характером восприятия этих спектаклей зрителем. В Камерном театре артист не отделен рампой от зрителей, ничем не прикрыт от него: зритель видит даже его глаза! Поэтому здесь я требую от артистов прежде всего тонкости и проникновенности, искренности

интервью «огонька»

переживаний. В Большом же театре, где артисты разбросаны по огромному пространству сцены и отделены от зрителей большим расстоянием, я добиваюсь большей масштабности, броскости, монументальности...

— Весной прошлого года в Москве на базе вашего Камерного проходил Международный симпозиум по проблемам камерной оперы. Что принес симпозиум ценного и интересного для вашей дальнейшей творческой работы?

— Мне думается, он сыграл определенную роль в пропаганде принципов камерной оперы и камерного театра, в их дальнейшем развитии. Очень важен был его международный характер. Ведь для того и созываются международные симпозиумы и конференции, чтобы обмениваться опытом, нелицеприятно говорить друг другу то, что мы думаем. Можно не соглашаться с чужой точкой зрения: важно, что мнение высказано,— это уже повод для раздумья. В общем, свою роль симпозиум выполнил.

— Труппа Большого театра и Камерный театр часто выезжают на гастроли за пределы нашей страны. Как их принимают за рубежом?

— Гастроли Большого театра и Камерного — это совсем разные гастроли. Но оба театра имеют за границей успех. Большой театр с огромным успехом показывает за границей русскую и советскую классику как сегодняшний ее эталон. Мусоргский ли это или Чайковский, Римский-Корсаков или Прокофьев — это должен быть Большой театр сегодня! Обязательно сегодня. Таковы и были, например, прошедшие с огромным успехом гастроли Большого театра в Италии, в знаменитом миланском театре Ла Скала... Камерному театру легче проводить гастроли: это театр молодой, он показывает действительно современные постановки, и как к молодому театру, к нему, конечно, отношение более снисходительное; приходят на спектакль с любопытством: что покажет молодежь?

После успешных гастролей с оперой «Нос» Шостаковича в Западном Берлине нас туда пригласили на фестиваль Стравинского и даже предоставили почетное право открыть фестиваль оперой «Похождения повесы»... На этом фестивале успех был еще больше.

— Борис Александрович, судя по тому, что вы поставили в Большом театре и за рубежом почти все оперные произведения Прокофьева,— это ваш любимый композитор?

— Я не могу сказать, что Прокофьев — самый любимый мой оперный композитор. Может быть, самый любимый — Мусоргский... Но Прокофьев, так же как и Шостакович, так же как и все современное оперное творчество — в том числе Бриттен, Гершвин, Стравинский,— разрабатывают, хоть и по-разному, творческие принципы Мусоргского. В этом отношении Прокофьев — фигура наиболее яркая,— он очень принципиален: его ни с кем не спутаешь, ни с кем не сравнишь — Прокофьев есть Прокофьев.

Мне кажется, мы все должны гордиться тем, что у нас есть два советских классика в музыке — Прокофьев и Шостакович. Они во всем мире признаны классиками, их не надо пропагандировать. Я просто считаю нужным, полезным и необходимым для публики, для театра, для артистов, для всех нас и для всего нашего искусства, да просто для сферы наших художественных общений, чтобы оперы Прокофьева шли как можно чаще и как можно больше.

Что я люблю в Прокофьеве? Он утверждает жизнь. Он оптимист. Он всегда и везде, в каждой опере, в каждой ноте, в каждом такте, в каждом слове — человек, который преодолевает все сложности, все трудности на пути своих персонажей, так же, как сам преодолевал все сложности и все препятствия в своей собственной жизни. Преодолевал и утверждал жизнь, любил эту жизнь и пользовался этой жизнью во славу общего счастья. Я хотел бы, чтобы в моей режиссерской биографии были постановки всех опер Прокофьева. Для этого уже осталось сделать не очень много: в Большом театре идут «Война и мир», «Семен Котко» и «Игрок». Только что я осуществил постановку оперы «Огненный ангел» в Пражском Национальном театре. В ближайшее время собираюсь поставить в Большом театре «Обручение в монастыре» или «Дуэнью». А в Лейпцигском оперном театре — «Любовь к трем апельсинам».

— В заключение традиционный вопрос: над какими спектаклями работаете вы сейчас в своих двух театрах? И каковы дальнейшие планы?

— Я выпустил оперу, вернее, балет с пением,— «Семь смертных грехов» Брехта, музыка Вайля. Мы впервые играем эту оперу: она еще никогда не шла у нас в стране. Мы играем ее на сцене Камерного театра. Исполнители спектакля — студенты четвертого курса отделения музыкального театра ГИТИСа. Это мой курс, которым я руковожу.

Я уже сказал, что хочу поставить в Большом театре «Обручение в монастыре», а в Лейпциге — «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева. Впереди интереснейшая работа и в Камерном театре — это своеобразная реставрация старинного спектакля, или, как раньше называлось, спектакля школьного театра, народного действа, сочиненного в конце семнадцатого века знаменитым просветителем — Дмитрием Ростовским... С большим успехом у нас идут русские оперы восемнадцатого века. А теперь мы заглянем, что же было в конце семнадцатого. Забывать нашу русскую культуру и истоки нашего современного искусства нельзя! Здесь много прекрасных образцов. Мы должны не только их уважать, но учиться у них подлинной народности, демократичности... В Камерном театре будут поставлены и одноактные оперы А. Холминова на два сюжета из Чехова. Первая опера — «Ванька»; исполнитель — мальчик.. Мы часто поручаем ответственные художественные задачи детям. Даже просто «детям с улицы», как говорится, «дворовой команде». И они отлично все выполняют. А другая опера по Чехову — «Свадьба». Обе пойдут в один вечер.

Мечтаем показать и незаконченную оперу Шостаковича «Игроки» по Гоголю.

Думаю, мы можем позволить себе такую роскошь — ставить в нашем театре даже незаконченные произведения, если они действительно достойны внимания наших зрителей и слушателей...

Беседу вела Е. ДЮКИНА.

Полезное знакомство

**Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ**

Телефон зазвонил в тот самый момент, когда Михаил Алексеевич Гостев, сидя в ванне, заканчивал вторичное намыливание головы.

«Звони, звони!— злорадно подумал Гостев.— Долго ждать придется. Я еще в третий раз намыливаться буду...»

Михаил Алексеевич знал, кто звонит. Это не иначе как Зинин, у которого он в прошлом месяце восемь рублей занимал. Зинина Гостев не уважал, поэтому к телефону твердо решил не подходить.

— Нахал невыдержанный!— покачал намыленной головой Михаил Алексеевич.— За восемь рублей столько беспокойства. Видит ведь, что никто не подходит. И чего трубку не вешает!

После десятого звонка Гостев засомневался:

— А ведь, пожалуй, что это и не Зинин! Этот скупердяй знает, что меня измором не возьмешь, он так долго висеть на телефоне не станет...

Михаил Алексеевич некоторое время задумчиво вслушивался в звонки, сидя с зажмуренными глазами, потом вдруг так резко стукнул себя кулаком по намыленному лбу, что голова ушла под воду.

— Так ведь это ж Роман звонит! Он мне воблы вчера обещал достать. Ну, конечно, он! По пустякам так долго звонить не будет!

Гостев шумно выплеснулся из ванны вместе с водой и, энергично встряхиваясь на ходу, засеменил к телефону.

— Алло! Алло! Это ты, Роман?.. Ну, достал?!

— Никакой я тебе не Роман! — обиделся голос в трубке.— Что же ты, дядя, теткин муж, родного племянника не узнаешь?!

— Племянника?— разочарованно переспросил Михаил Алексеевич.— Какого еще племянника? Это ты, что ли, Василий?

— К чему скрывать?— сознался голос.— Под псевдонимом прятаться не стану. Василий и есть.

«Да хоть бы тебя и не было никогда!»— подумал Гостев и приветливо произнес:

— Что-то давно тебя не слышно. Совсем ты нас забыл!

— Не забыл, не забыл!— перебил его племянник.— Я всегда о вас помню. Понимаешь, дядя, блат у меня хороший завелся. Полезное, так сказать, знакомство...

— Ну-у?— насторожился Михаил Алексеевич.— Может, ты и меня, так сказать... познакомишь?..

— О чем речь!— удивился Василий.— Конечно, познакомлю! Затем и звоню, чтобы и ты мог породственному блатом моим попользоваться...

— Спасибо, Вася!— с чувством сказал Гостев.— Ближе тебя у меня человека нету! А по какой части знакомство-то?

— По культурной. Билетерша у меня знакомая завелась на танцплощадке. Мировая женщина! Принципиально с меня денег за вход не берет! Могу, если пожелаешь, и насчет тебя договориться.

— Ты с кем разговариваешь?!— обиделся дядя.— Укропу объелся?! Думаешь, я всю свою сознательную жизнь только и мечтал, как бы мне на танцульки с черного хода просочиться?! Честно скажу: не ожидал от тебя, Василий, такой пакости в отношении родного дяди!

— Да ты погоди, не горячись!— прервал его племянник.— Ты только подумай своей головой: ведь это какая выгода! Я тебе не чепуховину какую-нибудь подсовываю. Ты знаешь, сколько стоит один билет на танцплощадку? Пятьдесят копеек, вот сколько! Грубо говоря, полтинник!

— Да провались он совсем, этот полтинник, чтобы я из-за него целый вечер ногами бесплатно дрыгал! Невелики деньги. Переживем.

— Опять горячку порешь. Ты прикинь без обиды: танцплощадка открыта шесть раз в неделю, по понедельникам у них там выходной. Значит, полтинник умножаем на шесть, получается три рубля чистой экономии. А за месяц выходит тринадцать рублей с копейками. Чем не деньги?

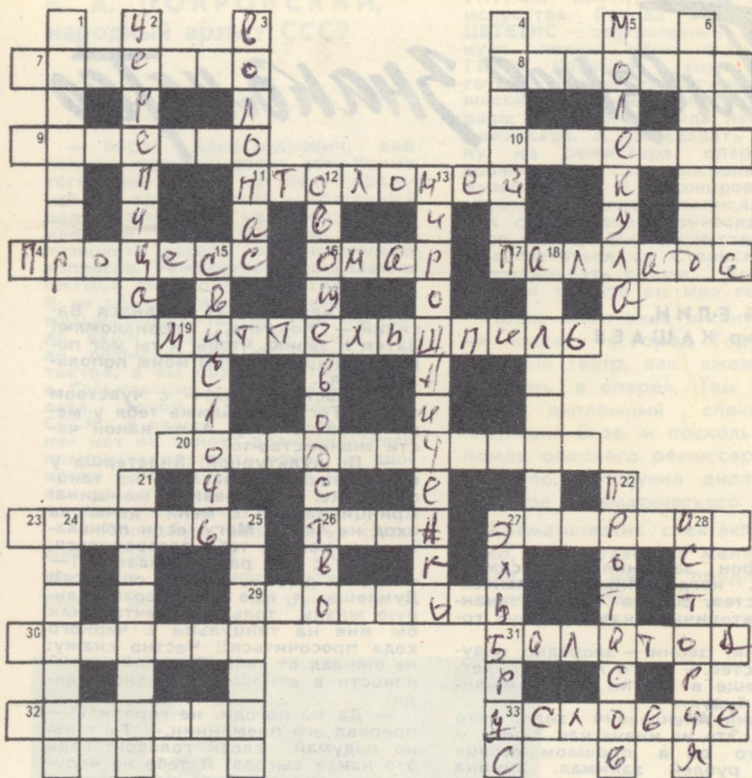
— Да ну тебя!— после некоторого раздумья сказал Михаил Алексеевич.— Это ж за тринадцать рублей целый месяц дома по вечерам не бывать! И телевизор-то не посмотришь толком...

— Наплевать на твой телевизор!— убежденно возразил Василий.— Какая от него выгода? Расходы одни! А то, что я тебе предлагаю,— это дело верное. Ты думаешь, мы на тринадцати рублях остановимся? Как бы не так! Раз я жилу золотую поймал, так уж будь уверен, не упущу. Что такое тринадцать рублей в месяц? В год это получается... двенадцать на тринадцать... погоди, карандаш возьму... так-так... сто пятьдесят шесть рублей как одна копеечка! Ну, округлим, грубо говоря, до ста пятидесяти. Получается, что за какие-нибудь три года мотоцикл можно купить. За четыре, если захочешь, корову. За пять лет на путешествие вокруг Европы накопишь. За десять — на садовый домик с участком. За двадцать — на «Запорожец». А за тридцать лет...

— Погоди, погоди...— осевшим голосом произнес дядя.— Тридцать лет — это ты того... многовато взял. Я, может, и не протяну столько. Мне бы побыстрей надо. Ты вот что... Нельзя ли там устроить... Тебе ведь все равно, наверно. Вот я и говорю... А что, если мы придем на эту танцплощадку вдвоем с женой, а?..

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Опера Л. Бетховена. 8. Транспортный самолет. 9. Картина художника-передвижника И. С. Остроухова. 10. Актер, режиссер, народный артист СССР. 11. Древнегреческий астроном. 14. Последовательная смена производственных операций. 16. Крупный морской рак. 17. Малая планета. 19. Середина шахматной партии. 20. Рыба, обитающая в тропических морях. 23. Химический элемент, металл. 26. Фруктовое дерево, кустарник. 27. Роман Ф. В. Гладкова. 29. Город в Гродненской области. 30. Рассказ А. П. Чехова. 31. Озеро в Венгрии. 32. Русский публицист и критик, революционный демократ. 33. Статья договора; основа, предпосылка к действию.

По вертикали: 1. Композитор, один из основоположников французской комической оперы. 2. Кровельный материал из обожженной глины. 3. Северное созвездие. 4. Русский народный духовой инструмент. 5. Наименьшая частица определенного вещества. 6. Корзинка из лубка или прутьев. 12. Отрасль земледелия. 13. Певица, народная артистка СССР. 15. Приток Березины. 18. Ценный пушной зверь, енот. 21. Лебедка с барабаном для поднятия якоря, причаливания судов. 22. Действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп». 24. Сельскохозяйственное орудие для обработки почвы под пропашными культурами. 25. Приток Ангары. 27. Высочайшая вершина Большого Кавказа. 28. Комплекс общественных наук, изучающих прошлое человечества.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 1. Кокарда. 6. Сервиз. 7. Полоса. 8. Новосибирск. 10. Ковер. 11. Гадулка. 13. Цапфа. 15. «Мизантроп». 16. Гравиметр. 18. Атолл. 20. Турнепс. 21. Клодт. 23. Достоевский. 26. Фосфор. 27. «Казаки». 28. «Воевода».

По вертикали: 1. Кузов. 2. Амплитуда. 3. Ампир. 4. Лежнев. 5. Эстамп. 8. Норденшельд. 9. Коцюбинский. 10. Кремона. 11. Гидрант. 12. Антарес. 14. Антракт. 17. Менделеев. 19. Омолон. 22. Одарка. 24. Серов. 25. Кукша.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работницы Конаковского ордена Трудового Красного Знамени фаянсового завода имени М. И. Калинина Нинель Гаврилова и Ольга Комиссарова. (См. в номере материал «Глазури конаковские».)

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Музей прикладного искусства Узбекской ССР в Ташкенте * Скульптуры А. Мухтарова. (См. в номере материал «Добрый талант».)

Фото И. Тункеля

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.12.81. Подписано к печати 12.01.82. А00302. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 218. Заказ № 1712.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

О братьях меньших

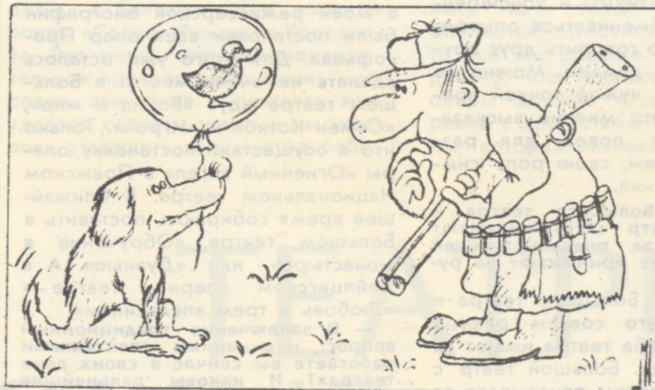

Рис. Е. Милутки

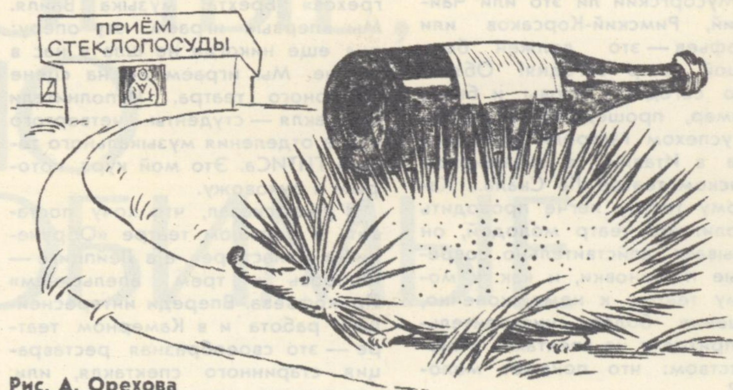

Рис. А. Орехова

Рис. В. Дубова

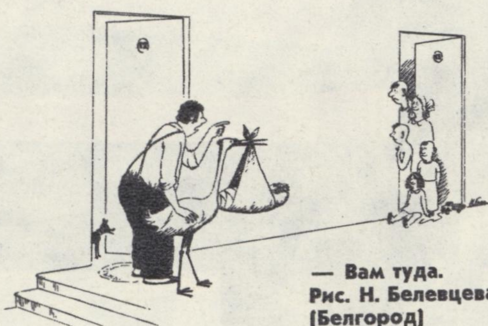

По секрету. Фото Б. Кузьмина.

Нарушитель.
Фото Э. Эттингера.

Рис. В. Федорова
(Челябинск)

— Вам туда.
Рис. Н. Белевцева
(Белгород)

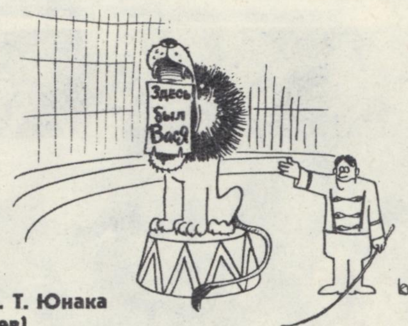

Рис. Т. Юнака
(Киев)

— Эх, прокачу!
Фото Л. Грубинскаса (Паневежис)

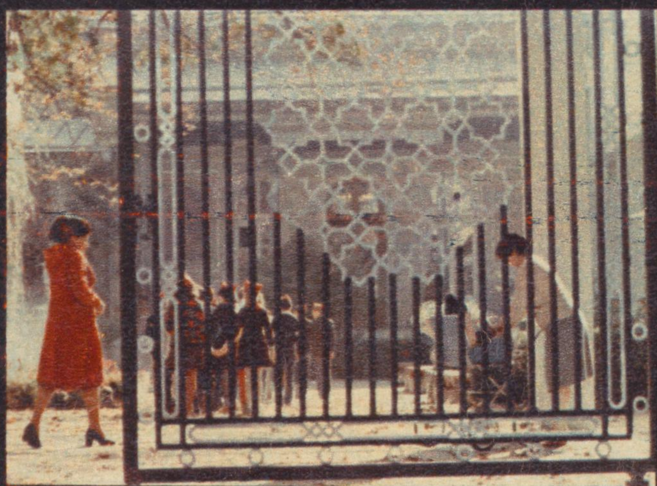
Соло. Фото В. Лебедева

— Ты меня уважаешь!
Фото А. Гращенкова

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663